

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 3 · № 4 · ИЮЛЬ – АВГУСТ · 2005

Содержание

Корзина с сюрпризом *Фёдор Лукьянов* 5

Мировое управление

«При большей свободе»: время решений в ООН *Кофи Аннан* 8
Невозможно устранить современные угрозы без опоры на широкое, глубокое и устойчивое сотрудничество. Чтобы предотвратить террор, укрепить режим нераспространения ядерного оружия и принести спокойствие в раздираемые войной страны, государствам мира следует создать систему коллективной безопасности. Одновременно необходимо содействовать демократии, обеспечению прав человека и развитию. ООН же должна претерпеть самые масштабные преобразования за всю ее историю.

Сговор космополитических элит *Брайант Гарт, Ив Дезале* 21
Хитрость и сила современного имперского мышления состоит в том, что оно экспортирует и свои методы критики. Даже оспаривание американской модели происходит на базе исследований и приемов, распространенных в США.

Доктрина Буша: концепция, разделившая Америку
Анатолий Уткин 29
Спектр противников доктрины Буша весьма широк. Ее критикуют в США, она отвергается большинством в Западной Европе, России и Китае, с ней ведет войну исламский мир. Никто не желает даровать самой могущественной стране мира право упреждающего удара. Это открывает перспективу создания широкого альянса защитников собственного суверенитета.

Смена режима и пределы ее эффективности *Ричард Хаас* 43
До сегодняшнего дня администрация Буша давала понять, что хотела бы решить свои проблемы с Северной Кореей и Ираном таким же образом, как она сделала это с Ираком, — посредством смены режима. Но не похоже, что эта стратегия сработает; по меньшей мере, она не обеспечит достаточно быстрый успех. Необходим более широкий подход, основанный на переговорах, введении санкций и угрозе применения силы.

Южный фланг

- Маятник иранской демократии *Владимир Сажин* 58
 Выборы президента Ирана показали, что можно говорить о наличии в стране широкой демократии, хотя и ограниченной узкими и жесткими рамками исламской государственности. Более того, нигде на Ближнем и Среднем Востоке (за исключением Израиля) нет сопоставимого с иранским уровнем свободы волеизъявления.
- Партнерство для Центральной Азии *Фредерик Старр* 72
 Вовлечение Соединенных Штатов в дела Афганистана стало переломным и весьма позитивным событием для всей Центральной Азии, но недостаток интереса к происходящему там и нескоординированность политики могут свести на нет достигнутые успехи. Чтобы не упустить представившуюся возможность добиться прогресса в жизненно важном регионе, Вашингтону следует учредить Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии.
- Ключи от счастья, или Большая Центральная Азия
Ирина Звягельская 88
 Государства Центральной Азии, без сомнения, нуждаются в свободных выборах, искоренении коррупции и реальном демократическом представительстве. Но когда за стимулирование реформ в присущем им стиле берутся Соединенные Штаты, то возникает вопрос: действительно ли их целью является установление демократии, или же ими движут иные мотивы?

Общеввропейский процесс

- Заключительный акт: занавес опускается?
Анатолий Адамишин 94
 Тридцать лет назад арсенал международной политики пополнился новым инструментом: понятие «права человека» и гуманитарная проблематика были закреплены в Заключительном акте хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Тогда мало кто из подписантов представлял себе роль, которую предстоит сыграть «третьей корзине» в мировой истории.
- Еще раз о плюсах европейского выбора *Аркадий Мошес* 111
 В отношениях с Европой Россия напоминает сегодня сказочного витязя на распутье, мучительно решающего, продолжать ли ему путь. Движение вперед, к интеграции может быть чревато очень болезненными последствиями, но оно же способно принести и осязаемую выгоду. А вот если и дальше топтаться на месте, то рассчитывать на выигрыш точно не стоит.
- Кризис ЕС и политика России 122
 После одобрения совместных с Европейским союзом «дорожных карт» по «общим пространствам» Россию уже неправомерно считать исключительно внешним по отношению к Евросоюзу игроком. Заявив о намерении «построить открытый и интегрированный рынок» с Евросоюзом, Москва пусть и формально, сделала шаг вперед, приблизившись к положению европейского «инсайдера».
- Европейский союз и его «новые соседи» *Хайнц Тиммерманн* 128
 Евросоюз должен воспринимать себя как партнера, но при необходимости и как оппонента России. Последнее важно в тех случаях, когда поведение Москвы во внутренней и внешней политике резко противоречит основным европейским ценностям и интересам.

Революционная ситуация

- После СНГ: одиночество России *Михаил Делягин* 142
Драматическое ослабление влияния российской бюрократии на ближнее зарубежье привело к появлению качественно новых проблем, которые она не в состоянии решить. Эти проблемы могут способствовать дестабилизации российского общества, повышая вероятность революционного развития.
- «Оранжевая революция» *Тимоти Гартон Эш, Тимоти Снайдер* 152
Нужна открытая дискуссия об основных нормах, регулирующих внешнее, преимущественно финансовое, вмешательство в избирательные процессы во имя поддержки демократии. Американская и европейская политика в Украине, в отличие от российской, вполне соответствовала моральным нормам. Запад просто помог украинцам сделать то, что они сами для себя хотели.
- Демократия: дистанционное управление *Владимир Фролов* 166
Из инструмента народного волеизъявления выборы в странах СНГ все чаще превращаются в удобный повод для многостороннего внешнего вмешательства. Цель его – смена правящего режима через оспаривание результатов голосования и делегитимацию действующих конституционных процедур.
- Экстремисты моральной революции *Адам Михник* 179
Радикалам, сторонникам крайних решений, экстремистам всех цветов радуги необходимы потрясения, ибо только такие переворачивающие мир встряски позволяют им реализовать мечту о Великом Очищении. И в этом пламенные ультрареволюционеры ничем не отличаются от убежденных ультраконсерваторов.

Рецензии

- Подспорье для глобалистов *Наталья Волчкова* 200
- Люди, создающие идеи, и идеи, создающие людей
Александр Архангельский 204
- Вечный вопрос «вечного города»
Григорий Меламедов, Алек Эпштейн 209
- Украина: от потрясения к потрясению *Евгений Бобров* 213

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.

«Интеррос»

ВАЙНШТОК С.М.
ОАО «АК «Транснефть»»

ВАРДАНЯН Р.К.
«Тройка-Диалог»

ВЕКСЕЛЬБЕРГ В.Ф.
ОАО «СУАЛ-Холдинг»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
*председатель совета директоров
Ассоциации по защите прав
инвесторов*

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.
«Новые энергетические проекты»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

ЦВЕТКОВ Н.А.
ФК «Уралсиб»

УЧРЕДИТЕЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(РАБОТОДАТЕЛЕЙ)

ОАО «РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«ИЗВЕСТИЯ»»

Издается АНО РИД «Глобус»

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (095) 980-7353
Факс: (095) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 1539.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)
БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя
БЕРГСТЕН Фред (США)
БИЛЬДТ Карл (Швеция)
ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)
ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)
ЗВЕРЕВ С.А.
ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)
ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
*председатель
научно-консультативного
совета*
КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.
КОКОШИН А.А.
КОЛЬ Гельмут
(Германия)
КОМИССАР М.В.
КОПЬЕВ В.В.
КУЗЬМИНОВ Я.И.
ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)
ЛИВШИЦ А.Я.
ЛУКИН В.П.
ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор
МАУ В.А.
МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)
НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.
ПОЗНЕР В.В.
ПРИМАКОВ Е.М.
ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)
РЫЖКОВ В.А.
ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)
ТОРКУНОВ А.В.
УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)
ХАКАМАДА И.М.
ХОУГ Джеймс (США)
ШМЕЛЁВ Н.П.
ЭЛЛИСОН Грэм (США)
(Франция)
ЮРГЕНС И.Ю.
ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
председатель
АДАМИШИН А.Л.
БУТОРИНА О.В.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.
ЛОМАНОВ А.В.
МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.
ЭНТИН В.Л.
ЮРЬЕВ А.И.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно», «Труд»
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Журнал издается при финансовой поддержке
Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Автор макета
Константин Ралченко

*Англоязычное издание
Russia in Global Affairs*

Ответственный редактор
Александр Кузьяков

Верстка
Наталья Заблочките

Редактор
Ринат Якубов

*Завотделом
переводной литературы*
Любовь Рыклина

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Стилист
Роберт Бридж

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинникова

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Корректор
Людмила Купченко

Ответственный секретарь
Наталья Шупленькова

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
subscribe@globalaffairs.ru

Иллюстрации
Александр Бобосов

Корзина с сюрпризом

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Тридцать лет назад, 1 августа 1975 года, в Хельсинки был подписан Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот документ закрепил геополитический статус-кво в Старом Свете, а также ввел в международную политику понятие «третья корзина». Имелись в виду вопросы гуманитарного характера, и прежде всего состояние прав человека, которые Москва впредь обязалась соблюдать. «Для меня до сих пор остается загадкой, как Заключительный акт с его “ересями” прошел через Политбюро ЦК КПСС», — признается ветеран дипломатии **Анатолий Адамишин**, участник переговоров.

Нерушимость территориального деления и идеологического баланса в Европе, ради которой Советский Союз и затевал общеевропейский процесс, не выдержала испытания временем. Зато права и свободы превратились в эффективный инструмент, способный менять геополитический ландшафт. Спустя всего пять лет, в августе 1980-го, в Польше (одном из основных бенефициариев Хельсинкских соглашений, легитимировавших послевоенные границы) возник профсоюз «Солидарность», которому суждено было стать мощным катализатором евро-

пейских перемен. Не случайно его 25-летие отмечается в этом году с большой помпой. О Революции, Реставрации и о том, как благородные порывы эпохи перемен перерождаются в нетерпимость и террор, размышляет один из самых ярких польских диссидентов **Адам Михник**.

В начале XXI века под лозунгом свободы и демократии меняются режимы: где-то — после силовых акций извне (как на Ближнем Востоке), где-то — в результате внутренних катаклизмов (как на территории бывшего СССР). Из «третьей корзины» выросли транснациональные неправительственные организации (НПО), которые сегодня все больше воздействуют на политику. О причинах могущества этих структур, об их роли в глобализации и на международном «рынке солидарности» размышляют французские исследователи **Брайант Гарт** и **Ив Дезале**.

В этой связи неудивительно, что деятельность НПО в России и на всем постсоветском пространстве привлекает к себе особенно пристальное внимание. Одни надеются, что воздействие извне ускорит демократические процессы, другие, напротив, принимают меры по защите суверенитета. Кстати, историк **Анатолий Уткин** полагает, что именно

желание защитить суверенные права от агрессивного гегемона способно объединить ведущие мировые державы. К объединению — правда, не ради противодействия Соединенным Штатам, а в целях борьбы с глобальными угрозами — призывает в своей программной статье о реформе Организации Объединенных Наций ее генеральный секретарь **Кофи Аннан**.

Британский ученый **Тимоти Гартон Эш** и его американский коллега **Тимоти Снайдер** излагают свой, весьма непривычный для россиян, но распространенный сегодня на Западе взгляд на историю и политику Украины. Размышляя об украинской революции, они оправдывают внешнее, по крайней мере финансовое, вмешательство во имя демократии и призывают сформулировать критерии его допустимости. Смена режимов осуществляется с помощью хорошо разработанной технологии, основанной на использовании избирательных процедур, убежден политолог **Владимир Фролов**. По его мнению, ключевую роль при этом играют структуры Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. К такого рода внешним вызовам российский управляющий класс абсолютно не готов, утверждает экономист **Михаил Делягин**.

Известный американский стратег **Ричард Хаас** критически анализирует иракский опыт смены режимов и возможность его применения в других странах, например в Иране. Востоковед **Владимир Сажин** также обращается к иранской теме: опираясь на свои наблюдения за ходом выбо-

ров иранского президента, он пытается разобраться в хитросплетениях исламской демократии.

Любопытна полемика американского эксперта **Фредерика Старра** и российского исследователя **Ирины Звягельской** относительно роли Соединенных Штатов в Центральной Азии. Эта тема обрела особую актуальность после того, как участники июльского саммита Шанхайской организации сотрудничества обратились к США с призывом покинуть их регион.

Общеввропейского процесса в понимании инициаторов СБСЕ больше не существует, а единая Европа строится без участия России. Проблемы взаимоотношений Москвы и Брюсселя, связанные с различием ценностных установок, рассматривают **Хайнц Тиммерманн** и **Аркадий Мошес**. Российский исследователь обращает особое внимание на возможности, которые откроет перед Россией четко продекларированный «европейский выбор». Наконец, участники рабочей группы под руководством **Сергея Караганова** анализируют значение для России нынешней ситуации в Европейском союзе — кризиса конституционного процесса и разногласий по будущей модели развития.

В следующем номере мы обратимся к наиболее бурно развивающимся государствам мира — Индии и Китаю, к вопросу о нефтяных ценах и к, увы, по-прежнему актуальной теме терроризма. Своего часа дождется и анонсированный в прошлый раз материал о российско-украинских переговорах по Черноморскому флоту.

Мировое управление

Финские миротворцы из контингента ООН на Кипре, 1964 год

“ Будущие поколения не простят нам, если мы продолжим двигаться по нынешнему пути. Мы не можем действовать вразнобой и обходиться незначительными ответными мерами... Миру необходимо срочно объединиться, чтобы управлять сегодняшними угрозами и не позволить им разделить и тем самым одолеть нас ”

«При большей свободе»: время решений в ООН Кофи Аннан

8

Сговор космополитических элит Брайант Гарт, Ив Дезале

21

Доктрина Буша: концепция, разделившая Америку

Анатолий Уткин

29

Смена режима и пределы ее эффективности Ричард Хаас

43

«При большей свободе»: время решений в ООН

Кофи Аннан

НАША ОБЩАЯ УЯЗВИМОСТЬ

«Что на сегодняшний день является самой серьезной угрозой?» Задайте этот вопрос инвестиционному банкиру из Нью-Йорка, который каждый день по дороге на работу идет мимо места, где раньше стояли башни Всемирного торгового центра. Потом спросите о том же у двенадцатилетнего неграмотного сироты из Малави, чьи родители скончались от СПИДа. Вы услышите два очень разных ответа. Попросите индонезийского рыбака, оплакивающего гибель всей своей семьи и разрушение своей деревни в результате недавнего опустошительного цунами, сказать вам, чего он больше всего боится. Потом обратитесь к крестьянину из суданского Дарфура, которого преследуют жестокие боевики и пугают бомбардировки. Каждый из них, скорее всего, ответит по-своему.

Расходящиеся представления о том, что является угрозой, часто оказываются самым большим препятствием на пути международного сотрудничества. Но, по моему мнению, в XXI веке мы не можем допустить, чтобы они побуждали мировые правительства стремиться к очень разным или противоположным целям. Между нынешними угрозами существует глубокая взаимосвязь, и они подпитывают друг друга. Страдания людей, проживающих в зоне неразрешенных гражданских конфликтов или в условиях крайней нищеты, могут усилить их тягу к терроризму. Массовое изнасилование женщин, слишком часто имеющее место при современных конфликтах, повышает вероятность распространения ВИЧ и СПИДа.

На самом деле несчастья, которые, как мы думаем, угрожают кому угодно, но только не нам, могут перекинуться и на нас са-

Кофи Аннан — генеральный секретарь Организации Объединенных Наций. Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 3 (май — июнь) за 2005 год. © 2005 *Council on Foreign Relations Inc.*

мих. В случае если бы ядерная атака террористов на какой-либо американский финансовый центр привела к резкому спаду глобальной экономики, то число африканцев, проживающих к югу от Сахары за чертой бедности, возросло бы на миллионы. Точно так же миллионы американцев быстро могли бы оказаться инфицированными, если бы по естественным причинам либо по злему умыслу в стране с низким уровнем здравоохранения вспыхнула новая болезнь, которую ничего не подозревающие авиапутешественники разнесли бы по миру еще до того, как ее распознали.

В одиночку ни одна нация не способна полностью защитить себя от этих угроз. Для решения проблем сегодняшнего дня — от недопущения попадания смертоносного оружия в опасные руки до борьбы с глобальным изменением климата, от предотвращения торговли секс-рабами, которую ведут организованные преступные группировки, до привлечения военных преступников к ответу перед компетентным судом — требуется широкое, глубокое и прочное глобальное сотрудничество. Объединяя усилия, государства способны добиться того, что превышает возможности даже самого могущественного государства, действующего самостоятельно.

Те, кто в 1945 году разрабатывал Устав Организации Объединенных Наций, очень ясно представляли себе эти реалии. Сразу после окончания Второй мировой войны, унесшей жизни 50 миллионов человек, они учредили на конференции в Сан-Франциско в 1945-м организацию для того, чтобы (говоря словами Устава) «избавить грядущие поколения от бедствий войны». Их целью было не узурпировать роль суверенных государств, а помочь государствам более эффективно служить своим народам за счет совместной работы. Учредители ООН знали, что эта инициатива не может быть предпринята на ограниченной основе, поскольку проблемы безопасности, развития и прав человека неразрывно связаны между собой. Поэтому они поставили перед новой всемирной организацией широкие цели: обеспечить уважение к фундаментальным правам человека, создать предпосылки для защиты правосудия и поддержания верховенства закона и, как сказано в Уставе, «содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе».

Когда Устав ООН говорит о «большей свободе», он подразумевает основные политические свободы, на которые имеет право каждый человек. Но этим Устав не ограничивается: он включает в данное понятие то, что президент Франклин Рузвельт называл «свободой от нужды» и «свободой от страха». И наша безопасность, и наши прин-

ципы давно требуют, чтобы мы раздвигали границы свободы на всех этих направлениях, понимая, что успешное положение дел на одном из них зависит от прогресса на остальных направлениях и усиливает его. Стремительное развитие технологий, растущая экономическая взаимозависимость, глобализация и глубокие геополитические перемены последних 60 лет сделали данный императив еще более необходимым. А после терактов 11 сентября 2001 года люди повсеместно пришли к осознанию этой необходимости. В душе каждого — независимо от его достатка и положения в обществе — возникло новое ощущение неуверенности в собственной безопасности. Яснее, чем когда-либо раньше, мы понимаем, что наша безопасность, наше процветание и даже сама наша свобода неразделимы.

БЛАГОПРИЯТНЫЙ МОМЕНТ ДЛЯ «НОВОГО САН-ФРАНЦИСКО»

Однако именно тогда, когда эти проблемы стали настолько очевидными, а коллективные действия столь явно необходимыми, мы видим глубокие разногласия между государствами. Подобные разногласия дискредитируют наши глобальные институты. Они приводят к увеличению разрыва между имущими и неимущими, между сильными и слабыми. Они сеют семена противодействия тем самым принципам, для продвижения которых и учреждалась ООН. И побуждая государства к поиску самостоятельных решений, они подвергают сомнению некоторые фундаментальные принципы, которые пусть и не идеально, но поддерживали международный порядок с 1945 года.

Будущие поколения не простят нам, если мы будем продолжать движение по этому пути. Мы не можем действовать вразнобой и обходиться незначительными ответными мерами в эпоху, когда организованные преступные синдикаты стремятся к контрабандным трансграничным поставкам секс-рабов и ядерных материалов, когда целые общества оказываются жертвой СПИДа, когда стремительный прогресс биотехнологий делает вполне вероятным появление «сконструированных вирусов», устойчивых к существующим вакцинам, и когда террористы, чьи планы очевидны, с легкостью пополняют свои ряды молодыми людьми в странах, где мало надежды, где еще меньше справедливости и где минимальное одностороннее школьное образование. Нашему миру необходимо срочно объединиться, чтобы управлять сегодняшними угрозами и не позволить им разделить и тем самым одолеть нас.

В последние месяцы я получил два серьезных документа, содержащих анализ имеющихся у нас глобальных проблем: один подготовлен состоящей из 16 экспертов Группой высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам, которую я просил дать предложения по укреплению нашей системы коллективной безопасности; другой подготовлен 250 специалистами, участвовавшими в ооновском Проекте тысячелетия и разрабатывавшими план действий по снижению вдвое глобальной нищеты в течение следующих десяти лет. Оба доклада замечательны как по своему трезвому реализму, так и по смелому видению будущего. После их тщательного изучения и широких консультаций с государствами – членами ООН я представил мировым правительствам мою собственную программу для новой эры глобального сотрудничества и коллективных действий.

Мой доклад, озаглавленный «При большей свободе», призывает государства использовать встречу мировых лидеров, которая состоится в штаб-квартире ООН в сентябре, для того, чтобы укрепить нашу коллективную безопасность, сформулировать подлинно глобальную стратегию развития, содействовать соблюдению прав человека и установлению демократии во всех странах и запустить новые механизмы, обеспечивающие выполнение связанных с этим обязательств. Ответственность государств перед своими гражданами и перед другими государствами, ответственность международных учреждений перед своими членами, а также ответственность нынешнего поколения перед будущими жизненно важны для нашего успеха. Учитывая это, ООН должна претерпеть самые масштабные преобразования за всю ее 60-летнюю историю. Мировым лидерам следует воскресить дух Сан-Франциско и выработать новый глобальный договор, способный служить делу большей свободы.

СВОБОДА ОТ СТРАХА

Отправной точкой для формирования нового консенсуса должно стать широкое видение сегодняшних угроз. В число этих опасностей входят не только международные войны, но и гражданские беспорядки, организованная преступность, терроризм и оружие массового уничтожения. Они включают в себя также нищету, инфекционные заболевания и деградацию окружающей среды, поскольку эти бедствия тоже могут иметь катастрофические последствия и причинять огромный ущерб. Всё это способно подорвать государство как основную единицу международной системы.

Все государства — сильные и слабые, богатые и бедные — одинаково заинтересованы в том, чтобы иметь систему коллективной безопасности, обязывающую их предпринимать коллективные шаги в отношении широкого спектра угроз. В основу такой системы должно лечь новое обязательство не допускать превращения скрытых угроз в явные, а явных — в действительные, а также соглашение о том, когда и как следует применять силу, если превентивные стратегии не приводят к успеху.

Действовать необходимо по многим направлениям, но три из них представляются первоочередными. Во-первых, мы должны обеспечить, чтобы терроризм, имеющий катастрофические последствия, никогда не становился реальностью. Во имя этой цели мы обязаны использовать уникальный нормотворческий потенциал, глобальный охват и организующую силу ООН. Для начала необходимо разработать всеобъемлющую конвенцию против терроризма. ООН играла центральную роль в процессе оказания государствам помощи в обсуждении и принятии 12 международных антитеррористических конвенций, однако мы до сегодняшнего дня не сумели разработать всеобъемлющую концепцию по объявлению вне закона всех форм терроризма, так как не смогли прийти к согласию по вопросам о «государственном терроризме» и о праве противостоять оккупации. Настало время поставить точку в этих дискуссиях. Применение силы государствами уже тщательно регулируется международным правом. А под «правом противостоять оккупации» следует понимать то, что это понятие действительно означает: оно не может подразумевать также и право умышленно убивать или калечить мирных жителей. Мировые лидеры должны объединиться в поддержке определения терроризма, которое ясно и безусловно давало бы понять, что действия против мирных жителей и людей, не участвующих в военных действиях, всегда являются неприемлемыми. И они должны работать над укреплением способности государств выполнять обязательства по борьбе с терроризмом, которые имеют юридическую силу и установлены для них Советом Безопасности (СБ).

Такой же неотложной является необходимость вдохнуть новую жизнь в наши многосторонние структуры по контролю над биологическим, химическим и в особенности ядерным оружием; мы должны предотвратить распространение этого оружия и уберечь его от попадания в наиболее опасные руки. В течение 35 лет Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), подписанный всеми странами мира, за исключением трех, значительно снижал риск

применения ядерного оружия, налагая жесткие, но добровольно принимаемые ограничения на обладание им. Однако недавно одна из стран (Северная Корея) впервые вышла из этого договора, а сложности, возникающие при проверке и обеспечении его соблюдения, привели к кризису доверия.

Чтобы предотвратить лавинообразное распространение ядерного оружия, мы должны найти пути смягчения напряженности, вызываемой тем фактом, что технология, необходимая для мирного использования ядерного топлива, может также применяться для создания ядерного оружия. Следует усилить контрольные функции Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) путем принятия всеми Типового дополнительного протокола (ужесточающего как требования ДНЯО к отчетности, так и режим инспекций). Кроме этого, требуется сформировать стимулы, которые помогут государствам отказаться от развития секретных технологий топливного цикла, гарантируя им при этом наличие топлива, необходимого им в мирных целях. Мы должны также приветствовать другие инициативы, такие, как резолюция № 1540 Совета Безопасности (которая направлена на предотвращение доступа негосударственных субъектов к опасным вооружениям, технологиям и материалам) и Инициатива по безопасности в борьбе с распространением (в рамках которой все больше государств добровольно сотрудничают в целях предотвращения незаконной торговли ядерным, биологическим и химическим оружием и соответствующими материалами).

Третьим приоритетом является обеспечение успеха в тех случаях, когда мы берем на себя задачу построения прочного мира на территориях, раздираемых войнами. Пока что наши достижения в области миростроительства явно неоднозначны. В половине стран, где проблемы, связанные с гражданскими войнами, казалось бы, были урегулированы с помощью мирных соглашений, в течение пяти лет снова начинается трагическое сползание в пучину конфликта. Порой оно имеет катастрофические последствия: например, в середине 1990-х годов миллионы людей погибли в Анголе и Руанде после срыва в обеих странах мирных соглашений. Хотя за последнее десятилетие международное сообщество значительно углубило свои представления о том, что требуется для установления мира, для работы в этом направлении ему все еще недостает стратегического центра. Поэтому я предлагаю создать в ООН новый межправительственный орган — Комиссию по миростроительству. Комиссия могла бы служить в качестве форума, где представители государств, оказывающих и принимающих помощь,

а также предоставляющих войска, совместно с лидерами других государств-членов, международными финансовыми учреждениями и региональными организациями согласовывают стратегию, обеспечивают политическое руководство и, наконец, осуществляют мобилизацию ресурсов и координацию усилий всех участников.

Когда превентивные меры не приводят к успеху и все другие средства исчерпаны, мы должны иметь возможность полагаться на применение силы. Однако нам необходимо прийти к общему пониманию того, когда и как ее применять. Статья 51 Устава ООН провозглашает право всех государств на самооборону в случае вооруженного нападения. Большинство правоведов признают, что данное положение включает в себя и право на упреждающие действия против неминуемой угрозы; оно не нуждается в новом толковании или изменении. Однако сегодня мы сталкиваемся также с опасностями, которые хотя и неявны, однако могут (почти или вовсе без каких-либо предварительных сигналов) стать реальными и привести, если их не устранить, к чудовищным сценариям. Устав ООН предоставляет Совету Безопасности все полномочия для реагирования на такие угрозы, и СБ должен быть готов действовать в этом направлении.

Мы должны также помнить о том, что государственный суверенитет не только дает права, но и налагает обязанности, в том числе обязанность защищать своих граждан от геноцида и других массовых злодеяний. Когда государство оказывается не в состоянии справиться с данной задачей, эта обязанность переходит к международному сообществу, которое — при необходимости — должно быть готово принять принудительные меры, санкционированные Советом Безопасности.

Решение о применении силы никогда не бывает простым. Чтобы помочь выработать консенсус по вопросу о том, когда и как уместно прибегать к силе, Совету Безопасности следует оценить, насколько серьезна угроза; способны ли предлагаемые меры ее устранить и пропорциональны ли они данной угрозе; рассматривается ли применение силы как последнее средство; являются ли преимущества, обусловленные применением силы, более весомыми, чем потери в случае ее неприменения. Анализ всех этих факторов не снабдит нас окончательными ответами, но поможет выработать принципиально обоснованные, а потому широко признанные решения.

ЖИТЬ ДОСТОЙНО

Принимая на себя священную обязанность защищать гражданское население от массовых нарушений прав человека, мы выполняем

часть более широкой задачи: серьезно относиться к правам человека и верховенству закона при осуществлении международной политики. Нам нужны долгосрочные, стабильные действия, с тем чтобы любые шаги Организации Объединенных Наций опирались на соблюдение прав человека и верховенство закона. Подобные обязательства так же важны для предотвращения конфликтов, как и для снижения уровня бедности, особенно в тех государствах, которые пытаются избавиться от наследия, оставленного насилием.

ООН, как организация, провозгласившая Всеобщую декларацию прав человека и способствовавшая заключению двух соответствующих международных пактов, внесла огромный вклад в дело защиты прав человека. Однако нынешние международные механизмы не вполне пригодны для обеспечения соблюдения этих прав на практике. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека располагает очень скудным бюджетом и недостаточными ресурсами для мониторинга на местах. Управление Верховного комиссара нуждается в большей поддержке, как политической, так и финансовой. Совет Безопасности, а со временем, я надеюсь, и предложенная Комиссия по миростроительству должны более активно привлекать Верховного комиссара к своим обсуждениям.

Комиссия ООН по правам человека в глазах многих дискредитирована. Слишком часто государства стремятся добиться членства в ней только для того, чтобы оградить себя от критики или критиковать других, а не для того, чтобы помогать в выполнении подлинной задачи этого органа, то есть в мониторинге и стимулировании выполнения всеми государствами обязательств в сфере прав человека. Наступило время для настоящих реформ. Комиссию следует преобразовать в новый орган — Совет по правам человека. Члены этого совета должны будут избираться непосредственно Генеральной Ассамблеей и торжественно обещать соблюдать наивысшие стандарты в области прав человека.

Задачи, которые ставят перед собой защитники прав человека, непременно должны включать в себя право всех народов управлять своими делами с помощью демократических институтов. Принципы демократии закреплены во Всеобщей декларации прав человека, которая с момента ее принятия в 1948 году служила источником вдохновения для разработчиков конституций в самых различных уголках мира. Сегодня демократия признается и реализуется на практике шире, чем когда-либо раньше. Установив ее нормы и возглавив усилия по искоренению колониализма и обеспечению самоопределения,

ООН помогает нациям свободно выбирать свою судьбу. ООН также оказывает конкретную поддержку в проведении выборов в странах, число которых постоянно растет: только в прошлом году такая помощь была оказана более чем 20 странам и территориям, включая Афганистан, Палестину, Ирак и Бурунди. Поскольку демократия далеко не ограничивается выборами, жизненно важное значение имеет и работа Организации по совершенствованию управления в развивающемся мире и по восстановлению верховенства закона и государственных институтов в странах, пострадавших от войн. Государствам — членам ООН следует теперь развивать эти достижения, поддерживая создание фонда, предоставляющего помощь в установлении или укреплении демократии и предложенного президентом Джорджем Бушем-младшим на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2004 года.

Конечно, демократическим государствам в ООН иногда приходится работать с недемократическими. Но сегодняшние угрозы не рассеиваются на границах демократических государств; и точно так же, как ни одна демократическая страна не ограничивает свои двусторонние связи только отношениями с демократиями, так и ни одна многосторонняя организация, предназначенная для достижения глобальных целей, не может ограничить свое членство исключительно ими. Я с надеждой жду наступления того дня, когда каждая страна, представленная в Генеральной Ассамблее, будет управляться демократическим путем. Система глобального членства, характерная для ООН, — ценнейший ресурс для продвижения к этой цели. Сам факт того, что недемократические государства часто подписываются под повесткой дня ООН, открывает возможность для других государств, а также для гражданского общества всего мира добиваться, чтобы те привели свое поведение в соответствие со своими обязательствами.

СВОБОДА ОТ НУЖДЫ

Поддержка прав человека и демократии должна идти рука об руку с серьезными мерами по содействию развитию. Мир, где ежегодно умирают — и почти всегда по причинам, которые можно было заранее устранить, — 11 миллионов детей младше пяти лет, а 3 миллиона человек самого разного возраста гибнут от СПИДа, нельзя назвать миром большей свободы. Это — мир, который отчаянно нуждается в практической стратегии по претворению в жизнь Декларации тысячелетия. С ней все государства торжественно согласились пять лет назад. Восемь целей в области развития, которые сформулированы в Декларации тысячелетия и должны быть достигнуты к 2015 году, включают

в себя уменьшение вдвое доли населения, живущего в крайней нищете и голоде, обеспечение получения всеми детьми начального образования и создание преград для распространения ВИЧ/СПИДа, малярии и других основных заболеваний.

Едва ли возможно переоценить необходимость безотлагательного принятия более эффективных мер по достижению этих целей. Хотя до намеченного срока остается еще десять лет, мы рискуем не успеть к его завершению, если резко не ускорим и не активизируем наши действия в текущем году. Успехов в области развития нельзя достичь в мгновение ока. Требуется время для того, чтобы подготовить преподавателей, медсестер и инженеров, построить дороги, школы и больницы, создать малые и крупные предприятия, способные обеспечить бедных необходимыми рабочими местами, а тем самым и заработком.

Саммит ООН в сентябре должен стать тем событием, в ходе которого все нации подпишут не только декларацию, но также и детальный план атаки на крайнюю нищету, на основе которого о них будут судить. Этот саммит должен стать временем поступков, а не слов, временем выполнения данных обещаний и перехода из области стремлений в область реальных дел.

Сутью этого плана должно стать глобальное партнерство между богатыми и бедными странами, условия которого были сформулированы три года назад на Международной конференции по финансированию развития в Монтеррее (Мексика). Это историческое соглашение прочно базировалось на принципах взаимной ответственности и взаимной отчетности. Оно подтвердило ответственность каждой страны за собственное развитие и добилося от состоятельных государств конкретных обязательств по поддержке более бедных стран.

В сентябре всем развивающимся странам следует взяться за разработку (к 2006 году) национальных стратегий, предусматривающих практические действия по достижению целей, сформулированных в Декларации тысячелетия. Каждая страна должна определить основные параметры крайней нищеты и лежащие в ее основе причины, затем, основываясь на полученных данных, оценить свои потребности и установить необходимый размер государственных инвестиций, а потом трансформировать результаты такого анализа в систему действий на предстоящее десятилетие, начав со стратегий по сокращению масштабов нищеты, рассчитанных на срок от трех до пяти лет.

Доноры должны также обеспечить, чтобы развивающиеся страны, которые встали на путь реализации подобных стратегий, на самом деле получали необходимую им поддержку — доступ к рынкам,

списание долгов и официальную помощь развитию (ОПР). Слишком долго ОПР была неадекватной, непредсказуемой и обусловленной скорее предложением, чем спросом. Хотя после саммита в Монтеррее эта помощь увеличилась, и уже с заметными результатами, многие доноры все еще выделяют на ее оказание значительно меньше целевого показателя в 0,7 % валового национального дохода. Всем им теперь необходимо разработать собственные стратегии по достижению этого показателя за 10-летний период (к 2015 году) и обеспечить выделение 0,5 % валового национального дохода к 2009-му.

Нам необходимо действовать и на других фронтах. Например, в том, что касается вопроса о глобальном изменении климата, настало время договориться о международной системе, которая объединит всех крупнейших производителей выбросов парниковых газов, направив их усилия на борьбу с глобальным потеплением после 2012 года, то есть после истечения срока действия Киотского протокола. Нам требуется как введение в действие новой регулирующей системы, так и гораздо более прогрессивное использование новых технологий и рыночных механизмов в торговле выбросами углерода. Мы также должны усвоить урок разрушительного декабрьского цунами, обеспечив во всем мире возможности раннего предупреждения о всех природных катаклизмах — не только о цунами и ураганах, но и о наводнениях, засухах, оползнях, чрезмерной жаре и извержениях вулканов.

ОБНОВЛЕННАЯ ООН

Если Организация Объединенных Наций хочет оставаться инструментом, с помощью которого государства противостоят вызовам сегодняшнего и завтрашнего дня, ей необходимы крупные реформы, направленные на усиление ее роли, на рост ее эффективности и подотчетности. В сентябре следует достичь решения о том, чтобы придать работе Генеральной Ассамблеи и Экономического и социального совета более стратегический характер. Одновременно с рассмотрением вопроса о создании новых институтов, таких, как Комиссия по миростроительству, нам следует упразднить учреждения, в которых больше нет необходимости (такие, как Совет по опеке).

Однако никакая реформа ООН не будет полной без реформы Совета Безопасности. Его сегодняшний состав отражает тот мир, каким он был в 1945 году, а не мир XXI века. СБ должен быть реформирован так, чтобы в него вошли государства, которые вносят наибольший финансовый, военный и дипломатический вклад в деятельность ООН, и чтобы был широко представлен нынешний состав ООН. В настоя-

щее время рассматриваются две модели расширения состава Совета Безопасности с 15 до 24 членов: одна предусматривает учреждение шести новых постоянных и трех новых непостоянных мест; другая — девяти новых непостоянных мест. Ни одна из моделей не предполагает расширения права вето, которым на сегодняшний день пользуются пять постоянных членов. Я полагаю, что наступило время вплотную заняться этим вопросом. Государства-члены должны определиться и принять решение до сентябрьской встречи на высшем уровне.

Такой же важной является реформа Секретариата ООН и более широкой сети учреждений, фондов и программ, составляющих систему ООН. Начиная с 1997 года в ООН идет тихая революция, направленная на повышение слаженности и эффективности системы. Однако я глубоко сознаю, что необходимо сделать еще больше для того, чтобы Организация Объединенных Наций стала более прозрачной и подотчетной не только для государств-членов, но и для общественности, от доверия которой она зависит и чьим интересам в конечном счете должна служить. Недавние неудачи только подчеркнули, насколько это важно.

Я уже принимаю ряд мер для того, чтобы сделать деятельность руководства и процедуры Секретариата ООН более открытыми для надзора. Но подлинный успех реформы требует, чтобы генеральный секретарь, как главное административное должностное лицо ООН, получил полномочия, которые позволили бы ему или ей управлять Организацией Объединенных Наций, обладая большей самостоятельностью и свободой действий, и тем самым продвигать необходимые перемены. После того как намеченная мной повестка дня получит одобрение государств-членов, генеральный секретарь должен иметь возможность сообразовать с ней программу работы ООН, и при этом на его пути не должны вставать ни устаревшие мандаты, ни раздробленная структура принятия решений, ставящие под удар усилия на центральном стратегическом направлении. Когда государства-члены наделят лицо, занимающее этот пост, такой самостоятельностью и свободой действий, у них появятся как право, так и обязанность требовать еще большей прозрачности и подотчетности.

ВРЕМЯ РЕШЕНИЙ

Призывая государства-члены к проведению наиболее далеко идущей реформы в истории ООН и к консолидации по ряду вопросов, которые требуют коллективных действий, я не утверждаю, что многосторонние меры непременно обеспечат успех. Но я могу

практически гарантировать, что односторонние подходы рано или поздно приведут к неудаче. Я полагаю, что у государств нет разумной альтернативы совместным действиям даже и в том случае, когда сотрудничество означает, что вам надо серьезно отнестись к приоритетам своих партнеров для того, чтобы те в ответ серьезно отнеслись к вашим. И даже если, как сказал президент Гарри Трумэн в Сан-Франциско 60 лет назад, «нам всем придется признать, что, как бы сильны мы ни были, мы не должны позволять себе вольность всегда поступать только так, как нравится».

Неотложная необходимость глобального сотрудничества сегодня более очевидна, чем когда-либо раньше. Мир, предупрежденный о своей уязвимости, не может оставаться разделенным, пока старые проблемы продолжают уносить миллионы жизней, а новые грозят тем же. Мир, в котором царит взаимозависимость, не может быть безопасным или справедливым, если люди повсеместно не избавлены от нужды и страха и не имеют возможности жить достойно. Сегодня, как никогда раньше, права бедных настолько же важны, как и права богатых, а широкое видение их так же важно для безопасности развитых стран, как и для безопасности развивающихся государств.

Ральф Банч, великий американец и первый сотрудник Организации Объединенных Наций, удостоенный Нобелевской премии мира, сказал однажды, что ООН существует «не только для сохранения мира, но и для того, чтобы преобразования — пусть даже и радикальные — стали возможными без насилия. ООН не заинтересована в сохранении статус-кво». Сегодня эти слова приобретают новое звучание. Выполнение Организацией Объединенных Наций своей мирной миссии должно приблизить тот день, когда все государства станут ответственно пользоваться своим суверенитетом; принимать меры против внутренних опасностей до того, как те начнут угрожать их гражданам и гражданам других государств; обеспечивать своему народу право и возможность самому выбирать свою судьбу; а также объединять усилия с другими государствами в деле противостояния глобальным проблемам и угрозам. Короче, ООН должна вести все народы мира к «улучшению условий жизни при большей свободе». Саммит ООН в сентябре — шанс для всех нас выйти на этот путь.

Сговор КОСМОПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Брайант Гарт, Ив Дезале

Социология способна внести значительный вклад в нынешние споры о глобализации, расширив наше представление о ее ключевых игроках — экспертах и контрэкспертах. Сегодня их практическая деятельность по-прежнему крайне мало интересует исследователей, которые, тем не менее, делают пространные высказывания с хвалебными либо критическими оценками в их адрес.

Изучение процессов, связанных с глобальным управлением, — это значимый и прибыльный рынок для тех специалистов в области права, экономики и политологии, которые хотя и придерживаются различных научных и идеологических воззрений, но считают глобализацию действительно важным фактором развития. Декларируя реальность глобализации, они призывают поощрять ее, искоренять или контролировать и тем самым мобилизуют социальные и административные ресурсы, благодаря которым глобализация существует не только в виде политической мишени, но и как поле деятельности экспертов. Ведя жаркие дискуссии на каждом форуме, эксперты вместе с тем заботятся о том, чтобы никак не дискредитировать новое пространство власти. И в этом они преуспевают, тем более что, как диктует динамика противостояния, наиболее яркие представители каждой из сторон апеллируют к схожим интеллекту-

Брайант Гарт — преподаватель права и бывший руководитель фонда *American Bar Foundation*. **Ив Дезале** — научный сотрудник французского Национального центра научных исследований (*CNRS*). Соавторы книги *La mondialisation des guerres de palais* («Глобализация дворцовых интриг»); Seuil, Paris, 2002. Данная статья опубликована в журнале *Le Monde Diplomatique*, № 6 за 2005 год. Проект *Le Monde Diplomatique* на страницах издания «Россия в глобальной политике» ведет **Александр Игнатов**.

альным и социальным аргументам. Их стратегии, словно эхо, повторяют друг друга.

Рынок международной экспертизы элитарен по своему характеру и хорошо защищен. Чтобы попасть на него, необходимо обладать соответствующими знаниями в области культуры и языка. Но обязательной и весьма дорогостоящей подготовки в международных школах недостаточно: предрасположены к такой карьере лишь выходцы из космополитических династий. Сюда же относятся и некоторые критики глобализации – члены международных структур, зачастую находящихся под влиянием Соединенных Штатов. Дело в том, что крупные международные неправительственные организации (НПО) тоже набирают молодых профессионалов в Америке, причем среди лучших выпускников университетов, включенных в «Айви-Лиг» (*Ivy League* – объединение из восьми элитарных университетов США). При том что стоимость занятий в этих учебных заведениях может превышать 40 тыс. долларов в год, доступ туда является привилегией наследников либерального истеблишмента, который всегда (положение обязывает!) культивировал некую форму идеализма и универсализма.

Благодаря такому подбору кадров некоторые НПО имеют в своем распоряжении постоянно обновляемый резерв специалистов. Преследуя собственные интересы и пользуясь всеобщим признанием, они становятся партнерами-критиками многонациональных корпораций и государств. Подобные схемы сотрудничества, малоодоходные, но полезные, отнюдь не исключают того, что некоторые специалисты продолжают свою карьеру не только в государственных учреждениях или крупных экспертных агентствах, но и в многонациональных корпорациях, где они встречают бывших сокурсников и даже опережают их на служебной лестнице. Для таких деятелей подобный опыт весьма существен в эпоху глобализации: они разживаются списком нужных адресов, приобретают политическую сноровку, позволяющую сочетать открытость для средств массовой информации с тайным лоббированием собственных интересов, а также создают себе доброе имя, которое может сослужить службу при дальнейшей переквалификации в «добродетельного предпринимателя».

Так, начиная свою профессиональную карьеру, Бенджамин Хейнеман, выпускник Оксфордского и Йельского университетов, проработал три года в общественной юридической конторе, спонсиро-

вавшейся фондом Форда. Это привело его в администрацию Джими Картера, где он занимал ответственные посты, пока не стал юридическим директором *General Electric*, одной из ключевых многонациональных корпораций мира (в этой должности он проработал семнадцать лет!). В настоящее время Хейнеман — вице-президент этой компании. Ему удалось создать себе образцовый имидж в мире экспертов и менеджеров, где он выступает за профессиональную этику и повышение «социальной ответственности» предприятий.

ТАКТИКА ДВОЙНОЙ ИГРЫ

Мировосприятие новых поколений сторонников глобализации схоже с менталитетом предшествующих поколений. Культурный и языковой багаж, формирующийся с юных лет в элитных учебных заведениях и двуязычных школах (особенно в развивающихся странах), служит путевкой в зарубежные университеты, где обучение оплачивается преимущественно из средств семьи, что делает социальный отбор еще более очевидным.

Обучение национальных элит развивающихся стран за рубежом — пережиток колониального строя, получивший второе рождение в эпоху неоимпериализма. Инвестируя в образование, США навязали свою гегемонию в этой сфере: университетские программы подготовки будущих правительственных чиновников теперь пересмотрены таким образом, что акцент делается на экономике и политологии. Из этого следует, что при формировании новых национальных и международных элит предпочтение отдается выпускникам университетов, принадлежащих к «Айви-Лиг». В обход растущей (вследствие притока студентов) конкуренции в системе национального высшего образования крупные государственные чиновники ставят своих отпрысков в более выгодное положение, предоставляя им возможность получить дорогостоящее заграничное образование и соответственно престижные зарубежные дипломы. Такая стратегия, общая для элит многих стран, привела к «унификации в области подготовки управленцев».

Отказываясь от старой колониальной идеологии в пользу новых универсалий — развития, рынка и правового государства, — американская гегемонистская машина убивает двух зайцев. С одной стороны, она дискредитирует каналы влияния, обеспечивавшие преимущество европейской неоколониальной модели, а с другой — направляет международные потоки периферийных элит в

собственные университеты, вызывая неизбежное и эффективное перетекание умов на наиболее доходные рынки высококвалифицированной рабочей силы.

В рамках стратегий воспроизводства элит существует тесная взаимосвязь между национальной и международной сферами деятельности экспертов. На рынке международной экспертизы доминируют те игроки, которые могут представить научные степени и дипломы, признанные в их странах. И наоборот, багаж международных знаний и связей — ценный козырь для тех, кто стремится продвигаться на национальном уровне. Диплом парижской Национальной школы управления (*ENA*) или Политехнической школы определено не повредит карьере в интернациональных структурах, так же как и диплом Гарварда никому не помешает получить министерское кресло во Франции. Некоторым удастся использовать свою национальную известность для обеспечения международного карьерного роста и одновременно работать в межгосударственных структурах с целью укрепить собственные позиции у себя дома. В последнем случае достаточно объяснить, что деятельность на мировой арене позволяет более эффективно защищать интересы родной страны.

Эта тактика двойной игры тем более касается таких весомых частных благотворительных учреждений, как фонды Форда, Рокфеллера или Сороса, которые продвигают глобализацию, хотя и стремятся придать ей человеческое лицо. Финансируя меры по расширению международной деятельности крупных НПО, выступающих в защиту прав личности или окружающей среды, они способствовали повсеместному распространению влияния университетов, где рождаются и пропагандируются идеи нового правоверного либерализма. Так, более половины управляющих центральными банками — дипломированные экономисты, прошедшие подготовку, как правило, в крупных американских университетах, а более трети — бывшие сотрудники Международного валютного фонда (МВФ) или Всемирного банка. Таким образом, глобализация создает единое пространство международного менеджмента, институционально организованное и функционирующее согласно североамериканской модели.

Парадоксально, но сила этой империи заключается именно в разногласиях, не прекращающихся внутри нее. Хитрость имперского мышления состоит в том, что оно экспортирует и свои методы критики: даже оспаривание американской модели происходит на

базе исследований (о многообразии и смешении культур) и приемов (воззвание к «гражданскому обществу» и использование средств массовой информации), распространенных в США. Для борьбы с теми, кто оправдывает свою консервативную политику, опираясь на «международный истеблишмент» (МВФ, Всемирный банк и пр.), применяется набор альтернативных моделей, распространяемых через сеть НПО. Таким образом, и на периферии, и в центре мирового порядка внутренняя борьба питает динамику культурного импорта, который, в свою очередь, сохраняет накал этого противостояния. Конкурирующие устремления лишь усиливают друг друга, укрепляя гегемонию в целом.

Благодаря подбору кадров в элитных университетах, финансовой поддержке со стороны благотворительных фондов и многочисленным связям как в университетской среде, так и в международных структурах, неправительственные организации, базирующиеся в Вашингтоне, могут без труда разрабатывать стратегии и модели, соответствующие новым политическим и научным задачам. Они стремятся распространить свою точку зрения и надеются заручиться активной поддержкой международного общественного мнения, чтобы оказывать более существенное влияние на Вашингтон. Что же касается соответствующих организаций, имеющих штаб-квартиры в развивающихся странах, то проблема заключается в другом. Нехватка собственных средств заставляет их обращаться к международному рынку филантропии, который навязывает им свои лозунги, схемы и даже методы.

С О В Р А Щ Е Н И Е « С Т О Й К И Х » Б О Р Ц О В

В своей диссертации, посвященной «международному рынку солидарности», Бенжамен Бюкле подробно анализирует двойственный характер «партнерства» между крупными международными НПО и мелкими структурами местного значения. Чтобы получить финансирование, последние вынуждены согласовывать свой проект с международными спонсорами. Создание конкуренции между проектами приводит к тому, что эти финансовые воротилы оказывают влияние как на выбор «целевых» групп населения, так и на предмет и критерии оценки. Более того, крупные неправительственные организации, пользующиеся авторитетом на международной арене, подхватывают эти установки и в итоге могут фактически играть роль холдингов по отношению к группам мелких НПО, кото-

рые не располагают социальными ресурсами для получения прямого доступа к международному финансированию. Такая схема позволяет «международному гражданскому обществу» не только обойти местные национальные правительства и верхушку, но и распространять свои ценности и приоритеты, формируя потребности развития или «демократические ожидания».

Изобличая приверженцев монетаризма, навязавших своих учеников и свое учение руководству национальных финансовых институтов в развивающихся странах, акторы «международного рынка солидарности» продолжают дело политической реструктуризации периферийных государств — теперь уже на местном уровне. В стремлении заслужить доверие на местах руководители мелких НПО оказываются не в силах устоять перед соблазном применить популистские методы. Будучи не только выразителями настроений крайне бедных слоев населения, но и их «покровителями», эти организации начинают конкурировать со «знатью», которая практически монополизировала политическую власть на местах.

Иногда за очки, заработанные на международной арене, приходится платить высокую цену на местном уровне, ибо использование таких признанных демократическими странами и неправительственными организациями способов борьбы, как мирные митинги и встречи с наиболее харизматическими лидерами движения, вызывает возмущение склонных к насилию властей. То, что соответствует средствам протеста, действенным на Западе, не обязательно окажет влияние на режимы тех стран, где репрессивная машина и принцип разделения ветвей власти работают не так, как, скажем, в Стокгольме или Вашингтоне.

У некоторых деятелей, ведущих сомнительную и неравную борьбу, появляется искушение сбежать на крупные площадки глобализации; оказавшись там и получив доступ к желанным ресурсам, они понимают: борьба для них стала не только менее рискованной, но и более эффективной.

Так, ряд чилийских активистов — лучших из лучших, самых видных борцов за права личности во времена Пиночета — эмигрировали из страны и оказались в первых рядах тех или иных международных организаций. Некоторых на этот шаг подтолкнули преследования со стороны правительства или высылка из страны; например, преподаватель права Хосе Салакет вступил в 1976 году в *Amnesty International*, а три года спустя возглавил ее.

Но для большинства эмиграция совпала с закатом чилийских НПО после победы демократической коалиции. Часть активистов пригласили в новое правительство, с тем чтобы воспользоваться их авторитетом. Роберто Гарретон из юридического комитета по защите жертв диктатуры, созданного при местном архиепископате, получил, к примеру, должность представителя по правам человека, а затем продолжил свою карьеру в ООН, где работал в качестве специального докладчика по правам человека, в частности, в Заире. Одним словом, стоило Чили сойти с первых страниц мировой печати, как иссякло финансирование НПО, несмотря на то, что наименее обеспеченные чилийцы по-прежнему страдают от полицейских репрессий. Для продолжения борьбы некоторые активисты решили эмигрировать, как это сделал Хосе Вивенко, который стал в Вашингтоне одним из ключевых сотрудников движения *America Watch*.

Интернационализация национальных выступлений протеста, с помощью которых формируется зародыш мирового гражданского общества, способствует тому, что некоторые стратегии и методы, исходящие из США, навязываются как универсальные. Парадоксально, но победа на выборах Рональда Рейгана благоприятствовала, в частности, универсализации понятия «права человека». Чтобы замаскировать процесс захвата правыми силами государственных учреждений, лидеры реформистского крыла внешнеполитического истеблишмента (в основном демократы) использовали ресурсы ряда частных учреждений, которые они же создавали и контролировали. Поощряя развитие «гражданского общества», способного играть роль противовеса властям, они выступали против «ястребов», окружавших Рейгана, и зывали к универсальной морали, зиждущейся на уважении прав человека.

«НЕГОДЯЕВ – НА СКАМЬЮ ПОДСУДИМЫХ!»

Филантропические фонды продемонстрировали способность сдерживать гражданскую активность. Например, фонд Форда подтолкнул оппозиционные движения, действующие в сфере охраны окружающей среды, к отказу от поиска «виноватых» (посулив им финансовую поддержку и воспользовавшись помощью собственных научных структур). В частности, он оказывал давление на руководителей фонда *Environment Defense Fund (EDF)*, с тем чтобы те отбросили курс на конфронтацию, ведущий к судебным разбирательствам и

призванный мобилизовать общественное мнение под лозунгом «*Sue the bastards!*» («Негодяев — на скамью подсудимых!»).

Ссылаясь на то, что спонсорство накладывает гражданскую ответственность, финансовые воротилы из фонда Форда настояли на предварительном отборе судебных дел ведущими адвокатами. Одновременно фонд способствовал проведению переговоров между экологами и промышленниками. С этой целью он сначала профинансировал работу группы экономистов французской компании *Électricité de France*, доказавших, что защита окружающей среды — не только затратное дело, но и источник потенциальной прибыли для предприятий. Затем он стал оказывать давление на многочисленные мелкие группировки активистов-экологов, призывая их к объединению в унифицированные структуры вокруг профессиональных штабов, способных вести переговоры на основе общепризнанной научной экспертизы. Крупные НПО, которые господствуют отныне на мировой арене в области охраны окружающей среды, или, говоря современным языком, на «рынке устойчивого развития», стали инструментом контрнаступления, осуществляемого в лучших реформистских традициях американского филантропического капитализма, изобретенного «баронами-разбойниками».

Как отмечал французский социолог Пьер Бурдьё, «ссылка на универсальность есть главное оружие». Империализм умеет наступать под знаменами прав человека и «добросовестного управления». Пользуясь своим партнерством с НПО, многонациональные корпорации могут отныне свободно выступать в качестве защитников «устойчивого развития»... капитализма.

Доктрина Буша: концепция, разделившая Америку

Анатолий Уткин

В истории американской внешней политики есть несколько документов, кардинально повлиявших на действия Соединенных Штатов на международной арене и обусловивших дальнейший курс государства. Это прежде всего знаменитая «длинная телеграмма» (*The Long Telegram*, 1946 год) Джорджа Кеннана, в которой временный поверенный в делах США в СССР сформулировал ключевые положения концепции сдерживания. Этой концепции было суждено на многие годы вперед определить политику Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу. Ключевую роль сыграла также директива Совета национальной безопасности № 68 (*NSC-68*), подготовленная в 1950-м по поручению президента Гарри Трумэна и анализирующая глобальную ситуацию после создания советской атомной бомбы и образования Китайской Народной Республики. Этот документ, в котором предусматривалось быстрое наращивание стратегической мощи США, являлся, по сути, базовой внешнеполитической программой Вашингтона между 1950 и 1990 годами.

Но наиболее значимый пересмотр американской внешней политики за последние 60 лет сформулирован в нескольких документах, которые в совокупности составляют так называемую **доктрину Буша**.

ВПЕРЕД, В АТАКУ!

Основные положения доктрины Буша, провозгласившей необходимость «по-новому» обеспечить безопасность США, были изложены в 2002-м в таких документах, как «Доклад о положении на-

А.И. Уткин — д. и. н., профессор, директор Центра международных исследований Института США и Канады РАН.

ции», «Стратегия национальной безопасности», а также речь американского президента в Организации Объединенных Наций. Джордж Буш-младший декларировал «способность Соединенных Штатов аккумулировать такую мощь, которая сделает враждебную гонку вооружений бессмысленной» (при этом он пообещал международным террористам показать «американскую справедливость»). Центральный элемент новой внешнеполитической концепции Вашингтона – это упреждающий/предваряющий/предвосхищающий удар, то есть то, что прежде всегда рассматривалось как крайнее, последнее средство. Доктрина Буша, построенная на принципе односторонних действий, обосновывает право США на нанесение подобного удара, при этом заявлено, что Америка готова применить такую меру в отношении всякого, кто будет сочтен хотя бы *потенциально* опасным.

Доктрина исходит из того, что *наступающая сторона* имеет несомненное превосходство. Перехват инициативы позволяет атакующему навязать свои волю и способ действий потенциальному агрессору. Как сказано в Стратегии национальной безопасности, «наилучшей формой обороны является хорошее наступление», а «чем страшнее угроза, тем выше стоимость риска ввиду бездействия». Этот же документ утверждает: «Сохраняя готовность применить силу в целях обороны, Соединенные Штаты демонстрируют решимость поддерживать такой баланс сил, который благоприятствует свободе». При этом в доктрине заявлено о решимости «поддерживать свободные и открытые общественные институты на всех континентах». По мнению Вашингтона, «демократия может быть экспортным товаром». (Основываясь на этом положении, руководитель Отдела планирования Государственного департамента Ричард Хаас незамедлительно выступил с идеей «продвижения демократии в мусульманском мире».)

Каков же курс, порожденный доктриной Буша? Это – вторжение в Ирак без санкции Совета Безопасности ООН под предлогом наличия у Багдада оружия массового уничтожения, что, как выяснилось позднее, было ложным обвинением. Это – давление на Германию и Францию в связи с их негативной реакцией на американскую агрессию в Ираке. Это – новый тип контроля над стратегическими вооружениями, предложенный России по принципу «соглашайтесь – или мы пойдем в будущее без вас». В невоенной сфере проявлениями доктрины стали выход Соединенных Штатов из до-

Соединенные Штаты и Устав ООН. Карикатура из арабской прессы

говора о создании Международного уголовного суда и отказ Вашингтона от ратификации Киотского протокола.

Во исполнение доктрины Буша американский воинский контингент в 120 странах ныне насчитывает 368 тысяч военнослужащих. До 11 сентября 2001 года вне территории США находилось 20 % ее армейского персонала; через два года на военной службе за пределами страны оказалась почти половина американской армии. За неделю до начала боевых действий в Ираке заместитель министра обороны Пол Вулфовиц заявил, что жители Ирака, так же «как народ Франции в 1940-х годах, видят в нас желанных освободителей». В мае 2003-го предполагалось, что к сентябрю того же года в Ираке останется 30 тысяч американских военнослужащих. В действительности же зимой 2005-го в Ираке проходили службу 140 тысяч американцев и 20 тысяч солдат их союзников. Десять американских дивизий, как десять имперских легионов, стремятся контролировать огромный мир. Мало того, сенатор-демократ Джек Рид предлагает сформировать за счет резерва семь бригад Национальной гвардии, дабы увеличить армию США еще на 20 тысяч.

Что касается схемы размещения американских воинских контингентов за пределами Соединенных Штатов, то в будущем

предполагается «внести в нее наиболее масштабные за последние полвека изменения, которые окажутся даже более значительными, чем те, что были осуществлены после Вьетнама и по окончании холодной войны» (Кэмпбелл К., Уорд С. Новые военные базы. *Foreign Affairs. September-October 2003*; перевод статьи опубликован в интернет-версии журнала «Россия в глобальной политике»). Суть перемен заключается в том, что крупные базы с хорошо развитой инфраструктурой (такие, как Раммштайн в Германии, Мисава и Иокосука в Японии) станут служить основой для баз гораздо более компактного типа, разбросанных по более значительной территории. Запасы военного и военно-морского оборудования, размещенные в различных странах, вырастут, с тем чтобы США имели возможность при необходимости быстро усилить свои воинские контингенты.

Существенно увеличится американское военное присутствие в Азии. Вашингтон расширяет совместные учения и маневры на Филиппинах, в Малайзии и Сингапуре. Предполагается, что Пентагон поставит вопрос о возможности военного присутствия во Вьетнаме. Уже ведутся переговоры с Индией о доступе американцев на базы в Южной Азии. А «новые базы США в Центральной Азии, созданные для поддержки кампании в Афганистане, возможно, в итоге будут использоваться для решения более долгосрочных задач, например таких, как завершение войны с терроризмом или сдерживание растущей силы Китая». Пентагон планирует усилить американскую базу в Катаре.

В Европе Болгария и Румыния предлагают свои порты и аэродромы, «расположенные близко к потенциальным очагам нестабильности на Кавказе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке».

Европейское командование Вооруженных сил США готовится расширить военное присутствие в Африке — регионе серьезнейших потенциальных конфликтов. Размещение двух тысяч американских военнослужащих в Джибути предполагает контроль над странами Африканского Рога. Подобные базы планируется разместить и в Западной Африке.

Как пишут американские исследователи, все эти действия Вашингтона обусловлены тем, что «риск получить отказ в беспрепятственном доступе к ключевым регионам неприемлем для Америки, и поэтому США будут диверсифицировать и расширять список баз, с которых могут быть начаты боевые операции».

АВТОРЫ И ПРОПАГАНДИСТЫ

Идейные предпосылки новой внешнеполитической доктрины отражают долгосрочные тенденции американской истории. Тезис «не упустить исторический шанс» — государственная мудрость республиканцев поколения Чейни и Рамсфелда — возник в годы обличения мюнхенского сговора 1938 года, уходит корнями в период популярности «теории домино», в соответствии с которой одна уступка порождает другую, перекликается с агрессивным активизмом в отношении Ирана в 1953-м, Гватемалы в 1954-м, Кубы в 1961-м, Индокитая в 1960-е годы, Ирана в 1979-м, Гренады, Панамы, Никарагуа, Африки в 1980-е годы. Для современных неоконсерваторов доктрина Буша — логический итог победы в холодной войне.

В 2001-м выделилась группа лиц, убедивших общественность самой могущественной в мире страны в том, что пассивная оборона самоубийственна и что, как отмечал один из идеологов нового миропорядка Чарлз Краутхаммер, «покорная международная гражданственность» Соединенных Штатов рискует погасить светоч демократии и справедливости во всем мире. Тезис «Америка может избежать трагической судьбы только в том случае, если сознательно сбросит с себя оковы созданных после Второй мировой войны организаций, начиная с ООН» стал лейтмотивом неоконсерваторов.

Авторы доктрины Буша — сам президент, а также нынешний госсекретарь Кондолиза Райс, бывшая в те годы помощником президента по национальной безопасности, руководитель Отдела планирования Государственного департамента Ричард Хаас и др. — говорят об исключительной серьезности и важности этого документа. По словам Райс, стимулом к созданию доктрины послужила «настоятельная потребность Соединенных Штатов в создании всеобъемлющей стратегии, которая окончательно определит вызовы эры, начавшейся после завершения периода холодной войны». (В этом смысле Джошуа Муравчик из Американского института предпринимательства указал на сходство нынешней «великой стратегии Соединенных Штатов» с ее предшественницей — доктриной сдерживания.)

Идеи доктрины стали для правящих в стране неоконсерваторов типа Рамсфелда подлинным *кредо* Америки на этапе ее доминирования в мире. Кондолиза Райс жестко настаивает на том, что реализм и идеализм не должны видаться альтернативами. Реалистическая оценка современной ситуации и мощи США должна-де обусловить осуществление лучших идеалов Америки. Будущее исклю-

чает «тот тип взаимоотношений между великими державами, который мы имели между XVII и XX столетиями и который привел к войне и попыткам перекроить карту мира». Выступая в октябре 2002 года в Нью-Йорке, Райс подчеркнула: доктрина направлена на то, чтобы «убедить потенциальных противников отказаться от попыток превзойти или даже достигнуть мощи, сопоставимой с мощью Соединенных Штатов и их союзников».

В ходе президентской кампании-2004 Джордж Буш обещал, что, если понадобится нанести упреждающие удары по потенциальному противнику, Белый дом не будет терзаться сомнениями и дожидаться «международного одобрения». Этот в некотором смысле революционный подход, воплотившийся в доктрине Буша, получил по результатам национальных выборов поддержку большинства американцев. Согласно общенациональному опросу, самое большое число голосов – 22 % – Буш собрал среди сторонников «сохранения моральных ценностей». Именно эта четверть избирателей, принадлежащих в основном к правому религиозному крылу, выдвинула на первый план «фактор веры», столь влиятельный в стране, где 94 % населения – верующие (сравните с 30 % в Западной Европе), и позволила Джорджу Бушу победить Джона Керри. Вторую по величине группу избирателей, поддержавших доктрину, составили те, кто главной задачей Америки считает борьбу с терроризмом (19 %). В третью же группу (15 %) вошли американцы, ставящие во главу угла победу в Ираке. Итак, сохранение американских моральных ценностей, ответ на террористические нападения, победа в военном конфликте – таковы три основных мотива поддержки жесткого силового курса, позволившие американским традиционалистам возобладать в самой могущественной стране на планете и фактически противопоставить ее едва ли не всему миру.

Целый ряд аналитиков (к примеру, бывший министр Военно-морского флота США Джеймс Уэбб) утверждают, что основу «большинства Буша» составила шотландско-ирландская группа населения, взращенная на традиционалистской культуре. Двухтысячелетняя традиция воинственности и патриотизма приучила шотландцев и ирландцев оценивать лидеров по персональным качествам, особенно выделяя такую черту, как умение проявить свою силу. Представители именно этих народов поддерживали все войны, которые вела Америка, и выступают против контроля над личным оружием. Получив поддержку граждан, возмущенных террористическими атаками, эти избиратели

обеспечили победу Буша (преимущество которого над соперником составило 3,5 миллиона голосов) и, таким образом, вместе со своим вновь избранным президентом присвоили себе право «улучшить мир».

Наиболее популярными пропагандистами доктрины Буша являются Раш Лимбо, а также телевизионный канал *Fox* и журнал *Commentary*. Весь правый фланг американской политической элиты утверждает, что мир «недооценивает» нынешнего американского лидера. Редактор журнала *Commentary* Норман Подхорец поет гимн «смелости, решимости и жизненной силе... исключительным политическим качествам» президента Джорджа Буша, реализовавшего мечту президента Рональда Рейгана. Чарлз Краутхаммер называет доктрину Буша инструментом распространения демократии во враждебных ей регионах и считает, что первым результатом воплощения в жизнь этой программы стал Афганистан.

ГОЛОС ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Самому тяжелому испытанию доктрина Буша подверглась в суннитском «треугольнике» Ирака. Столкновение с суровой реальностью мало-помалу меняет мировоззрение самых твердых приверженцев «ударной» дипломатии. Даже такие «ястребы», как Норман Подхорец, признают, что интеллектуальных недоброжелателей у доктрины больше, чем сторонников.

Через несколько недель после переизбрания Буша один из противников доктрины Крис Хеджес пишет в *The New York Review of Books*: «Мы терпим поражение в войне в Ираке. Постоянно растет число нападений на войска коалиции. Мы – изолированная нация, на которую смотрят косо. Тираны в глазах более слабых стран, мы потеряли маяки наших демократических идеалов». По мере того как война приобретает все более ожесточенный характер, усугубляется и ситуация с «потерей идеалов». Сенатор Эдвард Кеннеди уже сравнил тюрьму Абу-Грейб с застенками Саддама Хусейна, другие проводят параллель с ГУЛАГом.

Критики указывают на то, что вторая война против Ирака – это яркий пример нарушения правила, установленного первым в американской истории империалистом – президентом Теодором Рузвельтом: «Говори тихо, когда в руках у тебя большая дубина». Агрессивность, несдержанность, проявляемые на всех форумах, начиная с трибуны ООН, – вот что мы видели в преддверии и в ходе той трехнедельной войны.

Следуя доктрине Буша, Соединенные Штаты нанесли упреждающий удар по Ираку, однако не только не решили старые проблемы, но и обрели новые, *гораздо более масштабные*. Например, неясно, как уберечь американскую армию от партизанской войны, столь памятной по Вьетнаму. Каким образом искать приверженцев западных ценностей в стране, где отсутствуют демократические традиции? Что поможет обеспечить единство Ирака? Неудивительно, что доктрина Буша вызвала столь ощутимую критику в самих США, где «неоконсервативная революция» отнюдь не заглушила голос здравого смысла.

Спектр противников доктрины Буша в Соединенных Штатах весьма широк — от крайне правых изоляционистов до крайне левых сторонников более умеренной политики США на международной арене. Первых уже много лет представляет Патрик Бьюкенен, противник всего, что президент Буш сделал после 11 сентября 2001 года, последних — Ноам Хомски, рассматривающий доктрину как проявление империалистических устремлений.

Некоторые идеологи **правого фланга** (Анжело Кодевилья, Марк Халперин) критикуют подход неоконсерваторов как недостаточно жесткий. По их мнению, доктрина Буша не способна задействовать всю мощь США. Мол, если уж воевать, то воевать: всеобщая мобилизация, полное напряжение сил в Месопотамии, никаких ограничений в ходе боевых действий. Для них Буш — человек, воюющий одной рукой, а лозунг «принести демократию на Ближний Восток» — синтез невежества и мечты о подвиге.

Гораздо бóльшим влиянием пользуются **либеральные интернационалисты**, возлагавшие надежды на победу Джона Керри. Они представляют Совет международных отношений, Институт Брукинса, Фонд Карнеги и ряд других влиятельных организаций. Тридцать два видных американских политолога выступили в газете *The New York Times* с критикой «безрассудной», с их точки зрения, теории неоконсерваторов. Они полагают, что основой мирного общежития являются переговоры, а в Буше видят «человека, который погубил либеральный интернационализм», обесценил такие понятия, как «компромисс», «консенсус», «влияние международных институтов».

Так, с точки зрения Джона Айкенберри, политолога из Джорджтаунского университета, Буш вооружился набором «твердолобых фундаменталистских идей и осуществил после событий 11 сентября

2001 года радикальную переориентацию американской внешней политики... Это не лидерство, а крушение в геостратегических масштабах всей полувекковой международной архитектуры... Война против Ирака нанесла ущерб международным позициям страны — ее престижу, надежности и привлекательности в глазах других государств, а также ее партнерским отношениям в сфере безопасности». Айкенберри убедительно доказывает, что демократическая форма правления — с ее упором на транспарентность — подразумевает стремление к *союзам* с менее слабыми государствами. Сильнейший должен «вести за собой на основе согласия, а не принуждения», только тогда сохранение статус-кво становится общей, приоритетной и выполнимой задачей. Америка не может руководствоваться принципом односторонности в условиях общего изменения стратегической ситуации, демографического спада в странах Запада, роста недовольства среди населения стран, не принадлежащих к «золотому миллиарду».

Гарвардский ученый Стэнли Хофман выступает за скорейший вывод американских войск из Ирака, что «принесет примирение с друзьями и союзниками, шокированными унилатерализмом Вашингтона и его отказом от международных обязательств, и тем самым восстановит доверие к Америке». А Чарлз Капчен из Совета международных отношений уверен: если американцы не потерпят поражение в Ираке, то «возвратить США в лоно либерального интернационализма будет уже невозможно».

Общей для трудов либеральных интернационалистов является мысль о том, что, взяв доктрину Буша на вооружение, «Америка перестала быть силой добра в мире». Профессор политических наук Дэвид Хендриксон, один из активных деятелей Коалиции за реалистическую внешнюю политику, пишет: «Как только революционное рвение Джорджа Буша непосредственно столкнется с суровой реальностью, его политика обернется горькими слезами».

Что касается **реалистов**, то их взгляды обусловлены двумя основополагающими принципами: во-первых, главная цель международной политики — международная стабильность, а во-вторых, только баланс сил способен предотвратить вооруженные конфликты. Как сторонники Вестфальской системы, они считают неприемлемым вторжение во внутренние дела суверенных государств. В отличие от либеральных интернационалистов реалисты допускают применение силы в международных отношениях, но только в том случае, если силовому воздействию подвергаются нарушители баланса.

До сентября 2001-го реалисты серьезно влияли на американскую внешнеполитическую линию. Однако после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне Буш отринул реализм: «Те, кто называет себя реалистами, ставят под вопрос необходимость распространения демократии на Ближнем Востоке. Здесь реалисты теряют контакт с фундаментальной реальностью: Америка всегда оказывалась в опасности, когда свобода отступала; Америка была в безопасности со свободой на марше».

Едва ли не смертельными ударами по американской школе *политического реализма* стали операции США в Афганистане и Ираке. Резкое несогласие с доктриной Буша высказывают бывший государственный секретарь Лоуренс Иглбергер и предшественник Кондолизы Райс на посту помощника президента по национальной безопасности Brent Скоукрофт. Другой бывший госсекретарь, Генри Киссинджер, хотя и охарактеризовал действия США в Ираке и Афганистане как «избыточную реакцию», после начала войны в Ираке заявил, что, коль скоро речь идет о доверии к Америке, акцию нужно поддержать.

И либеральные интернационалисты, и реалисты не намерены подталкивать общественность к массовым протестам. Они лишь стремятся показать, что «надуманная доктрина» при столкновении с реальностью приносит горькие плоды. На самом же деле их правоту лучше всего доказывают неудачи коалиции государств, воюющих в Ираке под руководством США. Между тем часть «антибушистов» (например, Том Хейден, в свое время активно боровшийся против войны во Вьетнаме) призывают, пока еще, правда, тщетно, развернуть массовое движение за вывод американских войск из Ирака по примеру антивоенных акций 1960-х годов.

Среди **американских госструктур** против «войны за демократию» изначально выступали две могущественные силы – Центральное разведывательное управление (ЦРУ) и Государственный департамент. Так, ЦРУ, распространяя пессимистические оценки ситуации, постаралось организовать утечку материалов в *The New York Times*; номером один в списке национальных бестселлеров стала книга сотрудника управления Майкла Шойера «Имперская спесь», направленная против доктрины Буша. (Anonymous. *Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror*. Washington: Brassey's, Inc., 2004). Что касается Госдепартамента, то, как возмущенно указывают «неоконы», «на пороге войны с Ираком американские посольства, в частности расположенные на Ближнем Востоке, сообщили в Государственный департамент, что они не смогут убедительно защитить дело войны в Ираке».

Президенту пришлось заменить руководителей обоих ведомств. Во главе ЦРУ встал Портер Госс, который первым делом приказал ведомству «не идентифицировать себя как оппозицию Белому дому, не помогать ей». А вместо «противопоставившего себя всей стране» Колина Пауэлла, возглавлявшего Госдепартамент, переизбранный Буш назначил безусловно лояльную Кондолизу Райс: она, мол, больше не допустит фрондерства со стороны американской дипломатической машины, препятствовавшей реализации главенствующей внешнеполитической доктрины.

ОБРАТНАЯ СИЛА УПРЕЖДАЮЩЕГО УДАРА

Отметим несколько наиболее важных моментов, ставящих под сомнение эффективность доктрины Буша.

- Классическим примером предвосхищающего удара является «план Шлифена» (Альфред фон Шлифен — германский генерал-фельдмаршал, в 1891—1905 гг. начальник Генштаба. — **Ред.**), подразумевавший молниеносный (за 42 дня) разгром Франции путем вторжения вначале в Бельгию и Люксембург с последующей целью повернуть на Париж и позже окружить французскую армию. При всей своей изощренности этот план не отвечает здравому смыслу. Оборона всегда обходится дешевле, чем наступление. Трудно представить себе, чтобы Соединенные Штаты стали регулярно наносить удары по мировой периферии с ее *пятимиллиардным* населением. Только убежденный враг Америки мог бы посоветовать ей встать на этот путь, чреватый колоссальными затратами. Между прочим, попытки германского командования в начале Первой мировой войны воплотить в жизнь скорректированный «план Шлифена» не привели к успеху.

- Превентивная атака со стороны США способна придать импульс процессам, которых так опасается Вашингтон (в частности, применение ядерного оружия Северной Кореей).

- Доктрина «превентивной агрессии» превращает *потенциально* противника в реального врага. Более того, она подталкивает страны — *потенциальные* члены антиамериканского союза к ускоренной и эффективной работе по формированию такого альянса.

- Явная надуманность «теории домино», являющейся наряду с прочим идейным обоснованием доктрины Буша («Если мы не покажем готовность применить силу в данном конкретном случае, то доверие к нам в мире упадет до нуля», — отметил как-то Доналд Рамсфелд).

- Первый атакующий, как правило, не может рассчитывать на поддержку со стороны общественного мнения. Именно поэтому многие выдающиеся дипломаты нередко стремились выставить в этой роли своих противников. Бисмарк же говорил, что превентивная война «похожа на совершение самоубийства из-за страха смерти».

Кроме того, стратегия упреждающего удара усугубляет уязвимость Соединенных Штатов. Ведь, во-первых, все империи, демонстрировавшие готовность к активной самообороне на своей периферии, в конечном счете неизбежно были вынуждены переносить поле битвы на территорию метрополии. Во-вторых, предвосхищающие атаки наносят ущерб имперской безопасности, поскольку порождают бесконечную череду конфликтов на окраинах империи, восстаний в покоренных регионах, незатихающее недовольство населения как стран-сателлитов, так и зависимых государств. В-третьих, не только формально независимые страны, но даже и испытанные, пользующиеся привилегиями союзники начинают рано или поздно сопротивляться диктату со стороны гегемона, что грозит последнему крушением имперских основ.

Односторонние действия не спасли огромную Испанскую империю в XVII веке, не способствовали попыткам Людовика XIV сохранить главенствующее положение Франции в Европе в начале XVIII века, не укрепили владения Наполеона, не помогли ни кайзеру, ни фюреру.

Хотя имперское бремя пока еще не является непомерно тяжким грузом для США, перспективы американского доминирования в мире довольно сомнительны по следующим причинам.

- Республиканцы, находящиеся в США у власти, проводят последовательную политику снижения уровня налогов в стране. Но империя требует жертв, в том числе и финансовых. Даже в годы холодной войны Соединенные Штаты расходовали на военные нужды относительно больше средств, чем сегодня (в процентах от ВВП). Между тем большинство потенциальных конкурентов и противников Америки не только прилагают усилия к наращиванию своей мощи, в том числе военной, но и настроены на координацию своих действий.

- Участие военного ведомства в процессе государственного строительства ограничено. На сегодняшний день главной функцией американских военных является, по словам Джозефа Ная, «вломиться в дверь, избить диктатора и возвратиться домой, а не приступить к тяжелой работе по созданию демократического общества».

- У Соединенных Штатов нет ни желания, ни инструментов для того, чтобы на постоянной основе вмешиваться во внутренние дела бесчисленного множества государств, заниматься постоянным мониторингом происходящих там процессов, осуществлять силовое вмешательство.

- Возможное вооруженное сопротивление американской оккупации не только осложнит задачи армии США, но и способно вызвать недовольство в самом американском обществе в связи с растущим числом боевых потерь. Такое уже происходит в Ираке, где состояние мира оказалось для американской армии и общества едва ли не более болезненным, чем военный период.

- Демографические процессы стремительно изменяют мир и влекут за собой последствия стратегического характера.

Не нужно смотреть в магический кристалл, чтобы предсказать рост числа проблем в сфере национальной безопасности Соединенных Штатов. Будет ли Вашингтон отчаянно держаться за свои имперские позиции или же сумеет мирно сдать их, подобно Британии в XX веке? (После весьма затратной войны с бурами и видя подъем Германии в Европе Британия отказалась от стратегии «*блестящей изоляции*», что в применении к США тождественно стратегии *унилатерализма*. Это и подтолкнуло Лондон к союзу равных — с Францией и Россией.)

У всех наблюдателей возникает вопрос: способна ли команда Буша отказаться от претензий на гегемонию в случае появления непредвиденных препятствий? Например, когда очередная страна-изгой снова заставит Вашингтон действовать вопреки логике исторического развития и, несмотря на истощение собственных ресурсов и неготовность американского общества, идти на неоправданные жертвы? В декабре 2004 года журналист Дэвид Сангер предсказывал: «Вторая администрация Буша, не сдерживаемая осторожностью Колина Пауэлла, выведет Соединенные Штаты на путь нескончаемых конфронтаций со всем миром, начиная с воинственного подхода к контролю над ядерными амбициями Ирана и Северной Кореи... Белый дом начинает забывать об ограниченности американской мощи». «У мистера Буша, — полагает Сангер, — появится еще много оснований вести себя, как “ястреб”, в Северной Корее и Иране, но он уже не будет располагать прежними возможностями». Патрик Бьюкенен утверждает: «Хотя у неоконгов нет недостатка в планах создания *Pax Americana*, президент Буш споткнется о грубую реаль-

ность: американская армия... в Ираке истекает кровью, при этом возрастающие расходы на войну... падающий доллар и отсутствие союзников порождают “вьетнамскую” дилемму». Война в Ираке — это, по сути, сражение не за Багдад, а за победу или поражение новой американской доктрины.

Уже сегодня доктрина Буша демонстрирует предел своих возможностей. Но идеологи типа Нормана Подхореца как будто не замечают этого: «Президента Буша уже не раз недооценивали. С Ираном и Северной Кореей он поступит так же, как и с прежними противниками». Майкл Лидин из Американского института предпринимательства также не сомневается в успехе: «Если мы смогли сокрушить Советский Союз, воодушевляя и поддерживая весьма малый процент его населения, то в Иране у нас значительно больше шансов на победу».

Между тем от удара по Северной Корее американцев пока удерживает опасение испортить отношения с Сеулом; в Иране же их останавливают и масштаб военной задачи, и разбросанность ядерных объектов. Но на самом деле надеяться можно прежде всего на критическое восприятие американской нацией своего афганского и иракского опыта, а также на ее резонный страх перед возможностью спровоцировать чреватые тяжелейшими последствиями события.

Доктрина Буша отвергается большинством в Западной Европе, России, Китае; с ней ведет войну исламский мир. Никто не желает даровать самой могущественной стране мира право первого, упреждающего, удара. Это открывает перспективу создания весьма широкого альянса защитников собственного суверенитета. Как отмечают эксперты, «величайший недостаток новой американской доктрины заключается в завышенной самооценке, в излишней склонности использовать военную силу и игнорировать иные системы ценностей и союзников. Вот почему эта доктрина не продержится долго» (Цит. по *Lambert R. Misunderstanding Each Other // Foreign Affairs. 2003. March/April. P. 63*).

Смена режима и пределы ее эффективности

Ричард Хаас

ВООРУЖЕНЫ И ОПАСНЫ

В то время как одна из трех составных частей «оси зла» находится под контролем Вооруженных сил США, две другие – Северная Корея и Иран – по-прежнему явно угрожают американским интересам. Взгляните на Северную Корею: в феврале 2005 года Пхеньян заявил, что обладает ядерным оружием, и, как полагают сегодня, Корейская Народно-Демократическая Республика имеет несколько ядерных зарядов или по меньшей мере материалы для их производства. Если Америка не предпримет никаких шагов, то со временем арсенал Северной Кореи, несомненно, расширится, равно как увеличатся и ее запасы ядерного топлива. Это приведет к дестабилизации, а возможно, и к катастрофе. Наличие у КНДР значительного ядерного потенциала может стимулировать работы над подобными программами в Японии и Южной Кореи, что в свою очередь ослабит стабильность в регионе. Если же Пхеньян решит продавать новое оружие или ядерное топливо за твердую валюту, как это уже происходило с его наркотиками и ракетными технологиями, то последствия могут выйти далеко за пределы Северо-Восточной Азии.

У Ирана тоже есть ядерная программа, причем ее реализация продвинулась гораздо дальше, чем считалось почти всеми пару лет

Ричард Хаас является председателем Совета по международным отношениям; в 2001–2003 гг. руководил Отделом политического планирования Госдепартамента США. Данная статья представляет собой выдержки из его недавно опубликованной книги *The Opportunity: America's Moment to Alter History's Course* («Шанс для Америки: возможность изменить ход истории»). Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 4 (июль – август) за 2005 год. © 2005 *Council on Foreign Relations Inc.*

тому назад, хотя, возможно, и не столь далеко, как в Северной Корее. Развивая усилия, начатые еще при шахе, Иран сумел получить многие элементы, необходимые для разработки программы по производству обогащенного урана в военных целях. Озабоченность Вашингтона усугубляется и тем, что в прошлом Тегеран тайно проводил ядерные исследования, оказывал поддержку терроризму и разрабатывал ракеты средней дальности.

До сегодняшнего дня администрация Буша последовательно давала понять, что в качестве решения всех этих проблем предпочитает смену режима в Тегеране и Пхеньяне. Причины очевидны: смена режима представляется не столь неприемлемой, как дипломатия, и не столь опасной, как сосуществование с новыми ядерными державами. Есть только одно но: крайне маловероятно, что эта тактика достаточно быстро даст желаемый результат.

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ

Смена режима — отстранение от власти неприемлемых государственных лидеров и замена их новыми, более приемлемыми — позволяет одной стране решить проблемы, возникающие у нее в отношениях с другой страной. В случае с Северной Кореей или Ираном это означало бы установление режима, либо не заинтересованного в обладании ядерным оружием, либо настолько отличного от нынешнего, что если бы он и стремился к ядерному статусу, то это не вызвало бы столь серьезного беспокойства.

В использовании смены режима в качестве политической панацеи нет ничего нового, как и в вызовах, которые бросают нам репрессивные режимы, располагающие опасным оружием. Эти вызовы, конечно, не являются исключительным атрибутом мира, сформировавшегося после завершения холодной войны или атак 11 сентября. Да и саму холодную войну на самом деле можно рассматривать как длительную конфронтацию с государством точно такого же типа. Деятельность Советского Союза на международной арене представляла для США угрозу, а его внутренняя политика вызывала у американцев негодование. Ранее то же самое можно было сказать о нацистской Германии и империалистической Японии.

В отношении двух последних стран администрация Рузвельта в конце концов избрала тактику смены там режимов, стремясь не только победить врага и заставить его вернуть захваченное, но и продолжать войну вплоть до того момента, как режимы в Берлине

и Токио падут и на их месте прочно утвердится гораздо более предпочтительная форма правления. На достижение второй цели ушли годы вооруженной оккупации и настойчивого вмешательства во внутреннюю политику обеих стран, то есть, говоря современным языком, национального строительства.

А вот выстраивая отношения с Советским Союзом, Америка применяла совсем иной подход. После Второй мировой войны, когда Москва превратилась в главного глобального соперника и представляла угрозу для Вашингтона, большую популярность приобрела концепция «отбрасывания» (имеется в виду своего рода контрнаступление, призванное отодвинуть Советский Союз с завоеванных им сильных позиций. — Ред.). Но возможность ядерной войны, в которой проиграют все независимо от того, кто первым нажмет на кнопку, диктовала более сдержанную линию поведения. Смена режима или «отбрасывание» были слишком рискованной и даже безрассудной тактикой в свете того, чем могла ответить доведенная до отчаяния Москва со всем ее военным потенциалом.

Но и смириться с поведением СССР дома и за границей для Вашингтона было неприемлемо. В итоге родилась политика сдерживания, которую Джордж Кеннан (американский дипломат, в то время работавший в Москве) помог сформулировать своей «Длинной телеграммой», опубликованной в журнале *Foreign Affairs* в 1947 году. Эта политика вовсе не была столь умеренной, как утверждали критики. Хотя она предписывала противодействовать усилиям Москвы по распространению коммунизма и расширению советского влияния, у нее был и еще один, реже упоминаемый аспект. «Америке вполне по силам, — писал Кеннан, — влиять как на развитие событий в России, так и на международное коммунистическое движение... Соединенные Штаты способны многократно усугубить трудности, с которыми сталкиваются Советы при проведении своей политики, и тем самым принудить Кремль к гораздо большей сдержанности и осмотрительности, чем он проявлял в последние годы. Таким образом Америка поможет развитию тенденций, которые в конце концов обернутся распадом Советской державы или постепенным смягчением режима».

Иными словами, еще одной, вторичной целью стратегии сдерживания являлась смена режима. Эта задача в конечном счете была выполнена поэтапно. Но данный процесс осуществлялся настолько постепенно (более 40 лет), что его можно назвать скорее эволюцией режима, да и оказался он не на первом месте по сравнению с по-

литикой сдерживания. В то время как смена режима (как ее понимает администрация Буша) — это, как правило, непосредственная и быстрая мера, предполагающая применение военной силы или проведение тайных операций, а также попытки изолировать — и экономически, и политически — соответствующее правительство, эволюция режима обычно является опосредованным и постепенным делом, подразумевающим использование не силовых, а иных внешнеполитических инструментов.

Большинство сторонников смены режима во многом, а то и полностью отрицают идею каких-либо отношений с «проблемным» режимом, опасаясь, как бы последний не укрепил свои позиции в процессе общения или взаимодействия. В результате дипломатия отходит на задний план — тенденция, уже в течение 40 лет сохраняющаяся в политике Вашингтона в отношении Кубы и сравнительно недавно возникшая в отношениях с Северной Кореей и Ираном.

Эволюция режима, напротив, учитывает необходимость компромисса. На протяжении всех лет холодной войны США активно поддерживали дипломатические отношения с СССР. Неважно, как это называлось — «мирное сосуществование» или же (с большей долей оптимизма) «разрядка»: так или иначе Америка была готова к диалогу с Москвой, если он служил ее интересам. Сдерживание считалось более существенным фактором, нежели отбрасывание или смена режима, а влияние на внешнеполитический курс Москвы имело большее значение, чем воздействие на ее внутреннюю политику. Это не значит, что Америка закрывала глаза на то, что творилось в Советском Союзе: напротив, Вашингтон последовательно оказывал поддержку радиовещанию, адресованному советским гражданам, не оставался в стороне, когда дело касалось индивидуальных прав личности, отстаивал право на эмиграцию. Но, с точки зрения Соединенных Штатов, все эти вопросы уступали по степени важности вопросам, связанным с советской внешней политикой.

Чтобы лучше понять сей процесс, обратимся к сфере контроля над вооружениями — области, в которой проходил активный американо-советский диалог. Представители США регулярно вели переговоры со своими советскими коллегами, заключали соглашения об ограничении вооружений — в первую очередь ядерных. Возможно, подобная политика Соединенных Штатов продлила существование советского режима, обеспечив Москве значительный и притом уникальный международный статус и ограничив дорогостоящую гонку

вооружений, которая — с учетом слабой экономической базы коммунистического режима — могла бы приблизить его кончину. И все же несколько поколений американских лидеров благоразумно рассматривали недопущение войны и регулирование гонки вооружений в качестве более высоких целей.

В сфере экономических отношений с Советским Союзом действовал сходный принцип: опасения, что двусторонняя торговля укрепит позиции режима, оказались отодвинуты на второй план. Более весомым являлось то, что торговые соглашения станут стимулировать Москву к улучшению отношений с США и Западом и тем самым заставят ее отказаться от соблазна силовым путем нарушить статус-кво.

В конце концов смена режима в СССР состоялась. Историки и в будущем будут спорить о том, в какой мере повлияли на это событие внутренние изъяны советской системы, а в какой — политика США и Запада. Проще согласиться с тем, что важную роль сыграли оба фактора. Важно то, что режиму пришел конец и это обошлось без кровопролития. Третье великое противостояние XX столетия, подобно двум другим, завершилось желательным для США образом. Но этот конфликт не вылился в тотальную войну.

ПРОЩЕ СКАЗАТЬ, ЧЕМ СДЕЛАТЬ

Уроки, усвоенные из опыта отношений с Советским Союзом, способны оказать важное влияние на нынешний внешнеполитический курс США. Устранение одиозного лидера — так называемое свержение режима — не столь уж легкое дело. СССР продержался почти три четверти века. Когда Соединенные Штаты искали и арестовывали Мануэля Норьегу в Панаме в 1989 году, они испытывали серьезные затруднения. Попытка смещения Мохамеда Фара Айдида в Сомали в 1993-м провалилась, а Фидель Кастро по-прежнему крепко держит власть в Гаване.

Приведение к власти нового кабинета — вторая стадия смены режима — задача еще более сложная. Сместить Саддама Хусейна оказалось в итоге проще, чем сформировать на его месте новое иракское правительство, способное взять на себя ответственность за безопасность и жизнеспособность страны. И хотя неудачное планирование и спорные решения Вашингтона привели к тому, что на иракскую кампанию затрачено больше средств и усилий, чем требовалось, не исключено, что затруднений нельзя было бы избежать, даже примени США иной подход к оккупации Ирака. Проведение подобных опера-

ций в любых других местах не окажется более легким предприятием. Подъем националистических настроений в сочетании с глобализационными процессами (и с учетом того фактора, что мощные средства вооруженного сопротивления все более доступны), возможно, предрекает длительным оккупациям провал в силу резкого увеличения человеческих, военных и экономических потерь.

Неопределенности, связанные со сменой режима, делают ее ненадежным средством решения конкретных проблем, таких, как наличие ядерной программы во враждебно настроенном государстве. Ни в Северной Корее, ни в Иране не предвидится глобальных перемен в ближайшем будущем. Десять лет назад многие считали, что Северная Корея стоит на пороге коллапса, но ее режим остается прежним и может продержаться еще много лет, несмотря на обнищание страны, жестокость и эксцентричность руководства и полное отсутствие свободы. Иранцы тоже вряд ли сместят нынешних клерикальных правителей, хотя те и не пользуются популярностью. Даже если время опровергнет эти прогнозы, нельзя рассчитывать на то, что смена режима произойдет достаточно быстро, чтобы нейтрализовать ядерную угрозу, исходящую от этих государств.

Но возможен и другой сценарий, подразумевающий готовность США оккупировать указанные государства. Он, однако, связан с колоссальными издержками. Используя обычные виды вооружений, Пхеньян способен нанести Южной Корее значительный физический и материальный урон, который, очевидно, многократно возрастет в случае применения им ядерного оружия. Оккупация будет стоить жизни многим американским военным (включая некоторых из тех, кто служит в более чем 30-тысячном контингенте, ныне размещенном в Южной Корее, и тех, кто будет послан туда в составе сил подкрепления). Соединенные Штаты способны выиграть подобную войну, и они ее выиграют, но только огромной ценой для себя, для региона и для остального мира. То же касается и войны с Ираном. В стране размером почти с Аляску проживает 70 миллионов человек — примерно втрое больше, чем в Ираке, и этого более чем достаточно, чтобы превратить оккупацию в дорогостоящее, мучительное и безрезультатное предприятие для США.

Использование других инструментов, оказывающих не столь непосредственное воздействие и предназначенных не для смены, а для эволюции режима, возможно, принесет свои плоды, но на это уйдут годы, а то и десятилетия. Успешная эволюция режима требует стра-

тегического использования телевидения, радио и Интернета. Государству, которое решится на фундаментальные экономические реформы, по своему характеру являющиеся и политическими, может быть предложено членство во Всемирной торговой организации (ВТО). Определенный эффект способны дать и пропаганда реформ, и прямое содействие негосударственным организациям и другим элементам гражданского общества. Рычагами воздействия на страны, которые пойдут по пути, ведущему к снижению угроз и предоставляющую больше свободы и возможностей для независимой экономической и общественной деятельности, должно стать экономическое и политическое стимулирование. При отсутствии перемен целесообразно рассматривать возможность «адресных» санкций. Торговый обмен и обмен персоналом сделают закрытое общество более восприимчивым к новым идеям. В последние десятилетия мир видел множество примеров удачной эволюции режима в странах бывшего советского блока, в Латинской Америке и Азии, и не существует причин, по которым эти модели было бы невозможно воспроизвести в других странах, если только Америка потратит необходимые средства и время. Никогда нельзя закрывать глаза на одиозные или опасные режимы, но лучший и наиболее безопасный способ приблизить их смягчение или крах — это подавлять их политическими методами, которые принудят их открыться для внешнего мира и вступить с ним в диалог.

ВОЕННЫЕ СРЕДСТВА

Еще один вариант решения проблемы ядерных испытаний Пхеньяна и Тегерана — ограниченное применение военной силы. Оно может выразиться в двух формах. Это, во-первых, упреждающий удар наподобие того, что Израиль нанес по Египту в 1967 году, узнав, что нападение со стороны последнего неминуемо. Но для успеха такой акции необходимо располагать почти абсолютно точными разведанными, подтверждающими, что угроза действительно неотвратима и устранить ее другими доступными средствами невозможно. Преобладает мнение, что при таких исключительных обстоятельствах государство имеет право нанести удар до того, как само станет несомненной мишенью. Это — упреждение в классическом его понимании; президент Буш трактует этот термин по-другому — как превентивную тактику.

Проблема для американских лидеров сегодня состоит в том, что ни в Иране, ни в Северной Корее ситуация не соответствует условиям, оправдывающим упреждающий удар в традиционном

смысле этого слова. На самом деле имеющиеся разведывательные данные, сведения о содержании и степени неотвратимости угрозы, вероятно, вызовут большие сомнения, и военное вмешательство станет лишь одним из возможных вариантов. При таком стечении обстоятельств любой удар со стороны Америки окажется не упреждающим, а превентивным, направленным против назревающей, но не неминуемой угрозы.

Существуют прецеденты превентивных атак, такие, как израильский налет на иракский ядерный комплекс «Озирак» в 1981 году или вторжение в Ирак под руководством США примерно двумя десятилетиями позже. Но такие удары всегда сопряжены с серьезными проблемами. Во-первых, практически невозможно заручиться поддержкой мирового сообщества. Во-вторых, в подобных операциях довольно трудно достичь успеха. В действительности, учитывая, что ядерные программы разрабатываются в глубокой тайне, не исключено, что Америка будет не в состоянии получить развединформацию, необходимую для того, чтобы нанести точный и эффективный удар по ядерным объектам.

Видимо, в дальнейшем именно критерий выполнимости задачи будет определять возможность нанесения превентивных ударов. Вопрос не только в том, в чем состоит и где разрабатывается северокорейская ядерная программа. Вашингтон в принципе может ударить по другим важным для Пхеньяна объектам и таким образом добиться от него выполнения американских и мировых требований касательно его ядерных программ. Однако нет уверенности в том, что США смогут заручиться политической поддержкой таких атак, или в том, что они дадут желаемый эффект. На самом деле Южная Корея, Япония, Китай и Россия, скорее всего, воспротивятся любым действиям, грозящим Корейскому полуострову войной, способной унести сотни тысяч жизней и разрушить экономику Южной Кореи и региона в целом.

Что касается Ирана, то и здесь покончить с активной реализацией программы по разработке вооружений гораздо легче на словах, чем на деле, из-за неполноты информации по вооружениям Ирана и в силу технических проблем, связанных с нанесением ударов по рассредоточенным и скрытым глубоко под землей ядерным объектам. Возможно, Америке удастся нанести серьезный удар по части иранской оружейной программы и отбросить ее развитие на месяцы или даже на годы назад. Но если это и произойдет, Иран, несомненно, восстановит уничтоженное, причем с таким расчетом, что-

бы еще больше затруднить будущие атаки. Более того, Тегеран может в ответ развязать террор (при поддержке организаций ХАМАС и «Хезболла») против Израиля и Соединенных Штатов или усугубить нестабильность в Ираке, Афганистане и Саудовской Аравии. К тому же удар по Ирану вызовет еще больший гнев в арабском и мусульманском мире, где и так уже многие возмущены двойными стандартами и всеобщим признанием военных ядерных программ Израиля и Индии. В случае нападения из-за рубежа большинство иранского населения, недовольного нынешним правительством, сплотится вокруг своих лидеров, тем самым значительно снизив шансы на успешную смену режима извне. Удар по Ирану приведет также к резкому и, возможно, долгосрочному повышению цен на нефть, что чревато глобальным экономическим кризисом. Америке придется заплатить ту же цену даже и в том случае, если удар будет исходить из Израиля (по сценарию вице-президента США Дика Чейни от января 2005 года), поскольку его воспримут как выполнение Тель-Авивом распоряжения Вашингтона.

НАЧАТЬ С ДИАЛОГА

Еще один вариант ответа на вызов Ирана и Северной Кореи – упор на дипломатию. Если Пхеньян и Тегеран снимут обеспокоенность США и мирового сообщества по поводу своих ядерных программ, то им можно будет посулить ряд преимуществ, включая экономическое содействие, гарантии безопасности и более высокий политический статус. Оба режима должны также получить четкое представление о наказании их за неспособность к адекватному сотрудничеству, в том числе о дипломатических и экономических санкциях или – при самых крайних обстоятельствах – о военном ударе.

Однако имеются большие сомнения в том, что любое соглашение такого рода может быть достигнуто в результате переговоров. Не исключено, что Северная Корея придет к выводу: ядерное оружие – лучший способ предотвратить возглавляемую Америкой интервенцию и заработать твердую валюту, и потому Пхеньян предпочтет не отказываться от своей программы. Иран тоже может решить, что ядерное оружие – это слишком хорошее средство сдерживания Америки и обретения влияния в регионе, чтобы его лишиться. Более того, даже если бы эти страны и обещали отказаться от своих арсеналов, нет никакой гарантии, что они сдержали бы слово. Северная Корея уже нарушила соглашение с Сеулом от 1992

года о запрете ядерных вооружений на полуострове и пошла если не против буквы, то против духа рамочного соглашения с США от 1994-го. Иран со своей стороны также не выполнил свои обязательства, оговоренные в соглашении о гарантиях, подписанном Тегераном в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия: он не оповестил Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) о своей деятельности в сфере обогащения урана.

Учитывая прошлое поведение Северной Кореи и Ирана, можно ожидать, что, время, предназначенное для каких-либо переговоров с этими странами, будет использовано на дальнейшее развитие ими своих ядерных потенциалов. Но даже если не брать в расчет подобное вероломство, возникает другой момент. Предоставление такой стране, как Северная Корея, альтернативных источников энергии и различных политико-экономических преимуществ лишь на том основании, что однажды она вложила деньги в ядерные программы, может спровоцировать обратный эффект — распространение ядерного оружия в иных регионах планеты. Другие страны получают стимул последовать примеру Пхеньяна в надежде на то, что в конце концов и их наградят за подобное поведение.

И все же, несмотря на все эти проблемы, дипломатия — подход привлекательный: во-первых, она может привести к успеху, а во-вторых, Америка имеет шанс заручиться необходимой международной и региональной поддержкой для проведения впоследствии более жесткой линии лишь в том случае, если вначале будет действовать в духе доброй воли.

На самом деле США (работая совместно с Китаем, Японией, Россией и Южной Кореей) уже инициировали ряд дискуссий с КНДР с тем, чтобы убедить ее отказаться от ядерной оружейной программы. Пхеньян отверг прошлогоднее предложение Вашингтона предоставить Северной Корее вознаграждение за свертывание ее ядерной программы, и, не включив в договор возможные штрафные санкции, Америка не сумела склонить КНДР к компромиссу. Так что не сработал ни кнут, ни пряник. К тому же администрация Буша потеряла драгоценное время, воспротивившись идее двусторонних переговоров с Северной Кореей. Это было ошибкой: физическое присутствие за столом переговоров Китая, Японии, Южной Кореи и России не столь уж важно, если Америка координирует с ними свои действия.

Самый эффективный из всех возможных путей сегодня — это совместно с указанными странами продолжать работу над пакетом со-

глашений, обеспечивающих Пхеньяну гарантии безопасности, содействие в энергетической сфере и конкретные политико-экономические преимущества в обмен на его отказ от ядерных программ (как топливных, так и оружейных) и согласие на проведение полноценных международных инспекций. Здесь важна последовательность шагов: неразумно было бы ожидать, что Северная Корея удовлетворит все требования в ядерной сфере, прежде чем получит какие-либо преимущества. Вашингтон и его партнеры должны совместно определить экономические и политические санкции, применимые к КНДР в случае, если она не примет указанное соглашение к определенной дате или переступит критическую черту, испытав, к примеру, некое ядерное устройство.

В любом из таких дипломатических начинаний центральную роль должен играть Китай. Хотя его влияние на Пхеньян ограничено, оно все же больше, чем у других стран. Пекин поставляет в Северную Корею значительную часть энергии и является ее основным торговым партнером. Но даже если он и готов оказать некоторое давление, то, похоже, не склонен проявлять настойчивость, опасаясь, по-видимому, что, если режим Ким Чен Ира начнет распадаться, грянет война и в Китай хлынет поток беженцев. В результате Китай, как кажется, скорее заинтересован в замораживании северо-корейской проблемы, чем в ее реальном решении.

Вашингтон должен попытаться убедить Китай использовать все свое влияние на то, чтобы принудить Пхеньян к отказу от ядерной оружейной программы. Необходимо, чтобы китайские лидеры понимали: северо-корейская проблема — своеобразный тест, призванный доказать готовность Китая стать настоящим стратегическим партнером США. Полезно будет также уверить Пекин в том, что американское правительство донесет до китайских лидеров свое видение долгосрочного развития Северо-Восточной Азии, а именно заверит их в том, что твердо выступает против возникновения в регионе новой ядерной державы, будь то Япония, объединенная Корея или Тайвань.

Решение иранской проблемы потребует от международного сообщества предложить Тегерану ядерное топливо (в котором последний, по его же словам, нуждается для производства электроэнергии), но без права прямого доступа к самому топливу и контроля над ним. Такое предложение можно сделать только Ирану, но, чтобы повысить его привлекательность, оно должно быть представлено как часть новой глобальной политики, при которой никто, кроме

пяти признанных ядерных держав и МАГАТЭ, не будет иметь право контроля над ядерным топливом. Чтобы обеспечить согласие Тегерана, подвергающегося в настоящее время многочисленным экономическим санкциям со стороны США, можно использовать различные стимулы — как экономические, так и в виде гарантий безопасности — наподобие тех, что рассматриваются для Северной Кореи. За это Тегеран (как и Пхеньян) должен будет, разрешив инспектировать свои ядерные объекты без предварительного уведомления, убедить мир в том, что не занимается ни разработкой ядерного оружия, ни производством расщепляющихся веществ, необходимых для такого оружия. Судя по всему, политика Вашингтона развивается именно в этом направлении, но нужно, чтобы Америка предложила Ирану нечто большее, чем просто прекратить оказывать противодействие вступлению Ирана в ВТО или приобретению им запчастей для самолетов. Со своей стороны Европа, Россия и Китай должны взять на себя обязательство подвергнуть Иран серьезным санкциям в случае нарушения им условий договора. Настало время перейти от неопределенности к конструктивной конкретике.

Но даже при использовании подобной тактики остается вероятность (и, как сказали бы некоторые, весьма значительная) того, что дипломатия не принесет результатов либо в силу недостаточной мировой поддержки, либо из-за того, что слишком многие в Иране настроены на продолжение любой ценой работ по обогащению урана или созданию ядерного оружия. Тем не менее, как и в случае с Северной Кореей, здесь стоит придерживаться дипломатического подхода к делу, учитывая как издержки, связанные с остальными методами, так и тот факт, что единственный шанс заручиться международной поддержкой (или даже одобрением) более агрессивной стратегии — это добросовестная попытка решить проблему с помощью дипломатии.

ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Всегда есть возможность признать *de facto* ядерный статус Северной Кореи и Ирана. Такой вариант и будет принят в отсутствие другой альтернативы, если смена режима не принесет разительных результатов, идея военного вмешательства будет отвергнута, а дипломатия потерпит крах. Это будет похоже на подход, который уже сформировался у США и остального мира в отношении Израиля, Индии и Пакистана. С одним важным отличием: учитывая прошлое агрес-

сивное поведение и воинственный нрав и Пхеньяна, и Тегерана, Америке понадобится ввести в действие дополнительный элемент сдерживания, дабы не позволить правительствам обеих стран применить ядерное оружие или передать технологии, топливо и вооружения другим государствам либо террористическим группировкам. Для этого Вашингтон должен будет публично заявить, что любой режим, который применяет оружие массового уничтожения (ОМУ) или угрожает его использованием, сознательно предоставляет третьим сторонам ОМУ или основные материалы для его создания, навлекает на себя жесточайшие ответные меры, включая силовой удар и отстранение от власти. Такое заявление следует сопровождать согласованными дипломатическими усилиями, направленными на вовлечение в эту политику других крупных держав. Подобные шаги добавят веса резолюциям Совета Безопасности ООН и международным соглашениям, уже запрещающим любое содействие ядерному терроризму.

Но даже при наличии подобных заявлений, сделанных на международном уровне, такой подход рискован сам по себе: признание ядерного статуса Северной Кореи может означать изъявление согласия на дальнейшее существование отчаявшегося, «падающего» режима, который вполне способен на тайные попытки поставлять террористам ядерные материалы в обмен на столь необходимую ему валюту. Смириться с существованием ядерного Ирана — значит проявить такую же сговорчивость. При этом политика сдерживания может не сработать ни в том, ни в другом случае.

Более того, даже если она и принесет плоды, то Америке все равно придется заплатить и за признание ядерного статуса Ирана и Северной Кореи, и за то, чтобы освоиться в новой ситуации. Ведь если, как предполагалось выше, Пхеньяну будет позволено сохранить свой ядерный арсенал, это, возможно, подтолкнет Японию, Южную Корею или другие страны к попыткам обзавестись собственным ядерным оружием. Поддержание мира в ядерной Северо-Восточной Азии обещает стать непростым делом, поскольку здесь не изжиты историческая вражда и скрытое соперничество и отсутствуют системные механизмы, способствующие росту доверия и стабильности в регионе.

То же относится и к Ближнему Востоку. Ядерный Иран вполне может натолкнуть Египет, Саудовскую Аравию, Сирию и даже Ирак на мысль о развитии там подобного потенциала, хотя им, вероятно,

потребуется на это больше времени из-за отсутствия передовой индустриальной базы. А поддерживать мир между полудюжиной ядерных держав, относящихся друг к другу если не с явно выраженной враждебностью, то с недоверием, будет весьма и весьма сложно. Возникновение новых ядерных государств также резко повысит опасность случайного или организованного попадания ядерного оружия или его составляющих в руки террористов.

ЕДИНЫЙ ПОДХОД

Смена режима, ограниченные военные действия, дипломатия и сдерживание — всё это следует рассматривать в качестве альтернативных вариантов политики. Но их смысл будет более очевиден, если воспринимать их как составляющие единого комплексного подхода к таким странам, как Северная Корея и Иран. Сдерживание — это способ улучшить насколько возможно неблагоприятную ситуацию. Военная операция или, говоря точнее, ее угроза способна подкрепить дипломатические усилия. Но именно дипломатические меры должны стать основой американской политики в отношении обеих стран, потому что у дипломатии есть шансы на успех, потому что, если она не достигнет цели, ее зримый провал обеспечит нам поддержку при использовании других методов, а также и потому, что остальные варианты выглядят весьма непривлекательно.

Что касается смены режима, то ее следует рассматривать как дополнение к политике дипломатии и сдерживания. Необходимо принимать во внимание не только пределы эффективности смены режима, но и ее специфику. Отказ от диалога с тираническими режимами дает последним возможность вооружиться националистическими лозунгами и остаться у власти. Предлагая этим режимам дополнительные гарантии безопасности, а также экономическое и политическое сотрудничество в обмен на соблюдение определенных требований, мы имеем возможность лишить их и аргументов в пользу жесткого правления, и способности осуществлять его. Курс не на изоляцию, а на интеграцию деспотичных режимов в мировое сообщество может сыграть роль троянского коня: обуздать их действия в краткосрочной перспективе и смягчить их характер — в долгосрочной. Пришло время, чтобы Вашингтон опробовал этот подход на странах, оставшихся от «оси зла». Промедление уже не вариант, бездействие — плохая стратегия.

ЮЖНЫЙ фланг

Иран: четверть века
после исламской революции

“ В умах молодого поколения иранцев идет постоянная борьба между традиционализмом и глобализмом. В результате чего их политические воззрения меняются с периодичностью смены дня и ночи. Это, кстати, относится не только к молодежи, но и в целом к интеллектуальной части иранского общества ”

Маятник иранской демократии *Владимир Сажин*
58

Партнерство для Центральной Азии *Фредерик Старр*
72

Ключи от счастья, или Большая Центральная Азия
Ирина Звягельская
88

Маятник иранской демократии

Владимир Сажин

Президентские выборы в Исламской Республике Иран (ИРИ) в июне 2005 года преподнесли сюрприз не только мировому сообществу, но и самим избирателям. Победы столичного мэра Махмуда Ахмадинежада, малоизвестного политика с репутацией радикала, не ожидал никто, так как фаворитом считался умеренный «тяжеловес» Али Акбар Хашеми-Рафсанджани, уже дважды занимавший пост президента страны (1989–1997). Исход выборов отражает перемены, происходящие в иранском обществе, однако делать вывод о радикальной смене курса пока преждевременно.

К О Н Е Ц « О Т Т Е П Е Л И »

Нынешние июньские выборы-2005 стали зеркальным отражением президентских выборов-1997. Тогда, тоже вопреки всем прогнозам, президентом Ирана стал аятолла Сейед Мохаммад Хатами, получивший поддержку почти 70 % избирателей (Ахмадинежад набрал сейчас 62 % голосов). Неожиданная победа либерала в чалме знаменовала собой начало восьмилетнего периода попыток провести социально-политические реформы. Однако президент Хатами не был готов идти на решительную конфронтацию ни с духовным лидером аятоллой Сейедом Али Хаменеи, ни с радикальными исламистами, ни с существующей системой. Он был ее заложником.

Конечно, Хатами много сделал для открытия ИРИ миру и для укрепления ее авторитета в международном сообществе. Но на поприще преобразований неудачи преследовали его на протяжении

В.И. Сажин – профессор, эксперт Института востоковедения РАН, эксперт Института Ближнего Востока, политический обозреватель радио «Голос России».

обоих сроков президентства, поскольку инструментов для последовательных и всеобъемлющих реформ в его арсенале не имелось. Хатами лишь приоткрыл дверь для перемен, но в эту дверь не столько ворвался свежий воздух свободы, сколько проникла коррупция на всех уровнях власти, подпитываемая потоком нефтедолларов, которые оседали в карманах немногочисленной элиты. Уровень безработицы достиг 16–17 %, причем главная жертва этого явления — молодежь. Отсюда и рост преступности, наркомании, проституции. Острая проблема — дефицит и дороговизна жилья. Вообще, цены за последние 10 лет выросли в 7–10 раз, доллар подорожал с двух тысяч до почти девяти тысяч иранских риалов.

У живущих в бедности иранцев (70 % населения) сформировался образ классового врага — прослойки «новых шахов», которые, как образно отметил один журналист, «начали пользоваться ноутбуками, ездить на шестисотых “мерседесах” и отдыхать в местном Куршевеле — на острове Киш». А породивший их либеральный режим аятоллы Хатами стал восприниматься как «антинародный».

Первый звонок для либералов прозвучал в феврале 2003 года. На выборах народных представителей в исламские советы городов и других населенных пунктов (в местные органы власти) сторонники президента Мохаммада Хатами потерпели первое за шесть лет поражение. Однако уроки извлечены не были. Парламентские выборы в феврале 2004-го реформисты-либералы вновь проиграли. Здесь, правда, не обошлось без вмешательства консерваторов.

Незадолго до выборов Наблюдательный совет снял с предвыборной гонки около 2 200 кандидатов, большинство из которых — сторонники реформ. В знак протеста против незаконных, по их мнению, действий этого совета по меньшей мере 600 независимых кандидатов отказались от участия в парламентских выборах. Разгорелась ожесточенная борьба. За несколько недель до выборов великий аятолла Хосейн Али Монтазери, автор Конституции ИРИ, возглавлявший исламскую революцию вместе с аятоллой Рухоллой Мусави Хомейни, выразил возмущение: «Наблюдательный совет манипулирует законом. Это — предательство революции... В результате незаконных действий немногих отдельных личностей был испорчен [международный] образ Ирана, что вызвало в мире полную растерянность...»

Приведенные слова видного иранского религиозного деятеля в полной мере можно отнести и к нынешним президентским выборам. После их первого тура стало совершенно ясно, что админист-

ративный и «мошеннический» ресурс тех, кто стоит за спиной у Ахмадинежада, огромен. И тем не менее все сходятся во мнении, что отрыв в 26 % невозможно обеспечить ни при каких масштабах государственного ресурса. Большинство избирателей ИРИ сознательно проголосовали за кандидата, который олицетворял исламский радикализм.

71-летний Хашеми-Рафсанджани — отражение всей иранской политики трех последних десятилетий. Ветеран исламской революции и тонкий политик-клерикал постепенно превратился в одного из богатейших людей страны, владельца фисташковых плантаций и целых отраслей промышленности, магната, размещающего капиталы по всему миру. За годы своего президентства Хашеми-Рафсанджани создал условия для выхода страны из тупика «тоухидной экономики» (по названию книги Аболхосейна Банисадра, первого президента ИРИ, в которой он отстаивал принципы тоухида, т.е. распределительной экономики начального периода. — **Ред.**), преобразовал мобилизационную модель «военного исламизма» времен войны с Ираком в более рыночную систему. Но это была стабилизация без решения кардинальных проблем.

Примечательно, что предвыборные лозунги Али Акбара Хашеми-Рафсанджани, который считался умеренным консерватором, во многом повторяли либеральную программу Хатами. Среди них невмешательство в личную жизнь граждан, свобода слова и вероисповедания, устранение дискриминации, равные условия для молодежи, женщин, меньшинств, поддержка гражданского общества и защита прав граждан, повышение эффективности экономики, в частности путем поддержки частного сектора... Отдельно подчеркивалась необходимость преодоления изоляции страны, проникновения на новые рынки и привлечения в страну иностранных инвестиций.

Внешний фактор, кстати, сыграл определенную роль в нынешнем поражении Хашеми-Рафсанджани. В последние недели перед выборами психологическое и идеологическое давление Вашингтона на Иран было беспрецедентным. Так, президент США Джордж Буш заявил о создании Корпуса активного реагирования, который займется оказанием молниеносной помощи «братским народам», решившим стать на путь демократии. Вторя своему президенту, госсекретарь Кондолиза Райс объявила о патронате, который Соединенные Штаты отныне будут осуществлять над всеми демократическими движениями в странах Большого Ближнего Востока. Все это не

могло не поднять волну антиамериканизма даже среди иранских интеллектуалов, в том числе и молодежи, которые хотят демократии и свободы, но не по иракскому образцу.

Американцы не учли особый персидско-шиитский менталитет иранцев. Менталитет гордых и бескомпромиссных иранцев-шиитов, отстаивающих свои интересы в противостоянии давлению извне, формировался столетиями. Сегодня персидская национальная психология представляет собой сплав великодержавного имперского национализма и представлений о шиитской избранности. Именно поэтому можно с уверенностью сказать, что прессинг американцев приводит к противоположным результатам. Неудивительно, что в подобной обстановке намерение Хашеми-Рафсанджани вступить в диалог с Вашингтоном отклика не нашло.

В свою очередь те радикальные исламистские силы, которые сделали ставку на Махмуда Ахмадинежада, во-первых, правильно оценили внутривосточную обстановку, учли настроения различных слоев населения и, во-вторых, точно позиционировали своего кандидата – молодого, светского, преданного делу исламской революции (что он доказал своей боевой юностью) выходца из низов, который сделал свою карьеру сам и не поступился принципами. Этот образ оказался куда более привлекательным для народа, чем высокопоставленный исламский олигарх Али Акбар Хашеми-Рафсанджани. А ведь программа ныне избранного президента не была столь конкретна и ясна, как у его соперника.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Действительно, все программные заявления Ахмадинежада расплывчаты: создание в Иране в рамках существующего исламского строя общества социальной справедливости, построение истинно «исламского общества» при полном использовании достижений исламской революции 1979 года. В экономике – «разумное сочетание» частной, государственной и кооперативной собственности для обеспечения экономического прогресса при осуждении рыночных методов (по мнению Ахмадинежада, рынок – это разновидность азартной игры, которой не должно быть места в мире ислама). Лейтмотив высказываний нового президента – абстрактная, по сути, идея обеспечения «экономической справедливости».

Наиболее консервативны взгляды Ахмадинежада в области культурной политики: образ жизни иранской нации «должен соответст-

Хиджаб «от кутюр»

Брючный костюм ярких цветов с приталенным удлиненным пиджаком и широким многоцветным платком, лишь чуть-чуть прикрывающим макушку. Так на улицах Тегерана выглядит сегодня хиджаб – традиционная одежда женщин-мусульманок, еще недавно представлявшая собой мрачное одеяние с обязательным черным покрывалом, под которым не было видно вообще ничего.

Городская мода – это, пожалуй, самое наглядное свидетельство тех изменений, что произошли в иранском обществе за последние годы. Всего несколько лет назад невозможно было представить себе здесь женщину в босоножках, теперь же многие девушки смело демонстрируют педикюр. О макияже и говорить нечего: редкая молодая тегеранка не подводит брови и ресницы, а иной раз «боевой» раскрас превосходит допустимое. Говорят, это своеобразный символ протеста юных персиянок против все еще насаждаемых сверху пуританских норм.

Изменились и мужчины. Прежде они были обязаны носить рубашки с длинными рукавами и забыть о галстуках. Ныне в ходу спортивные открытые майки, а зачастую и сорочки с галстуками, которые свободно продаются в тегеранских магазинах. Вышли из моды и окладистая боро-

Фитнес покорил иранских женщин

Остров Киш – иранский Куршевель для новых богатых

да, и революционная трехдневная щетина. Большинство молодых мужчин чисто выбриты или носят аккуратные испанские бородки.

Все это, конечно, только внешние проявления изменений. Но внешнее определяется внутренним. Иранская молодежь усиленно изучает английский язык и компьютеры, смотрит глобальное телевидение, используя формально запрещенные спутниковые антенны-тарелки, «бродит» по Интернету, получая информацию из первоисточников. Не будет преувеличением сказать, что в умах нового поколения идет постоянная борьба между традиционализмом и глобализмом. В результате политические воззрения молодежи меняются с периодичностью смены дня и ночи.

Это, кстати, относится и в целом к интеллектуальной части иранского общества. Там диапазон взглядов еще шире – от сладостных воспоминаний о «золотых» шахских годах и преклонения перед западными ценностями до апологетики исламского режима.

Одна из наиболее примечательных перемен в иранцах – это обнаружившаяся в них открытость, откровенность, а также отсутствие боязни перед иностранцами и общением с ними. Не только любознательная молодежь, но и умудренные жизненным опытом отцы семейств и солидные дамы с удовольствием беседуют с иностранными журналистами, дают интервью перед объективами телекамер зарубежных компаний. Их высказывания, как правило, не имеют ничего общего с официальными взглядами, проповедуемыми иранскими СМИ.

воват историческим, национальным и религиозным традициям», а свобода выбора образа жизни все же должна ограничиваться «религиозностью большинства иранского населения и соблюдением основных ритуалов и законов ислама и шариата». По его мнению, культурно-империалистическое влияние Запада разрушает исламско-иранскую идентичность.

У нового президента ИРИ есть опыт борьбы с чуждым влиянием Запада в масштабах Тегерана, где он в течение года был мэром. Ахмадинежад намеревался строить дома с несколькими лифтами для раздельного их использования мужчинами и женщинами, требовал поголовного ношения бород мужчинами и осуждал попытки женской половины населения города «превратить уличные тротуары в подиум для показа мод». На практике эти указания мэра почти не осуществлялись. Правда, из города были изгнаны все «Макдоналдсы» и ликвидированы рекламные щиты с постерами английского футболиста Дэвида Бекхэма в спортивных трусах и майке, как пропаганда развратного западного образа жизни.

Во внешнеполитической риторике Махмуд Ахмадинежад также активно использует слово «справедливость» (справедливые отношения между государствами). Он выступает за налаживание отношений со всеми государствами, которые «не проповедуют агрессию и силовые методы» в мировой политике, отдавая безусловный приоритет связям с мусульманскими странами и соседями по региону (с целью их консолидации в борьбе против США и Израиля).

Одними из главных задач в современном мире Ахмадинежад считает проведение грани между «друзьями» и «врагами», а также выяснение тактики врагов Ирана, оказание конкретного сопротивления их планам и своевременное предупреждение иранской нации об угрозах, исходящих от врагов. Здесь опять на первые места выходят «сатана номер один» — Америка и «сатана номер два» — Израиль, или — по традиционной терминологии, принятой в Тегеране, — «незаконный сионистский режим».

Уже после своей победы новый президент выделил два момента во внешней политике, которые не могут не настораживать. Первый — имперско-националистический: президентские выборы, мол, изменили региональный и международный баланс сил в пользу Ирана, и теперь надо наращивать усилия на этом направлении. Второй — мировая революция: эпоха угнетения, авторитарных режимов, тирании подходит к концу, и «скоро волна ислам-

ской революции прокатится по всему миру». Из Тегерана давно уже не звучали такие речи.

В целом программные заявления нынешнего президента ИРИ по вопросам внутренней и внешней политики, экономики, социальной и культурной политики — это почти дословное изложение взглядов покойного лидера исламской революции и основателя Исламской Республики Иран аятоллы Хомейни. Риторика возвращается к первым революционным годам, когда приоритет отдавался исламистскому тоталитаризму во всех сферах общественной жизни.

Махмуду Ахмадинежаду, его покровителям и пиарщикам удалось соединить отдельные идеи имама Хомейни с левосоциалистическими лозунгами, замесив их на исламских постулатах и упаковав в популистскую оболочку. Такой «товар» доступен и понятен беднейшему большинству иранцев. Некоторые аналитики проводят в этой связи такие параллели: недовольные своим положением, изверившиеся в обещаниях руководителей люди склонны к простым решениям — в Европе они идут за ультралевыми или фашистами, в Иране же поддерживают исламских радикалов типа Ахмадинежада.

Нельзя игнорировать и такой фактор, как возросшее во всех слоях населения недоверие к «муллократии». Ведь по своему происхождению и социальному статусу Махмуд Ахмадинежад принадлежит к светской части иранского общества (в отличие от аятоллы Мохаммада Хатами).

Некоторые «прозападные» избиратели голосовали во втором туре, исходя из принципа «чем хуже — тем лучше». По их мнению, приход к власти радикального исламиста станет катализатором недовольства в народе, изолирует Иран на международной арене, что в результате приведет исламский режим к краху. Примечательно, что по сравнению с первым туром во втором к урнам не пришли почти миллион избирателей, чьи ожидания не оправдались.

ГРАНИЦЫ ИСЛАМСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

В центре американской политики на Ближнем и Среднем Востоке — идея «продвижения демократии» как залог преобразований этого неспокойного региона. Можно ли говорить о том, что в Исламской Республике Иран происходит демократический процесс? Президентские выборы показали, что можно говорить о наличии в стране широкой демократии в узких и жестких рамках исламской государственности. Более того, Иран мог бы стать положительным примером для многих

арабских да и мусульманских государств в целом, поскольку иранского уровня электоральной демократии нет ни в одной из стран Ближнего и Среднего Востока (за исключением Израиля).

Как и в любой республиканской государственной системе, Конституция ИРИ провозглашает разделение законодательной (меджлис), исполнительной (президент, избираемый на четыре года) и судебной ветвей власти (судебная коллегия, глава которой ответствен только перед духовным лидером). Избирательный закон вполне демократичен: всеобщее избирательное право (в том числе и для женщин), прямое и тайное голосование на пропорциональной основе, отсутствие имущественного ценза. Избирать имеют право все граждане, достигшие 15-летнего возраста.

Однако Исламская Республика Иран — уникальное государственное образование, в основе которого — система «веляйте-факих», то есть правление шиитского духовного лидера. Данный феномен опирается на принцип преемственности правления имамов — один из устоев шиизма. Теоретические основы такого правления разработаны имамом Хомейни и зафиксированы в Конституции страны. «Веляйте-факих» — это тип общественно-политического устройства, воплощенный в канонизированной власти общепризнанного, справедливого богослова-правоведа, представляющего собой высшую инстанцию духовной, шиитской, авторитетности — «марджа́йе таглид» и выбранного узким кругом исламских клерикалов-экспертов из среды высшего шиитского духовенства. Верховному руководителю ИРИ принадлежит вся полнота власти — духовной, государственной, политической и военной. В качестве духовного лидера нации это Факих — глава шиитской общины; в качестве общегосударственного политического вождя и руководителя страны — Рахбар; он же — Верховный главнокомандующий Вооруженными силами.

При Руководителе действует несколько сугубо теократических институтов: Согласительный совет, Наблюдательный совет (или Совет хранителей Конституции), Совет старейшин, Совет по политике возрождения, Высший совет по культурной революции.

Согласительный совет формируется по распоряжению Руководителя для определения им правомочности сторон и выбора решения, если принятые парламентом постановления по заключению Наблюдательного совета противоречат законам ислама или Конституции и меджлис продолжает настаивать на своем. Кроме того, этот орган консультирует Руководителя по части целесообразности при-

нения наиболее важных решений всеми государственными институтами и соответствия их законам шариата и Конституции страны.

Главная задача Наблюдательного совета — толкование Конституции ИРИ и установление соответствия всех решений парламента законам шариата, учению пророка Мухаммеда и Конституции ИРИ. Кроме того, на этот совет возложены задачи по наблюдению и контролю за выборами Совета старейшин, президента, парламента, за проведением общенациональных референдумов, а также за подлинностью их итогов.

Совет старейшин — специальный орган, создаваемый для определения и назначения Руководителя. Поименный и количественный состав этого органа определен Наблюдательным советом и был утвержден аятоллой Хомейни в декабре 1982 года.

Совет по политике возрождения стал, по существу, высшим экономическим советом, определяющим основные направления развития национальной экономики. Он имеет семь подкомитетов: промышленный, аграрный, финансовый, торговый, транспортный, социально-бытовой и жилищный.

Высший совет по культурной революции является одновременно законодательным и исполнительно-распорядительным органом в сфере идеологии, культуры и образования. Обладает в своей сфере полномочиями и парламента, и правительства. Его нормативные акты вступают в силу с момента их принятия и не подлежат дальнейшему утверждению.

Все вышеназванные исламские органы контролируют и направляют работу республиканских институтов на основе соответствия их деятельности шиитским законам и нормам.

После победы исламской революции и установления жесткого шиитского правления в стране насильственно укрепилось господство единой государственной идеологии — «панисламского неошиизма Хомейни». Основным закон провозглашает: абсолютная власть над миром принадлежит Богу (Аллаху), все стороны жизни подчиняются религиозным нормам. То есть для современного Ирана ислам в его шиитской форме шире и глубже, чем идеология, — это образ жизни. Более того, ислам в его идеологической ипостаси в условиях Исламской Республики стал, по сути, стержнем иранской государственности, без которого рухнет вся система клерикальной власти. Пожалуй, ни в одной другой стране мира религиозные догмы, целенаправленно превращенные в официальную идеологию, не играют такой институциональной роли, как в Иране.

Исторические параллели всегда условны. Но сравнение напрашивается само собой. В Советском Союзе тоже имелись республиканские институты. Однако кроме них (а вернее, над ними) был Центральный комитет КПСС — главный хозяин страны. Именно он фактически (а после принятия Конституции 1977 года, где была прописана «руководящая и направляющая роль КПСС») и юридически управлял страной, выхолащивая весь демократизм из республиканских институтов.

Но все же, если продолжить сравнение, поле демократии в Исламской Республике Иран, вне всякого сомнения, значительно шире, чем оно было в СССР. В рамках одной идеологии — «хомейнизма», одной политической системы — «веляйте-факих» нет одного мнения и единой политики. Фракционность пронизывает весь истеблишмент, причем разброс взглядов велик — от самого радикального исламизма (некоторые аналитики говорят об идейной близости иранских радикалов с афганскими талибами) до практически западного либерализма в экономике и политике. При этом влиятельные радикально-консервативные круги полагают, что Иран должен развиваться под знаменем идей аятоллы Хомейни собственным уникальным ирано-шиитским путем во всех сферах с лозунгом первых дней революции: «Ни Запад, ни Восток — только исламская революция». Реформаторы-либералы считают необходимым в рамках исламской Конституции укреплять демократию, расширять права человека и активнее входить в мировую экономическую систему. Диапазон мнений в Иране широк, а наличие своеобразного «исламского плюрализма» подтверждает тот факт, что в ИРИ зарегистрировано более 100 (по некоторым данным, до 200) партий, религиозно-политических, общественных и профессиональных организаций.

При всем том не стоит подходить к партийно-политическим процессам с европейскими мерками. В отличие от западной практики политические силы Ирана, как правило, не имеют четко оформленных организационных структур с уставами, программами и прочими необходимыми атрибутами. Все они достаточно аморфны и держатся на приверженности их сторонников взглядам и пристрастиям своих лидеров.

Борьба между фракциями идет в основном в верхних и средних эшелонах власти, мало затрагивая основную часть населения. Но накануне выборов различные движения начинают борьбу за голоса,

что является нормальной практикой всех демократических обществ, и последние выборы президента ИРИ наглядно это показали.

Наличие демократических процедур парадоксальным образом подтверждается и тем, что для победы «нужного» кандидата властям приходится прибегать к административному ресурсу и избирательным технологиям (в Советском Союзе таких понятий не существовало за ненадобностью: все и так было предreshено).

Так, в первом туре выборов Махмуд Ахмадинежад, далеко отставший от своих соперников в течение всего дня, к вечеру совершил резкий скачок, заняв второе место после Али Акбара Хашеми-Рафсанджани. По свидетельствам тегеранцев, подтвержденным потом самим Хашеми-Рафсанджани, к подобному «чуду» приложили руки активисты из «басиджа» (Организация по мобилизации обездоленных иранского народа, где командные должности занимают кадровые военнослужащие Корпуса стражей исламской революции, КСИР), «вбросившие» подготовленные заранее бюллетени. Времени у них было достаточно: по распоряжению властей избирательные участки не закрывались так долго, как это им было нужно.

Перед вторым туром духовный руководитель ИРИ, глава государства аятолла Сейед Али Хаменеи открыто призвал избирателей проголосовать за «антизападного президента». «Отдайте голоса кандидату, который не понравится нашим врагам. Пусть это будет одним из критериев вашего выбора. Голосуйте за того, кто поддерживает революцию, религию, закон и не боится столкнуться с трудностями». Понятно, за и против кого был направлен этот призыв.

В предвыборной кампании между двумя турами, помимо уже испытанных способов использования административного ресурса — указаний госслужащим (в том числе и военным) голосовать за Ахмадинежада, мобилизации «басиджа», служителей местных мечетей, — применялись методы «черного пиара». Как сказал позже проигравший на выборах Хашеми-Рафсанджани, против него и его семьи была развязана широкая кампания клеветы.

ПОТЯСЕНИЙ НЕ ОЖИДАЕТСЯ

Девятые президентские выборы в Иране знаменовали собой окончание почти десятилетней иранской «оттепели». Не стоит, однако, забывать, что 24 июня иранские избиратели выбрали, по сути, премьер-министра, который играет заметную, но все же не решающую роль в ИРИ. Генеральная линия разрабатывается аятоллой Хаменеи,

его канцелярией и окружением. Именно эта группа (кстати, вполне здравомыслящая и толерантная) давала возможность президенту Сейеду Мохаммаду Хатами «открывать» Иран миру и проводить свой реформаторский курс, но только в тех пределах, которые не выходят за рамки исламской государственности, строго очерченной принципом «веляйте-факих».

Вполне вероятно, что исламский либерализм президента Хатами (а также прагматизм предыдущего президента Хашеми-Рафсанджани) был нужен верховному руководителю ИРИ Хаменеи по чисто практическим соображениям — для вывода страны из социально-экономического кризиса конца 1980-х — начала 1990-х годов и из положения международной полуизоляции.

Однако логика внешней и внутренней политики аятоллы Хатами диктовала необходимость выйти за установленные еще аятоллой Рухоллой Мусави Хомейни рамки: требовала пересмотра некоторых положений Конституции, в частности касающихся прав президента, роли высших теократических институтов, и, самое главное, она подвергала сомнению основополагающий принцип «веляйте-факих». Этого аятолла Хаменеи допустить не мог.

Можно не сомневаться, что подбор кандидатуры Ахмадинежада был осуществлен и одобрен верховным руководителем ИРИ и его сподвижниками задолго до избирательной кампании, результаты которой показали большой потенциал и возможности всего механизма власти аятоллы Хаменеи. Примечательно, что уже спустя 10 дней со дня выборов руководство КСИР объявило о безоговорочной поддержке новоизбранного президента Махмуда Ахмадинежада. Четыре года назад президенту Ирана Хатами так и не удалось добиться подобной поддержки. Более того, командование «стражей» в резкой форме предупредило аятоллу Хатами и его сторонников, что не позволит проводить реформы, способные подорвать исламский режим.

Апокалиптические прогнозы делать не стоит. Маловероятно, что политика Исламской Республики Иран претерпит кардинальные изменения. Да, будут затянуты гайки внутри страны, начнется очередной виток в борьбе за строжайшее выполнение норм и законов шариата, возможно, усилится цензура в СМИ и в сфере культуры, расширится пропагандистская деятельность.

Конечно, теперь все ветви власти в ИРИ находятся в руках радикалов-консерваторов, контролируемых высшим Руководителем Ирана. Это, безусловно, облегчит разработку, прохождение и при-

нятие законов, необходимых, по мнению властей, для страны. Такая ситуация позволит ликвидировать последствия затянувшегося почти на десятилетие структурного кризиса режима, когда при либеральном реформаторе-президенте (и при либеральном парламенте) сталкивались интересы теократических и чисто республиканских институтов власти. Это позволит стабилизировать обстановку в высших эшелонах власти.

Во внешней политике резких поворотов ожидать тоже не следует. Иран находится не в вакууме, он связан тысячами нитей с мировым сообществом и в значительной степени зависит от него. Конечно, нормализация отношений с США откладывается на неопределенный срок, неизбежно некоторое обострение ирано-израильского противоборства, неминуемо ужесточение антиамериканской и антиизраильской риторики. Даже по наиболее актуальному вопросу – проблеме ядерных программ ИРИ, скорее всего, особых сюрпризов не будет. Ведь весь иранский истеблишмент по ядерной проблематике един. Может измениться тактика ведения переговоров с Европейским союзом, что усложнит работу европейцев.

Президентские выборы в Иране показали, что механизм исламской власти функционирует пока исправно. Его пружина четко управляет политическим маятником, контролируя скорость, амплитуду и направление его движения.

Партнерство для Центральной Азии

Фредерик Старр

ДЕФИЦИТ ВНИМАНИЯ?

Несмотря на почти постоянные предостережения о надвигающемся хаосе, Афганистану удалось добиться значительного прогресса после свержения власти талибов в 2001 году. Заметно укрепилась система безопасности, стабилизировалась экономика. Национальная ассамблея ратифицировала Конституцию страны, которая производит положительное впечатление, прошли президентские выборы. Если поступательное движение продолжится, то сам факт восстановления Афганистана будет знаменовать собой значительную победу в войне с терроризмом. Если же, наоборот, оно станет ослабевать, то недавние достижения начнут подвергаться эрозии.

Центральная Азия в целом тоже вплотную приблизилась к поворотному пункту в истории своего развития. После 11 сентября 2001-го Вашингтон достиг нового уровня взаимопонимания с правительствами всех стран данного региона; каждая из них воспринимала Афганистан как угрозу своей безопасности, и поэтому все эти страны проявили готовность оказывать содействие. Но остается неясным, перерастет ли текущий интерес Вашингтона к этому региону в устойчивые обязательства перед Афганистаном и сопредельными с ним странами. Члены Конгресса уже сейчас настаивают на сокращении помощи США Афганистану, утверждая, что главная цель Соединенных Штатов — разгром движения «Талибан» — достигнута. Многие лидеры Центральной Азии начи-

Фредерик Старр возглавляет Институт Центральной Азии и Кавказа при Высшей школе международных исследований им. Пола Нитце в Университете Джонса Хопкинса. Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 4 (июль — август) за 2005 год. © 2005 *Council on Foreign Relations Inc.*

нают вести двойную игру, полагая, что внимание США вскоре будет переключено на какие-то другие объекты.

Мало кто из американских политиков отдает себе отчет в том, что недавние успехи в Афганистане открывают огромные возможности — не только для самого Афганистана, но и для всей Центральной Азии. Соединенные Штаты имеют ныне шанс способствовать тому, чтобы Афганистан и регион в целом превратились в безопасную зону суверенных государств, сделавших выбор в пользу эффективной рыночной экономики, отличающихся светскими и открытыми системами государственного управления и поддерживающих позитивные отношения с Вашингтоном. Средством для достижения этой цели послужит создание регионального форума Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА), в задачу которого войдут планирование, координация и осуществление целого ряда программ, разработанных в США.

Создание такого форума означало бы признание Соединенными Штатами наличия у них долгосрочных интересов в Центральной Азии. Это явилось бы также отражением того факта, что для содействия миру и развитию Большую Центральную Азию следует рассматривать как единый регион, объединяемый общими интересами и потребностями. Возникновение подобной зоны сотрудничества, сдерживающей экстремистские силы и выступающей в качестве привлекательной модели для других развивающихся мусульманских обществ, могло бы принести серьезные выгоды как самому региону, так и Соединенным Штатам.

Ключевым направлением в развитии региона является торговля, что, в свою очередь, требует улучшения положения дел в сфере транспорта. Экономика Афганистана и сопредельных с ним государств никогда не будет процветать в изоляции; экономика многих стран все еще в значительной степени опирается на натуральное сельское хозяйство, и ни одна из них не обладает развитой промышленностью. Но по мере роста объема торговли их географическое положение — на перекрестке между Ближним Востоком и Восточной Азией, Европой и Южной Азией — позволит им извлечь огромные выгоды.

На самом деле торговля в этом регионе процветала на протяжении двух с половиной тысячи лет, пока южная граница Советского Союза не разрежала его пополам. Предпринятые ныне Соединенными Штатами действия сделали возможным оживление этих торговых путей. Общерегиональная торговля позволит афганским ферме-

рам на легальной основе снабжать мировые рынки своей легальной, а не противозаконной сельскохозяйственной продукцией, будет способствовать созданию рабочих мест для населения и обеспечит поступление доходов в государственную казну. Что касается других стран Центральной Азии, то торговля в масштабе региона приведет к расширению их отношений со странами, расположенными к югу, создав альтернативу монополии России на экспорт углеводородов, электроэнергии и хлопка, а также к расширению отношений с Китаем. Словом, торговля поможет Афганистану и его соседям переместиться с экономической периферии в самый центр нового экономического региона — Большой Центральной Азии.

ИЗМЕНЕНИЕ КАРТЫ РЕГИОНА

Несмотря на недавно достигнутые успехи, Афганистан продолжают подстерегать опасности, источники многих из которых часто следует искать за пределами страны. Силы, нелегально действующие с территории Пакистана, до сих пор совершают набеги на южные окраины Афганистана, а растущая нестабильность в пакистанской провинции Белуджистан может перекрыть ему (как и соседним с ним странам Центральной Азии) доступ к новому порту регионального значения в Гвадаре, что на Аравийском море. Угроза Ирана провести репатриацию 500 тысяч афганских беженцев способна дестабилизировать обстановку на северо-западе страны.

Если Афганистан сталкивается с угрозами, исходящими от соседей, то и соседи в не меньшей степени подвержены опасностям со стороны Афганистана, особенно если речь идет о наркоторговле. Этот источник нестабильности дополняется нерешенными внутренними конфликтами в странах Центральной Азии, начиная с продолжающегося кризиса в Киргизии и проявлений недовольства в связи с выборами в Таджикистане и Казахстане и заканчивая авторитарным режимом в Туркменистане и недавними волнениями в Узбекистане.

Осуществляемые Соединенными Штатами программы способствовали тому, что Центральная Азия добилась в последние годы серьезных успехов, однако недостаточная скоординированность военных и гражданских инициатив за пределами Афганистана, а также неудовлетворительное межгосударственное сотрудничество накладывают ограничения на достигаемый эффект. Отсутствие регионального видения и основанных на этом видении координационных

структур приводит к тому, что Вашингтон распределяет свои ресурсы механически и зачастую далеко не оптимально. Кроме того, отсутствие адекватной координации между различными программами вводит региональных лидеров в искушение: чтобы добиться преимуществ перед соседями, они пытаются играть на том, что им представляется как непоследовательность политики Вашингтона.

Представления правительства США о географическом делении мешают осознать, что Афганистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – это единый регион. Это, в свою очередь, не позволяет выработать внутренне скоординированную политику в отношении Центральной Азии. Государственный департамент объединяет пять бывших республик СССР в одну группу с Россией, а Афганистан считает частью Южной Азии, в то время как Центральное командование Министерства обороны рассматривает эти шесть стран как одно целое. Такое рассогласование ослабило способность Соединенных Штатов развить успех, достигнутый в Афганистане, в региональном масштабе. За исключением Рамочного договора о торговле и инвестициях, заключенного с пятью бывшими советскими республиками Центральной Азии, практически все, что было сделано Соединенными Штатами в этом регионе, осуществлялось на двусторонней основе.

Отсутствуют и общерегиональные структуры для содействия безопасности и развитию Большой Центральной Азии. Содружество Независимых Государств во главе с Россией перестало быть политической реальностью; Центральноазиатское экономическое сообщество оказалось мертворожденным, а его пока еще не оперившийся преемник – Организация центральноазиатского сотрудничества не включает Афганистан; Евразийское же экономическое сообщество остановилось в своем развитии. Японская программа «Шесть плюс один» сама по себе впечатляет, однако ее общерегиональный подход ограничивается вопросами развития, оставляя без внимания вопросы безопасности, к тому же она также исключает участие Афганистана. Рамки экономического развития, установленные Азиатским банком развития, охватывают регион в целом, но не касаются проблем безопасности и политического развития. Шанхайскую организацию сотрудничества в равной степени беспокоят и вопросы безопасности, и вопросы экономики, однако она игнорирует политическое развитие и не предусматривает участие Афганистана. Организация стран экономического сотрудничества объединяет все го-

сударства Большой Центральной Азии плюс Турцию и Иран, однако она неэффективна. Тем временем НАТО ведет работу в пяти бывших советских республиках в рамках программы «Партнерство во имя мира», а в Афганистане — через свои международные силы содействия безопасности (*ISAF*), однако не имеет ни стратегии, ни всеобъемлющей структуры для осуществления своей деятельности во всем регионе.

Соединенные Штаты преследуют несколько стратегических целей в Большой Центральной Азии. Это — ведение наступательной войны против терроризма и создание замкнутых на США инфраструктур безопасности. Это — предоставление Афганистану и его соседям возможности защитить себя от радикального исламизма и наркоторговцев. Это — усилия по укреплению региональной экономики и наиболее значимых государственных институтов до уровня, когда регион окажется способным служить в качестве экономического и политического моста между Ближним Востоком и Южной и Восточной Азией. Это — работа в плане упрочения региональных торговых связей и адекватной транспортной инфраструктуры. Наконец, это — стимулирование демократических политических систем, способных служить образцом для других стран с многочисленным мусульманским населением. Продвижение к этим целям лучше всего осуществлять на региональной основе.

Для выполнения поставленных задач вовсе не требуется отказываться от уже действующих двусторонних соглашений. Скорее необходимо создать орган более высокого уровня, который сможет выполнять совещательные функции при планировании инициатив США в регионе, а также координировать их осуществление. Ключевую роль в достижении Соединенными Штатами успеха в Афганистане сыграла готовность Вашингтона оказывать поддержку афганскому правительству в развертывании собственных программ и отказ от того, чтобы грубо навязывать заранее подготовленную повестку дня. В таком же духе партнерства должно быть налажено функционирование ПБЦА. Кроме того, речь должна идти о выборочном проекте, как в НАТО, где каждый член вправе участвовать только в тех программах, которые отвечают его интересам. Единственные обязательные для всех программы — это те, что направлены на содействие региональной и континентальной торговле и демократии.

Усилия США по поддержанию демократических институтов и практик должны планироваться и преподноситься таким образом,

чтобы страны-участницы видели в них не угрозы, а возможности. Нигде в регионе, включая Афганистан, демократические институты пока не пустили глубоких корней, и еще слишком рано рассчитывать, что положение исправится. Недавние события в Грузии, Украине и Киргизии вызвали вполне понятную тревогу у центральноазиатских лидеров, которые обеспечили себе власть, сосредоточившись скорее на суверенитете и безопасности своих стран, нежели на легитимности своих правительств. Если изначальные требования Вашингтона в области демократизации государств, желающих принять участие в работе ПБЦА, окажутся недостаточно гибкими, он добьется этим не столько перемен, сколько еще большей враждебности. В Центральной Азии не существует скоростных путей к демократии; демократию нельзя построить при отсутствии других ключевых реформ, особенно на местном уровне, а последние возможны только в результате терпеливой работы с другими правительствами, какой бы утомительной она временами ни оказывалась.

И все же США вправе ожидать, что каждое правительство, участвующее в региональном форуме ПБЦА, будет неуклонно стремиться к проведению свободных и справедливых выборов. Соединенные Штаты также должны поставить перед каждым правительством задачу принять участие по крайней мере в одном из двусторонних проектов судебной реформы или гражданских прав. Кроме того, Вашингтону следует уделить особое внимание реформе министерств внутренних дел. Именно с их служащими преимущественно имеют дело граждане, вступающие в отношения с государством, и именно на их долю в настоящее время приходится основной процент всех нарушений гражданских прав в регионе.

На начальном этапе следует ожидать, что последует критика по поводу соблюдения прав человека в адрес некоторых правительств Центральной Азии, начиная с правительства Узбекистана. Обеспокоенность состоянием дел в этой области нельзя игнорировать, однако ее надо рассматривать в контексте позитивных событий, которые получили гораздо меньшее освещение. Узбекистан пригласил международных экспертов для рассмотрения обвинений в ненадлежащем обращении с заключенными, а также оказал содействие недавним инициативам США по улучшению процедур местного государственного управления и проведения выборов. Не заостряя внимания на отрицательных сторонах дела, ПБЦА следует отметить факты подобного успешного сотрудничества, а также опре-

делиться с другими двусторонними программами и строить дальнейшую работу на их основе. Вашингтону необходимо также подтвердить свою приверженность Декларации о стратегическом партнерстве и сотрудничестве с Узбекистаном, датируемой июлем 2002 года, в которую по настоянию узбекской стороны был включен пункт о поддержке демократии. Соединенные Штаты должны продемонстрировать серьезность своих намерений, а также показать, что совместные усилия будут иметь отдачу не только в плане развития региональной торговли, но и с точки зрения общего улучшения климата в регионе.

ОЧЕНЬ ДОЛГОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Региональный форум ПБЦА прежде всего призван служить инструментом более эффективного выполнения и координирования программ финансовой помощи, а также вспомогательных программ, так что дополнительные расходы, которых он потребует, должны ограничиваться нуждами совершенствования координации и интеграции. Небольшой офис ПБЦА следует открыть в самом регионе — изначально в Кабуле, а затем каждые два года переносить его в новую региональную столицу.

В настоящее время затраты США включают статьи на военные расходы в Афганистане, а также на оказание ему и его соседям финансовой помощи. Программа «Ускорение успеха» в Афганистане на 2004–2005 годы обойдется примерно в 2,4 млрд дол., а еще 10 млрд дол. ежегодно уходят на военное присутствие. Последняя статья расходов резко сократится вследствие укрепления Афганской национальной армии. Тем временем пять бывших советских республик в Центральной Азии получают каждая в среднем лишь по 53 млн дол. из общей суммы в 2,67 млрд дол. на невоенную помощь государствам Большой Центральной Азии, вместе взятым. Со временем, несомненно, будут предприняты новые инициативы. Однако если допустить, что американская военная помощь Афганистану рано или поздно сократится на треть, а невоенная поддержка Кабула сохранится на нынешнем уровне, то Вашингтон мог бы удвоить свою невоенную помощь всем остальным странам региона и при этом сократить общие расходы на регион на 25 процентов.

Чтобы правильно оценить эти затраты, можно вспомнить, что сумма помощи США Тайваню, достигшая максимума в 1955-м, составляла 2,6 млрд дол. в пересчете на стоимость доллара в 2005 го-

ду, или 333 дол. на каждого жителя Тайваня, в то время как помощь США Афганистану сегодня составляет только 147 дол. на каждого афганца, а помощь остальной Центральной Азии составляет ничтожные 50 центов на человека.

Создание ПБЦА потребует со стороны Соединенных Штатов некоторых организационных преобразований. В их число входит расширение полномочий представителя президента в Кабуле, что подразумевает осуществление им координации деятельности региональных посольств, связанной с ПБЦА; назначение помощника государственного секретаря по делам Большой Центральной Азии и проведение соответствующих модификаций, затрагивающих существующие административные разграничения; расширение сферы ответственности, возлагаемой на главного представителя Министерства обороны в Афганистане, плюс координация всей деятельности Министерства обороны под эгидой ПБЦА в регионе; наконец, назначение старшего координатора по правоохранительной деятельности и по борьбе с наркотиками в Кабуле, ответственного за выполнение соответствующих межведомственных программ во всем регионе ПБЦА. Данные изменения позволят запустить проекты по следующим основным направлениям: безопасность, государственное управление, демократия и права граждан, экономика, транспорт и торговля, сельское хозяйство, борьба с наркотиками, а также культура и образование.

Уже принятые обязательства в сфере безопасности, касающиеся войны с терроризмом, должны оставаться в силе вплоть до того момента, пока не окрепнут сложившиеся после операции «Несокрушимая свобода» структуры. В их число входят содействие в строительстве Афганской национальной армии, а также обеспечение основных прав на расположение военных баз в Узбекистане и Киргизии. Дальнейшие усилия ПБЦА в регионе должны сосредоточиваться на уязвимых приграничных областях, а также на обеспечении безопасности границ через посредство программы Госдепартамента «Экспортный контроль и безопасность границ» в сотрудничестве с Управлением Минобороны по снижению военной угрозы (*Defense Threat Reduction Agency, DTRA*). Данные усилия должны включать также подготовку офицерского состава и использование Совместной обменной программы по боевой подготовке (*JCETP*). Региональные программы призваны главным образом укреплять ресурсы, необходимые для борьбы с терроризмом, совершенствовать опера-

ционную совместимость силовых структур, подготовку сержантского состава, а также способность межведомственного и многостороннего реагирования на чрезвычайные ситуации.

Надежным средством оказания помощи в области безопасности могли бы также стать так называемые мобильные бригады боевой подготовки, равно как и проведение учений по реагированию на чрезвычайные ситуации под эгидой инженерного корпуса Сухопутных войск США и Национальной гвардии США. После того как начнется осуществление этих программ, Соединенные Штаты должны заключить новые договоренности относительно порядка доступа, включая сохранение ротационного военного присутствия в Афганистане и Узбекистане, благодаря которому по необходимости можно поддерживать долгосрочное или краткосрочное развертывание, а также небольшие передовые оперативные позиции, дающие возможность нанесения быстрого удара по другим территориям. Такие договоренности должны быть зафиксированы в соглашениях о «стратегическом партнерстве», заключаемых со всеми, начиная с Афганистана. Возможно, они еще не являются жесткими оборонными обязательствами, однако за счет своего охвата и продолжительности действия они помогут в разрешении некоторых вопросов, вызывающих основную озабоченность стран региона. Вашингтон должен также обсудить с остальными членами НАТО вопросы расширения присутствия альянса в странах-участницах ПБЦА.

В своих усилиях по налаживанию государственного управления в бывших советских республиках Соединенные Штаты однобоко сосредоточились на организациях гражданского общества, пренебрегая министерствами внутренних дел, которые не были реформированы и которые во многом ответственны за наиболее вопиющие случаи подтасовок во время выборов, а также за нарушения гражданских прав. Все это неизбежно ведет к тому, что та же пагубная практика, в результате которой были коррумпированы режимы, установленные после 1991 года, получит продолжение при любых возможных преемниках, следуя по замкнутому кругу разочарований и конфликтов. В Афганистане, напротив, Вашингтону удалось укрепить и модернизировать правительственные институты во всех 34 провинциях и 360 округах страны, создав благоприятную среду для гражданского общества и реализации гражданских прав. Программы по государственному управлению ПБЦА должны воспроизводить те успешные программы реформ гражданской службы и полиции, ко-

торые в настоящее время действуют в Афганистане. Они также должны распространить опыт уже предпринимающихся в Таджикистане усилий по борьбе с коррупцией на другие страны-участницы ПБЦА и приступить к работе с правительствами региона, начиная с правительства Афганистана, над увеличением заработной платы чиновников, что существенно повышает шансы на успех.

В числе высших приоритетов ПБЦА следует считать развитие парламентских институтов и политических партий, а также верховенство закона и свободу слова. Вся сложность в том, как добиться широкого понимания, что демократия укрепляет стабильность и безопасность, а не подрывает их. Это возможно лишь в том случае, если относиться к демократизации как к сложному процессу с целым рядом предварительных условий. Поскольку прогресса можно достичь не путем принуждения стран-членов, а совместными с ними действиями, участники должны сами определить соответствующие программы и помогать в их создании. Инициативы по углублению демократизации должны быть сосредоточены на работе избирательных комиссий, парламентских процедурах, СМИ и свободе слова. Следует поощрять межрегиональные и международные контакты, устанавливаемые сотрудниками избиркомов, судебных органов, политических партий и парламентских учреждений.

Закрепление экономического роста в Афганистане и других странах – участницах ПБЦА подразумевает принятие следующих ключевых мер: реформа налогообложения; ускоренная помощь государственному сектору в восстановлении налоговых систем; содействие в получении доступа к кредитам Экспортно-импортного банка США; поддержка Соединенными Штатами при вступлении в ВТО; предотвращение прямой конкуренции негосударственных организаций с частным сектором, замедляющей развитие; наконец, меры по снижению уровня бедности в наиболее отсталых регионах и субрегионах.

Восстановление транспорта и торговли в региональном масштабе – это единственный способ воссоздать Большую Центральную Азию как значительную экономическую зону с центром в Афганистане. Программы ПБЦА должны быть направлены на координацию инициатив США в области инфраструктуры автомагистралей, пограничного контроля и развития регионального бизнеса. В соответствии с этими программами предстоит открыть трансафганские шоссейные коридоры, устанавливающие связь со вторичными рынками в Большой Центральной Азии и соседними экономическими

центрами. Речь может идти также о транспортировке газа, нефти и гидроэлектрической энергии.

Поскольку единственным крупнейшим источником существования в Большой Центральной Азии остается земледелие, то в целях установления и сохранения там социальной стабильности необходимо поддерживать жизнеспособность сельскохозяйственного сектора. Не приходится и думать об успехах в борьбе с наркотиками, если не повысит доходы фермеров. Текущее финансирование Соединенными Штатами развития сельских округов Афганистана (82 млн дол., включая инвестиции в ирригацию) и бывших советских республик недостаточно. Вашингтон может пополнить эти средства за счет тех фондов США для борьбы с наркотиками, которые предназначены для «переходных инициатив» в «хрупких государствах». Дополнительные деньги можно использовать на неотложные программы, включая развитие сети банков сельхозкредитования, особенно в Афганистане, где на сегодняшний день у фермеров, выращивающих мак, есть возможность брать частные кредиты для покрытия расходов в трудный период между посадкой и сбором урожая, а у фермеров, выращивающих законную продукцию, такой возможности нет; постройку хранилищ, чтобы фермерам не приходилось выставлять свою продукцию на рынок в период максимального снижения цен; улучшение координации водопользования повсюду, включая Афганистан, как государство, расположенное в бассейне реки Амударья; в будущих договоренностях о вопросах водопользования между Узбекистаном и Туркменистаном.

Комиссия по борьбе с наркотиками в Афганистане и международное сообщество смогли добиться сокращения посадок мака в 2005 году. Однако в результате может просто-напросто произойти рост цен на мак, и соответственно производство мака выйдет за пределы Афганистана, не говоря уже о его возрождении и там. Производство и продажа наркотиков в Афганистане и Большой Центральной Азии — это неизбежная реакция на мировой спрос, особенно в Европе. Поэтому решение данной проблемы на сколько-нибудь длительный период требует сокращения спроса в Европе. И моральные, и практические соображения диктуют по меньшей мере активизацию роли Европейского союза в поддержании программ по борьбе с наркотиками в Большой Центральной Азии и доведения этого участия до уровня, сравнимого с многомиллиардной поддержкой Вашингтоном аналогичных программ в Колумбии. На плечи Соединенных Штатов,

в свою очередь, ложится ответственная задача по созданию единого межведомственного координационного органа для всех программ США по борьбе с наркотиками в Афганистане и Большой Центральной Азии. В настоящее время обязанности в этой сфере распределены между пятью агентствами, при этом полностью отсутствуют адекватные механизмы их координации, не говоря уже о координации на общерегиональной основе.

В рамках ПБЦА могут быть предприняты и другие полезные шаги. Например, дальнейшее выявление и арест наркоторговцев; выявление и уголовное преследование международных групп, контролирующих торговлю героином и получающих основную часть прибыли. Это и поддержание веры в то, что угроза искоренить это зло будет выполнена, фактически предоставляя право действовать в данном направлении местным правительствам, в то время как США и международные силы возьмут на себя обучение и оказание поддержки на местах. Это, например, повсеместное утверждение в регионе законов, направленных против отмывания денег посредством торговли, и проекты общественных работ в разгар сезона для альтернативного найма фермеров, разводящих мак. Это, наконец, и прокладка дорог в районы выращивания мака для облегчения доставки на рынок альтернативных сельскохозяйственных культур.

В конечном итоге нужно добиться от местного населения понимания лежащих в основе программ США намерений и тех фундаментальных американских ценностей, которыми они вдохновляются. Для этого необходимо проводить работу в сфере народной дипломатии, образования и в СМИ. Начало народной дипломатии должно быть положено путем распространения американских культурных центров (под названием «Уголок Америки»), которые на сегодняшний день существуют в полудюжине мест в Афганистане, во всех крупных населенных центрах стран-участниц ПБЦА. В дальнейшем предполагается осуществление инициатив по обеспечению субсидирования лучших переводов и публикаций, а также независимых СМИ и издательств.

В том же духе должны работать посольства США, спонсируя общерегиональные конференции студентов, прошедших обучение в Соединенных Штатах. При наличии почти пяти миллионов школьников Афганистан испытывает острую необходимость в учителях всех уровней. В других странах Большой Центральной Азии имеется многочисленный штат учителей, получивших образование еще во

время существования СССР и нуждающихся в переподготовке. Уже выделенные на образование в Афганистане 250 млн дол. следует направить на подготовку учителей и реформирование школьных программ. В эту работу должны быть вовлечены выпускники западных университетов из Центральной Азии и прочий квалифицированный персонал стран – участниц ПБЦА. Необходимо распространить на весь регион программы обмена Библиотеки Конгресса США, в которых пока участвует только Узбекистан.

Несмотря на впечатляющие достижения, отмеченные в развитии афганских СМИ, они всё еще функционируют почти в полной изоляции. Отсутствуют общерегиональные новостные и информационные службы, как отсутствуют и общерегиональные связи между радио, телевидением и прессой. Нужна координация усилий для преодоления этих проблем с использованием опыта и знаний, накопленных в США, а также опыта и знаний независимых СМИ в других странах Большой Центральной Азии. Должны быть также установлены связи между этими общерегиональными провайдерами и американскими средствами массовой информации. Необходимо создать общерегиональный учебный центр и расширить программы пользования Интернетом.

СОВМЕСТНАЯ ИГРА

Участие в форуме ПБЦА других стран-доноров в качестве членов или наблюдателей только приветствуется. Особенно желательно присутствие тех стран, которые принимали участие в возглавляемой США коалиции в Афганистане. Страны, которые связывают с регионом нешуточные интересы, в том числе Китай и Россия, также могли бы выступать в качестве наблюдателей или, если они являются донорами, участников. Существование ПБЦА никак не отразится на текущих договоренностях в сфере экономики или безопасности, включая те из них, которые действуют в рамках Шанхайской организации сотрудничества или Содружества Независимых Государств.

И Китай, и Россия с опаской воспринимают сложившуюся на данный момент неоднозначную ситуацию. Создание ПБЦА, несомненно, только усилит их озабоченность, по крайней мере, на первых порах. Китай по-прежнему обеспокоен тем, что нестабильность на западных границах страны способна спровоцировать беспорядки в его мусульманском районе Синьцзян. Россия, питая уверенность в том, что присутствие США в этом регионе будет недолгим, уже всколыхнулась,

чтобы заполнить возникающий, на ее взгляд, вакуум, попутно вызывая новые формы нестабильности. В отличие от баз США в Киргизии и Узбекистане, российские базы находятся в Киргизии и Таджикистане на постоянной основе. Одновременно РАО «Газпром» берет под контроль региональную систему транспортировки газа, а российские энергетические компании могут вскоре начать доминировать в сфере местных гидроэнергетических ресурсов. Выдвигая тезис о том, что США, дескать, насаждают демократию с целью дестабилизировать новые правительства Центральной Азии, сама Москва пытается предстать при этом в роли поборницы порядка.

Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии не будет представлять угрозу законной деятельности России или Китая в регионе, однако понятно, что Москва и Пекин могут возражать против его создания. Обе страны будут воспринимать ПБЦА как символ долгосрочных интересов и присутствия США в регионе и как подрыв их устремлений, и такое восприятие будет соответствовать реальности в той мере, в какой эти устремления идут вразрез с укреплением суверенитета и жизнеспособности государств региона. Тем не менее Вашингтон готов помочь России и Китаю оценить те выгоды, которые ПБЦА предлагает каждой из этих стран. Развитие приведет к снижению уровня крайней бедности, которая провоцирует экстремистские движения, и приостановит поток нелегальных иммигрантов в Россию. Укрепление пограничных режимов поможет сократить активность сепаратистов в Синьцзяне. Улучшение транспортной инфраструктуры откроет для Западной Сибири и Урала новые экспортные пути в Азию, а китайский район Синьцзян получит выход на юг.

Как Индия, так и Турция являются естественными участницами неформального «концерта» соседних государств, которые наряду с Соединенными Штатами могут стать неофициальными гарантами суверенности и стабильности в регионе. Индия связана с Центральной Азией отношениями, которые уходят своими корнями глубоко в историю, и сегодня может содействовать развитию торговли и инвестиций. Индия уже проявила себя как серьезный донор в Афганистане и наращивает свою активность в других частях региона. Турцию, в свою очередь, объединяют с Большой Центральной Азией прочные связи в плане языка и культуры. Хотя внимание Турции к региону не всегда было одинаковым, процесс вхождения в ЕС превратит эту страну в привлекательного экономического партнера для Центральной Азии. Кроме того, Турция во второй раз принима-

ет командование международными силами содействия безопасности в Афганистане (*ISAF*).

Аргументы против участия Пакистана в ПБЦА не требуют дополнительных разъяснений. Его территория продолжает использоваться террористами для подготовки рейдов в соседний Афганистан, а режим Первеза Мушаррафа далек от демократической модели. В то же время сотрудничество Пакистана в войне с терроризмом и его неизбежное влияние в долгосрочной перспективе на судьбу Афганистана свидетельствуют в пользу его вступления. Участие Пакистана в строительстве автомагистрали, связывающей его порт в Гвадаре с Афганистаном, распространение им преференциального торгового статуса на Афганистан и планы строительства трансафганского газопровода в Туркменистан свидетельствуют о том, что Пакистан уже проявляет такого рода активность, и ПБЦА следует развить деятельность в этом направлении. Кроме того, вместе с Соединенными Штатами и Афганистаном Пакистан принимает участие в работе Трехсторонней комиссии, которая оказалась эффективным каналом для разрешения неразрешенных проблем вдоль его границы с Афганистаном, а также средством содействия установлению более позитивных региональных связей.

Иран не получает никакой помощи от США и, следовательно, не является кандидатом на членство в ПБЦА. Более того, статус шиитской теократии и поведение в таких сферах, как терроризм, ядерные вооружения и права человека, исключают его участие в ПБЦА. Однако Иран, как и Пакистан, неизбежно оказывает влияние на Афганистан, а также в возрастающей степени на всю Большую Центральную Азию. Он уже занимает центральное место в расширяющейся транспортной сети, а его инвестиции в Афганистан растут. Проблемы афганских наркотиков тоже нельзя разрешить без участия Ирана. Региональная стратегия ПБЦА сможет создать стимулы для подъема умеренных сил в Иране. Поэтому вместо категорического отказа Вашингтону следует в долгосрочной перспективе предоставить Ирану по мере происходящих там изменений возможность все-таки найти свое место в ПБЦА.

НЕТ МЕСТА РАЗНОБОЮ

Соединенные Штаты более десяти лет придерживались твердой политики по отношению к бывшим советским республикам Центральной Азии. Благодаря этому все новые суверенные государства ус-

пешно преодолели инкубационный период, продвинулись в экономическом отношении и с переменным успехом осуществляют политические и институциональные реформы. В Афганистане, которым США пренебрегали на протяжении всех 1990-х, в результате предпринятых после 11 сентября серьезных усилий была предотвращена надвигавшаяся катастрофа и удалось достичь выдающихся успехов в деле укрепления стабильности, безопасности и практически во всех сферах политической и общественной жизни. Оба проекта опирались на сильную двухпартийную поддержку в Конгрессе, которая сохраняется и по сей день. Получит ли это продолжение?

В отношениях между государствами успех не обязательно порождает успех. Как в Афганистане, так и в остальной Центральной Азии Соединенные Штаты находятся на распутье и должны либо продолжить движение вперед, либо отступить. Равнодушие или пассивность обойдутся очень дорого. Афганистан откатится назад и снова превратится в площадку для ожесточенного геополитического соперничества. Другие страны Центральной Азии либо окажутся втянутыми в этот деструктивный водоворот, либо будут искать убежища любой ценой, и скорее всего, в объятиях России или Китая. Это вновь приведет к череде ситуаций нестабильности, поскольку местные националистические группировки примутся защищать свои слабеющие суверенитеты, как они это делали в течение многих лет после 1917 года. Развитие остановится.

Однако если США предпочтут действовать, то им предстоит прибегнуть к разумному лидерству и, не неся особых расходов, выступить в качестве повивальной бабки при возрождении целого региона мирового значения. Несмотря на все свои различия, народы Центральной Азии умеренны в своей приверженности мусульманству, они исполнены веры в гражданские права, стремятся стать полноправными участниками современных мировых процессов, движимы желанием установить позитивные отношения с Соединенными Штатами, на которые они смотрят скорее с благодарностью и надеждой, нежели со страхом. Учитывая проблемы, с которыми сталкиваются США в других регионах, трудно переоценить тот положительный и долговременный эффект от поддержки этим народам. Тем самым появится возможность укрепить стабильность и добиться модернизации региона, в котором в противном случае воцарится хаос.

Ключи от счастья, или Большая Центральная Азия

Ирина Звягельская

В последнее время стало модным чертить новые границы привычных регионов. В построениях политологов появился Большой Ближний Восток, некоторые заговорили о расширяющемся Дальнем Востоке, а теперь «подоспела» и Большая Центральная Азия. Именно так будет выглядеть новый регион, если, как следует из статьи Фредерика Старра (см. сс. 72–87), присоединить к нему Афганистан и создать под эгидой Соединенных Штатов Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА). Трудно сказать, чего больше в этой идее – реальной озабоченности слишком хрупкими и неустойчивыми изменениями в Афганистане, стремления любым путем закрепить американское влияние в регионе, искренней заинтересованности во внедрении демократических ценностей и обеспечении стабильного развития расположенных здесь государств, намерения стимулировать развитие торговли?

Любая из перечисленных задач могла бы заслуживать самого серьезного внимания и обсуждения, если б не сама постановка вопроса. Как известно, Центральная Азия – регион далеко не однородный: расположенные здесь государства отличаются друг от друга по уровню экономического и политического развития, по особенностям культуры. Утверждение, будто Афганистан и его соседи – страны в равной степени аграрные, изолированные и не имеющие развитого промышленного производства, выглядит, по меньшей мере, абсурдно. Несмотря на разгром талибов, а также на успехи США и их союзников по выстраиванию новой политической системы и по оказанию помощи

И.Д. Звягельская – д. и. н., профессор МГИМО (У) МИД РФ, заведующая сектором Института востоковедения РАН, вице-президент Международного центра стратегических и политических исследований.

Афганистану, он все еще остается в ряду «провальных государств». Потребуется много лет и усилий, чтобы поднять страну до уровня любого самого бедного государства Центральной Азии, прошедшего в составе СССР длинный и необратимый путь модернизации.

Что же может причисление Афганистана к данному региону принести расположенным здесь государствам и международному сообществу? Оказывается, прежде всего — выгоды от торговли, причем не только за счет новых торговых путей из Центральной Азии в Афганистан и далее в Пакистан (что в принципе логично, если только можно будет их проложить и обеспечить сохранность грузов), но и за счет региональной торговли. Развитие внутрирегиональных торговых связей позволит афганским крестьянам появиться на рынках с легальным товаром. Неизвестно, правда, где они смогут его взять. Несмотря на международное присутствие, в Афганистане наблюдается устойчивый рост производства наркотиков: в 2003 году — 3 600 тонн, а в 2004-м — 4 200 тонн. Более удобными стали и средства доставки: уже не надо пробираться караванами через границу, можно перевозить зелье самолетами. Что ж, представим себе трудолюбивых афганских крестьян, напрямую сбывающих свой товар. Перспектив замены опиумного мака на репу и морковь не наблюдается, а если кто-то все же решится сажать легальные агрикультуры в промышленных объемах, то неясно, кто в Центральной Азии купит эту продукцию. Конкуренты в сфере сельскохозяйственного производства тоже никому не нужны. Разве что по новым транспортным путям что-то удастся перебросить в Европу, но в это почему-то не верится.

Кстати, о торговых путях. Выясняется (опять же из статьи), что в течение 2,5 тысяч лет торговля здесь процветала, пока южная граница СССР не разрежала регион на две части. По поводу того, как именно она процветала во второй половине XIX века, когда в этом регионе столкнулись интересы Российской и Британской империй и были установлены политические границы, можно и поспорить. Но в столь глубоком экскурсе в историю нет надобности. Автору важно доказать, что необходимо разрушить нынешнюю российскую монополию (*sic!*) на экспорт центрально-азиатскими государствами углеводородов, электроэнергии и хлопка за счет открытия торговых путей на юг. Так бы сразу и сказали, что причисление Афганистана к Центральной Азии должно нанести удар по торговым интересам России, которая мешает вер-

нуться к золотым временам 2 500-летней давности, когда торговать газом и электроэнергией было куда вольготнее.

Американские стратегические цели в регионе, как их видит автор статьи, — это война с терроризмом, построение ориентированных на Соединенные Штаты инфраструктур безопасности, продвижение демократических институтов. Попробуем разобраться с этими тезисами.

Продолжая борьбу с терроризмом (который, кстати сказать, не является первостепенной угрозой в Центральной Азии), США должны укрепить Национальную армию Афганистана, а также обеспечить основные права населения Узбекистана и Киргизии. Радует, что в Афганистане проблема прав уже решена и осталось лишь решить вопрос с армией. А то ведь терроризм, идущий из этой страны, захлестнет наивное ПБЦА, включая и его американский штаб, который для начала будет располагаться в Кабуле, а затем каждые два года перемещаться в столицу одного из центральноазиатских государств. Впрочем, планами предусмотрено укрепление границ, хотя непонятно чьих. Если границ внутри ПБЦА, то зачем его создавать, а если по периметру, то только обустройство границы с Пакистаном предоставит постоянную работу многим поколениям партнеров.

Но не будем придирается, поскольку дальше нам терпеливо разъясняют, как именно станет укрепляться безопасность. Речь идет о соглашениях о «стратегическом партнерстве», в рамках которых будет сохраняться военное присутствие США в Узбекистане и Афганистане, а также передовое базирование в других частях региона. Американские базы появились в Центральной Азии, когда Соединенные Штаты нуждались в тыловой поддержке операции «Несокрушимая свобода». Теперь, судя по всему, в Афганистане порядок наведен. В этой стране «Вашингтону удалось укрепить и модернизировать правительственные институты во всех 34 провинциях и 360 округах страны, создав благоприятную среду для гражданского общества и реализации гражданских прав». Комментировать здесь нечего — лучше просто принять на веру, но тогда возникает законный вопрос: «Против кого будете дружить?»

Зачем тратить на военные базы и иные объекты, если причина их появления ликвидирована с поистине революционным размахом, если в Афганистане на глазах растут неправительственные организации, а граждане уже получили шанс для выражения своей гражданской позиции? Ответ очевиден: для сдерживания Китая, а

возможно, и России, путающейся под ногами со своими СНГ, Организацией Договора о коллективной безопасности, прочими структурами и мешающей реализации планов по строительству светлого будущего. А планы эти действительно громадные. Это и подготовка кадров, и общественная дипломатия, и образовательные программы — иными словами, все то, что должна была и не стала делать Россия. Что ж, свято место пусто не бывает, и хотя проекты слишком амбициозны и вряд ли реализуемы в полном объеме, по российскому влиянию может быть нанесен чувствительный удар.

Автор не исключает, что Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии вызовет озабоченность у России и Китая, которые могут воспринять его как «подрыв их устремлений... в той мере, в какой эти устремления идут вразрез с укреплением суверенитета и жизнеспособности государств региона». Действительно, что полезного сделала Россия для того, чтобы укрепить суверенитет расположенных здесь государств? Всего-то предоставила им независимость вопреки их собственной воле. Ну да США не проведешь! Они хорошо знают, как обращаться с чужими суверенитетами, и для них не составит труда определить, у кого какие устремления есть на этот счет. А если Россия и Китай будут вести себя прилично и не станут мешать созданию у своих границ новых структур под патронатом заокеанской державы, то смогут воспользоваться преимуществами ПБЦА — транспортными артериями и результатами борьбы с терроризмом и сепаратизмом, которые и не снились какой-то там Шанхайской организации сотрудничества.

Партнерство должно, по замыслу Старра, привлечь и другие региональные силы. Неофициальными гарантами нового форума смогут стать Индия и Турция, а в дальнейшем и Пакистан (на счет последнего сомнения есть и у самого автора, но он с ними успешно справляется). Рассматривается даже потенциальное членство Ирана в ПБЦА, как призванное стимулировать укрепление позиций умеренных сил в этой стране. Таким образом, в довершение всего Партнерство сможет также сыграть роль исправительного учреждения.

Порядком разработан в статье и вопрос о демократизации, а пассаж о том, что «нигде в регионе, включая Афганистан, демократические институты пока не пустили глубоких корней», способен привести в экстаз. Представляете, даже в племенном обществе Афганистана дела с демократическими институтами обстоят неважно. Корней нет — вот в чем беда. Ну а заодно и в Казахстане не лучше. Не-

ужели США совершили чудо и дали такой мощный политический толчок Афганистану, что он, выбравшись из средневековья, в которое его ввергли гражданская война и талибы, сразу оказался в первых рядах строителей демократии, да еще каких строителей? Соединенным Штатам рекомендуется заняться продвижением в регион представительных политических систем, «способных служить образцом для других стран с многочисленным мусульманским населением». Действительно, почему не сделать Афганистан примером, скажем, для Индии или Турции? Пусть учатся на лучших образцах, коли сами не доросли...

Но не стоит ограничиваться Афганистаном, когда в регионе и без него непочатый край работы по части демократии. Общества центральноазиатских государств на самом деле нуждаются в свободных выборах, в искоренении коррупции, в реальном представительстве во властных структурах. Автор статьи признаёт, что путь к этому будет нелегким, и предлагает облегчить его, проведя при помощи США реформу министерств внутренних дел. Нет спору, МВД везде надо серьезно реформировать, но какой лидер, не замеченный в склонности к суициду, позволит иностранной державе свободно действовать на этом поле?

Защита прав человека также один из больных вопросов, и, как отмечает Старр, здесь есть место для критики центральноазиатских правительств, начиная с узбекского. Да, правительство Узбекистана заслуживает многих упреков, но почему же надо начинать именно с него? Почему ничего не говорится, например, о Туркменистане? Потому, что Туркменистану предназначена роль поставщика газа в обход России и не стоит его раздражать по всяким демократическим пустякам?

Можно согласиться с некоторыми тезисами. Среди них и утверждение, что Соединенным Штатам нельзя бросать Афганистан на произвол судьбы. Однако этот вывод не имеет ничего общего с главной идеей – предложением убедить центральноазиатские государства в том, что они экономически почти ничем не отличаются от Афганистана, а политически даже уступают этой стране, в которой успешно строится гражданское общество, и смело могут с ней объединяться в единую региональную организацию. Государства Центральной Азии устали от бесконечных экспериментов. Они – суверенные субъекты международных отношений. Дайте им возможность сделать собственный выбор.

Общеввропейский процесс

Венгерский почтовый блок, посвященный Венской встрече представителей государств – участников СБСЕ, 1986 год

“ «Дети XX съезда» считали, что продвижение в сторону соблюдения прав человека — не уступка Западу, а необходимый залог развития страны; что демократические преобразования давным-давно назрели и что если их подтолкнет внешняя политика, то честь ей за это и хвала ”

Заключительный акт: занавес опускается? *Анатолий Адамишин*
94

Еще раз о плюсах европейского выбора *Аркадий Мошес*
111

Кризис ЕС и политика России
122

Европейский союз и его «новые соседи» *Хайнц Тиммерманн*
128

Заключительный акт: занавес опускается?

Анатолий Адамишин

1 августа 1975 года вошло в историю как день подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот документ, принятый в Хельсинки на высшем уровне, был призван оказать долговременное воздействие на международную политику. Спустя 30 лет можно утверждать, что он действительно явился одним из мощных катализаторов тектонических перемен, до неузнаваемости изменивших европейский и мировой политический ландшафт. Но каких?

Выдвигая идею форума, Советский Союз стремился на многосторонней основе застолбить политические и территориальные итоги Второй мировой войны и послевоенного развития. Другими словами, закрепить раздел Европы между двумя блоками. К тому моменту было уже очевидно, что продвинуть дальше на запад «позиции социализма» едва ли удастся. Значит, в Старом Свете следовало зафиксировать статус-кво.

Перескакивая через три десятилетия сразу к ключевому выводу, приходится признать: «нерушимые» границы, вроде бы навсегда утвержденные в столице Финляндии, не пережили глубокий кризис, охвативший коммунистическую систему во второй половине 1980-х. Сегодня в хельсинкском процессе участвуют 55 государств вместо изначальных 35. Все новички — это бывшие составные части трех расколовшихся стран-основателей: СССР, СФРЮ, ЧССР. А вот единственная интеграция, которую стремились не допустить подписанием Заключительного акта, — объединение Германии — как раз состоялась.

А.Л. Адамишин — Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, в прошлом заместитель министра иностранных дел СССР, первый заместитель министра иностранных дел РФ, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике».

В общем, то, ради чего все и затевалось еще в середине 60-х годов прошлого века, не выполнено. Зато на авансцену вышла тематика, поначалу казавшаяся многим у нас чем-то вроде довеска, — вопрос о соблюдении прав человека и вообще «третья (гуманитарная) корзина». Значимость этого аспекта межгосударственных отношений впервые была подчеркнута именно в Заключительном акте. Ныне он «прописан» в основном арсенале международной политики. И если честно с ним обращаться, роль такого инструмента может быть весьма полезной.

ИСТОКИ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЦЕССА

Согласно распространенной версии, автором идеи созыва общеевропейского совещания был сам министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко. Предлагавшаяся форма вполне отражала бюрократический образ тогдашнего мышления: что-то вроде партийного собрания, спроецированного вовне. Тем не менее задумку нельзя было не назвать удачной. Ее реализация позволила бы затвердить границы в Европе, обойдя такой сложный и не решенный на тот момент вопрос, как отсутствие мирного договора с Германией. К тому же лозунг «Европейцы — за один стол» являлся выигрышным и с пропагандистской точки зрения.

Доподлинно могу засвидетельствовать, что первый зондаж относительно реакции Запада на эту идею действительно провел глава советской дипломатии. Произошло это в апреле 1966-го в ходе его бесед с итальянскими руководителями в Риме, где автор этих строк был переводчиком. Итальянцы, с которыми Москву связывали тогда «особые отношения» (достаточно вспомнить договор о строительстве автогиганта в Тольятти), предложение советского министра поддержали сразу. Правда, искушенные потомки древних римлян сразу внесли поправку, попросив добавить к советской формулировке «совещание по безопасности в Европе» слова «и сотрудничеству». Причин для возражений не было, но дальний прицел западных партнеров проявился позже — ведь именно из «сотрудничества» возник потом в числе прочего вопрос о правах человека.

Кроме того, СССР согласился на участие в совещании США, которых поначалу приглашать не собирались. Однако без Соединенных Штатов, страны, подписавшей Ялтинские и Потсдамские соглашения, одного из гарантов Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, проект умер бы, не родившись. Чтобы американцы не слишком выбивались из общего ряда, решили пригласить

еще и Канаду. В таком измененном виде советская идея была одобрена специальной декларацией Политического консультативного комитета Организации Варшавского договора. Теперь речь шла уже о совместной инициативе социалистических стран.

Воплощение этого проекта в жизнь заняло долгое время. Ударом по нему стали события в Чехословакии летом 1968 года, однако общеевропейский процесс хотя и замедлился, но не остановился. Новыми стимулами стала «восточная политика» западногерманского канцлера Вилли Брандта и договоры, заключенные Польшей и Советским Союзом с ФРГ в 1970-м. Чтобы преодолеть скептическое отношение западных партнеров, использовался весь арсенал двусторонних средств, прежде всего «обработка» на высшем уровне. Среди последних с идеей проведения общеевропейского совещания согласились США — после переговоров президента Ричарда Никсона в Москве в мае 1972-го и подписания Договора ОСВ-1. До этого и Никсон, и особенно его могущественный госсекретарь Генри Киссинджер не скрывали негативного отношения к европейской затее.

В ноябре 1972 года в Хельсинки начались многосторонние консультации на уровне послов, растянувшиеся почти на девять месяцев. Наконец в начале июля 1973-го в столице Финляндии собрались министры иностранных дел 35 стран. Столь представительной ассамблеи в Европе не видели со времен Венского конгресса (1814–1815), «светлого праздника всех дипломатий мира». Первый этап общеевропейского совещания получился удачным: было решено письменно оформить договоренности о том, как жить в Европе дальше.

Выполнение этой невероятно тяжелой задачи заняло почти два года — до июля 1975 года. Итоговый документ, названный на завершающей стадии работы Заключительным актом, писался 35 перьями. (В том числе, кстати, и ватиканским: Святой престол участвовал в столь крупном международном «слете» впервые с 1824-го.) При этом если кто-то один не соглашался с какими-либо пассажами или фразами, то они не проходили. Никогда еще принцип консенсуса, представляющий собой высшее проявление демократии, не применялся в таком масштабе. Уверен, что подобное повторится отнюдь не скоро, а возможно, и никогда. Потрясает к тому же и всеобъемлющий характер документа. Заключительному акту удалось охватить всё: от принципа нерушимости границ и различных военных аспектов безопасности до детально расписанных конкретных вопросов экономического и гуманитарного сотрудничества и специ-

У истоков общеевропейского процесса. Министр иностранных дел СССР Андрей Громыко и его итальянский коллега Аминторе Фанфани. Рим, 1966 год. Фото из личного архива Анатолия Адамишина

ального раздела *Follow Up to the Conference* — договоренности о дальнейшем развитии процесса.

КАК РАБОТАЛА СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Второй этап совещания проходил в Женеве. Советскую делегацию возглавлял замминистра иностранных дел Анатолий Ковалев. Этот талантливый человек передовых убеждений собрал сильную команду, пригласив в нее лучших сотрудников различных ведомств. Стены его кабинета в «бункере» — мрачном здании, где заседали европейцы-переговорщики, — были сплошь завешаны разграфленными полотнищами бумаги: туда заносились согласованные, или, как их называли, «зарегистрированные» куски будущего шедевра. Их приносили гонцы, заседавшие в различных комитетах и комиссиях. То, что не было «зарегистрировано», оставалось в скобках: их раскрытие осуществлялось по древнеримскому принципу взаимных уступок *Do ut des* — «Даю, чтобы ты дал».

Два месяца проработал там в командировке и я. Споры шли не только вокруг предложений, но и отдельных слов. Обсуждаем мы, скажем, в своем кругу параграф, касающийся права наций распоряжаться своей судьбой: «Все народы всегда имеют право...». Осто-

рожного Ковалева смущает слово «всегда». «Анатолий Гаврилович, — говорю, — даже в песне Лебедева-Кумача поется: «человек всегда имеет право...». «Хороший довод», — успокаивается глава делегации. Он постоянно ведет мысленный диалог с Москвой. Получить ее «добро» — дело не менее сложное, чем договориться с 34 партнерами. Вот этой «внутренней дипломатии», по утверждению министра Громыко, более важной, чем внешняя, я насмотрелся вдоволь.

В МИДе на уровне заместителей министра за совещание отвечал Игорь Земсков, по воззрениям антипод Ковалева (Громыко любил создавать подобного рода пары). Я же, выросший за время подготовки совещания до начальника управления, числился главным ответственным на рабочем уровне, «мальчиком за всё», так сказать. И верно, почти всё, касавшееся по мидовской линии женевского этапа, прошло через мои руки. В каком-то смысле и через ноги, ибо наше управление находилось на Гоголевском бульваре и часто приходилось нестись на Смоленскую площадь и обратно. Самым трудным в работе было обеспечить одобрение либеральных подходов Ковалева, да так, чтобы ортодоксальный комар носа не подточил.

В соответствии с избранной стратегией Советский Союз и (с разной степенью убежденности) наши союзники по Варшавскому договору добивались безусловного утверждения принципа нерушимости границ, из чего вытекало бы, что территориально-политическое устройство Европы, как оно сложилось к тому времени, не может быть изменено. Это, в свою очередь, закрепило бы раскол Германии и нахождение ГДР в социалистическом лагере. Мы как бы повернули шахматную доску: в первый послевоенный период именно Москва выступала за объединение Германии, а Вашингтон, да и весь Запад, не афишируя этого, весьма активно действовал против. Американцы не без оснований полагали, что удержать в своей орбите объединенную Германию окажется значительно труднее. Подавление в течение десятилетий стремления немцев к единой Германии — это тщательно скрываемый скелет в американском шкафу. (Кстати, союзники Западной Германии согласились на воссоединение только тогда, когда события приняли необратимый характер. ГДР сама прекратила свое существование, но даже в тот момент объединение германской нации беспокоило многих на Западе.)

В ходе подготовки Заключительного акта немцы, и не только в ФРГ, подоплеку понимали прекрасно. Формулировка принципа нерушимости границ вызывала наиболее жесткие споры. Отвергать

его с порога, разумеется, никто и не намеревался. Мысль о территориальных притязаниях была ненавистна Европе, прошедшей через ужасные войны. Но и похоронить мечту о воссоединении немцы не могли, сколько бы ни говорилось об отсутствии у них духа реваншизма. Выход нашли в так называемой мирной оговорке, предусматривавшей возможность изменения границ между государствами по их полюбовной договоренности. С теоретической точки зрения такую договоренность нельзя оспорить, но кто же на практике даст ФРГ согласие? ГДР — никогда, мы — тем более, да и Запад будет не в восторге... Никто не мог даже представить себе, что произойдет с Советским Союзом через какие-то полтора десятка лет.

«ТРЕТЬЯ КОРЗИНА»

Демонстрируя добрую волю в вопросе закрепления территориальных и общественно-политических реалий в Европе, Запад рассчитывал на встречные уступки в том, что касалось внутренних советских порядков. Это обуславливалось, конечно, не стремлением к тому, чтобы граждане Советского Союза жили в более демократическом государстве. Западные лидеры полагали: если советская политика будет более предсказуемой и в большей степени опираться на общий с Западом понятийный аппарат, то безопасность от этого только выиграет.

То, чего добивалось советское руководство, — это минимизировать «цену», апеллируя к принципу невмешательства во внутренние дела. Как чеканно выразился в одном из выступлений Громыко, «внутренние порядки, внутренние законы — это черта у ворот каждого государства, перед которой другие должны остановиться». Для меня до сих пор остается загадкой, каким образом Заключительный акт с его гуманитарными «ересями» успешно прошел через Политбюро ЦК КПСС. Некоторые мемуаристы считают, что там просто недооценили взрывоопасность той «мины», которую «третья корзина» закладывала под советскую идеологическую конструкцию. Не думаю, что дело в этом. Политики консервативного толка, а их в высшем руководстве страны было большинство, не могли не заметить столь явный «подрыв устоев». Но они промолчали. Причина: общеевропейскому совещанию покровительствовал генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, в ту пору еще вполне энергичный и адекватный лидер. Его настрой определяли в свою очередь наиболее профессиональные из советских парт-аппаратчиков — толковые, пишущие (что всегда ценилось особо), честные, а главное, действительно радеющие об интересах страны.

Эти «дети XX съезда» считали, что продвижение в сторону соблюдения прав человека — не уступка Западу, а необходимый залог развития страны; что демократические преобразования давным-давно назрели и что если их подтолкнет внешняя политика, то честь ей за это и хвала.

И разве не в интересах СССР было попытаться превратить Европу из зоны своего самого острого противоборства с Западом в дружественный регион, материализовать политику разрядки, в том числе в военной сфере, наладить столь необходимое сотрудничество? Фронтовика Брежнева особенно прельщала возможность подвести коллективный итог войне, торжественно открыть вместе с руководителями европейских государств, США и Канады новую страницу в истории Европы. Принятие на высшем уровне Заключительного акта в ходе третьего этапа совещания обещало стать (и стало) подлинным апофеозом политики разрядки. А без противовеса — шагов в области прав человека — Запад на это никогда не пойдет, говорили, и абсолютно справедливо, Брежневу его советники. Круг таких людей был, конечно, очень узок. Но некоторые из них находились на постах, позволявших влиять на высшую политику.

Кто решил бы пойти против генсека? Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет министров СССР в совместном документе дали высочайшую оценку результатам общеевропейского совещания. И они того стоили.

Неприятности для либералов начались позже, когда улеглась эйфория и помощники «ястребов» в советском руководстве внимательно прочли Заключительный акт. Оказалось, что среди десяти принципов, которыми подписавшим документ государствам отныне надлежало руководствоваться, фигурирует такая заповедь, как «уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений». Выходит, это уже не является нашим внутренним делом, мы должны перед кем-то отчитываться? А как относиться к таким положениям, как облегчение доступа к информации, воссоединение семей, приглашение наблюдателей на военные маневры? Оговорки, причем существенные, которыми снабдил документ мудрый Ковалев, в расчет не брались.

Ортодоксы упрекали «голубей»: вы заплатили Западу «третьей корзиной» за то, что страна и так имела, — территориальную целостность в Европе, существование ГДР. Запад же, утверждали они, получил лазейки для вмешательства во внутренние дела СССР, а посему отбивать вражеские поползновения теперь будет сложнее.

Втихомолку были сделаны некоторые оргвыводы, в частности, в отношении главного закорючника — Ковалева. Правда, мягкие: его всего лишь «прокатили» на выборах в ЦК. Основной же негласный вывод — спустить на тормозах гуманитарные и иные неподходящие договоренности, тем более что они, как и все другие в Заключительном акте, носят не обязывающий международно-правовой, а морально-политический характер. Как после партсобраний: поговорили и разошлись...

Надо сказать, что интуиция не обманула консерваторов. Действительно, обязательства, пусть и формально, но всё же взятые на себя Москвой, довольно скоро превратились в средство давления. Причем не только извне, но и изнутри — со стороны движения правозащитников, которые апеллировали как раз к хельсинкскому Заключительному акту. Когда же во второй половине 1970-х разрядку сменило новое резкое похолодание, понятие «права человека» вообще оказалось одним из таранов, что использовались американцами против «империи зла». Это позволяет нашим деятелям антизападного толка и по сей день говорить о том, что СССР-де привела к краху та «слабина», которую руководство с подачи либералов дало в 1975 году. В реальности дело обстоит с точностью до наоборот. Фатальными стали не принятые обязательства, а отказ Москвы идти путем, предначертанным в Заключительном акте, и втягивание Советского Союза в еще один, ставший непосильным виток противостояния с Западом.

ПОСЛЕ ХЕЛЬСИНКИ

Триумфальное завершение хельсинкского форума многими было представлено как похороны холодной войны. «Ведьма», однако, оказалась живучей, и впоследствии, как мы знаем, ее погребали еще много раз. Достигнув пика в момент подписания Заключительного акта, общеевропейский процесс далее развивался скорее в сторону затухания. Вопреки всем надеждам, в нашей внутренней жизни практически ничего не изменилось. Однако во внешнеполитической сфере оживились двусторонние, прежде всего экономические, отношения и политические контакты, началось и «дозированное» трансграничное общение между рядовыми гражданами. Было подписано первое долгосрочное (до 2003 года) соглашение о поставках в Европу природного газа из СССР. В Европе международный климат тоже улучшился: например, Италия и Югославия окончательно договорились о Триесте.

Одновременно Москву все громче обвиняли в несоблюдении Заключительного акта, который нередко подавался широкой публике

как документ, состоящий лишь из одной «третьей корзины», да и то не всей. Первая после Хельсинки встреча стран — участниц совещания (Белград, 1977—1978), созванная с целью продолжить процесс, свелась к топтанию на месте.

В конце 1970-х для разрядки и ее адептов наступили совсем уж тяжкие времена. По обе стороны разделительной линии между Востоком и Западом тон все больше задавали круги, не заинтересованные в серьезном ослаблении напряженности. Думаю, что в глубине души советское руководство не верило, что на Земле есть место для двух общественных систем. Многие поколения руководителей были воспитаны в духе «кто кого закопает». Отсюда вытекало, что разрядка — дело преходящее: нас, мол, обманут, так что дальше реализации определенного минимума идти не стоит, да и классовый противник поступит так же. Нарращивание вооружений неминуемо, хотя кое-какие ограничения не повредили бы. Могушественный ВПК такая постановка вопроса вполне устраивала.

Разрядка в понимании тридцатилетней давности совершенно исключала какую-либо «идеологическую конвергенцию». Невзирая на подписанный Заключительный акт слова «права человека» продолжали писать в кавычках, сопровождая их эпитетом «так называемые». Разговор об общечеловеческих ценностях начался много позже — с приходом Михаила Горбачёва и началом перестройки.

Наконец, статус-кво поддерживали только в Европе, во многих других регионах шла ожесточенная борьба — в Юго-Восточной Азии, Центральной Америке (Никарагуа), Африке (Ангола). Так, спустя всего лишь несколько месяцев после подписания Заключительного акта на «социалистический путь развития» стала Ангола во главе с «марксистом» Агостиньо Нето, что произошло при военно-политической поддержке Москвы и Гаваны и вызвало на Западе бурю возмущения. А с декабря 1979 года, когда началась афганская кампания, небо потемнело всерьез. С приходом к власти в США Рональда Рейгана американцы решили, что задача сокрушить стратегического конкурента не столь уже невыполнима. Сжатие тисков гонки вооружений в сочетании с массивным давлением именно по линии несоблюдения прав человека оказалось весьма эффективным.

В той обстановке хельсинкский процесс едва не приказал долго жить. Вторая встреча в рамках Заключительного акта — в Мадриде (1980—1983) — больше походила на затянувшуюся на три года стычку. И немудрено — ведь она проходила на фоне действий советских войск в Афганистане,

бойкота московской Олимпиады, конфликта вокруг размещения ракет средней дальности в Европе, введения военного положения в Польше и, наконец, событий вокруг сбитого южнокорейского «Боинга».

Спасителем общеевропейского процесса снова стал генеральный секретарь ЦК КПСС, на этот раз Юрий Андропов. Советскую делегацию в Мадриде возглавлял Леонид Ильичев — человек, безусловно, неординарный, но взглядов отнюдь не «голубиных». (Позже его заменил на этом посту Анатолий Ковалев.) С американцами, потерявшими интерес к общеевропейскому процессу, правда, за исключением случаев, когда появлялся повод «прижать» нас по гуманитарной части, он действовал очень жестко. Дело могло кончиться либо принятием сугубо формального итогового документа, либо вообще констатацией (как предлагали США) того факта, что договориться не удалось. Из частого общения с министром (я был тогда заведующим 1-м Европейским отделом, куда входит Испания) делаю четкий вывод, что Громыко не считает такой вариант неприемлемым.

Это означало бы, что торпедируется созыв Конференции по военной разрядке и разоружению в Европе, за который мы боролись несколько лет, а истощившийся общеевропейский ручеек вовсе перестанет течь. Понимаю, чем может грозить вынос сора из избы, но все же решаюсь позвонить Анатолию Блатову — помощнику Андропова. Анатолий Иванович драматизма ситуации не чувствует, ибо — старый аппаратный прием — до него доходят не все депеши, но суть дела схватывает мгновенно. На следующий день перезванивает: «Тревожный сигнал возымел действие». Я это уже понял: шеф развернулся на 180 градусов. В конечном счете провала Мадридской встречи удалось избежать, а вышеназванная конференция открылась в январе 1984-го в Стокгольме.

А может быть, зря спасали общеевропейский процесс? В тот раз — точно не зря, поскольку политическая обстановка и так была настолько накалена, что еще один удар мог оказаться роковым. Андропов понимал, что «захлопнуть» разрядку не в наших интересах. В принципе же подобный вопрос подспудно ставился неоднократно: мол, политическая задача выполнена, нерушимость обеспечена, а от всяких добавок и продолжений — одна морока.

Перестройка сняла на время сомнения. Хельсинкские договоренности начали выполнять у нас по тем разделам, которые раньше клали под сукно, и от перемен страна только выигрывала. К примеру, сколько можно было терпеть такой постыдный, к тому же затратный анахронизм, как глушение иностранных радиостанций? Полностью

это прекратили лишь в 1988 году, когда Горбачёв уже три года находился у власти. Это стало одной из наших «уступок», способствовавших успешному завершению третьей общеевропейской встречи (Вена, ноябрь 1986 – январь 1989). Обсуждение проблем прав человека с американцами имело менее конфронтационный характер. Мой тогдашний визави, заместитель госсекретаря США по гуманитарным делам Ричард Шифтер, до сих пор считает, что взаимодействие по этим вопросам сыграло решающую роль в успехе встречи. (Одним из направлений, которое я курировал в МИДе, став в 1986 году замминистра, являлись права человека. Впервые эти слова стали употребляться без кавычек.)

Взявшись за создание правового государства, Горбачёв и команда исправляли целый ряд несправедливостей и несуразностей, свойственных советскому обществу. Это было наше внутреннее дело, наша собственная инициатива, фактически нам не требовались импульсы извне. Одновременно это обусловило пик общеевропейской активности. Мы замахнулись даже на проведение Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ и успешно провели-таки (в сентябре 1991-го!) один из ее этапов.

А вот самый крупный международный документ того периода – Хартия для новой Европы, принятая на встрече в верхах в рамках СБСЕ в Париже (ноябрь 1990 года), сыграла, по моему мнению, скорее отрицательную роль. В общий европейский дом она так никого и не привела, ожидания породила завышенные и, строго говоря, неисполнимые по определению, затуманила видение подлинных европейских проблем – воссоединения Германии, развала социалистического лагеря, прогрессирующего ослабления СССР.

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

После ухода со сцены Советского Союза общеевропейский процесс стал терять смысл. Идея Хельсинки, по сути, служила договоренностям между Востоком и Западом тогда, когда под этим понимали две общественные системы. Первоначальный замысел повис в воздухе, как только данное деление исчезло, причем скорее вопреки принципам нерушимости границ и территориальной целостности, установленным в Заключительном акте, чем в соответствии с ними.

Как правило, даже очень хорошим международным договоренностям не суждена долгая жизнь. Не гербовая бумага, а соотношение сил определяет ситуацию. Продлить жизнь процессу не помогла и его трансформация в институт: с 1 января 1995 года СБСЕ преобра-

зовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ); впрочем, до конца институционализация так и не доведена. Расширение организации за счет всех бывших республик СССР также не привело к обретению новой цели и повестки дня. За десять лет своего существования ОБСЕ принесла России мало реальной пользы, а в последнее время и вовсе превратилась в орган, миссия которого ограничивается вынесением вердиктов об уровне демократичности выборов на постсоветском пространстве. Причем даже с учетом того, что большинство государств на территории бывшего Советского Союза не могут похвастаться достижениями в области демократии, объективность и неангажированность ОБСЕ вызывает сомнение.

Похоронить ОБСЕ рука не поднимется — жаль уникального евроазиатского форума, где по-прежнему действует принцип консенсуса. Россия имеет там право вето и использовала его, хотя и не так часто, как когда-то в ООН. С другой стороны, нельзя бесконечно оставаться пленниками своей, даже самой прекрасной идеи. Европа и мир изменились радикально. ОБСЕ находится в конце списка международных организаций, посредством которых Россия реализует собственные национальные интересы. Во всяком случае, ее позиции там много ниже Европейского союза или НАТО, отношения с которыми представляют собой пусть и нелегкое, но регулярное, практическое и приносящее свои плоды взаимодействие.

ОБСЕ не стала и уже вряд ли станет основным фактором формирования комплексной, охватывающей все аспекты — от военного до гуманитарного — безопасности в Европе. Сегодня преобладает мелкотемье, не соответствующее изначальному «замаху» этой организации. Не случайно, что после Стамбульской встречи-1999 больше не прошло ни одного саммита в рамках ОБСЕ.

Что ждет эту структуру? Либо хельсинкскому процессу не останется ничего другого, как купаться в лучах прошлой славы, ссылаясь на беспрецедентный опыт совместной работы, на заслуги в деле улучшения общего климата в Европе и продвижения разрядки и сотрудничества, на приобщение к большой политике значительного числа государств, в том числе нейтральных. Либо ОБСЕ трансформируется в сугубо специализированную организацию по выполнению действительно важной задачи — содействия демократическим преобразованиям, правовой модернизации, защите прав человека. Но для этого необходима ее собственная перестройка, такая, которая устроила бы все государства-участники. Консенсус так консенсус.

«Обещания, которые мы даем»

«Никто не должен, опираясь на те или иные соображения внешнеполитического характера, пытаться диктовать другим народам, как они должны устраивать внутренние дела». Заявляя это в Хельсинки в преддверии подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, генеральный секретарь ЦК КПСС **Леонид Брежнев**, конечно, не мог представить себе, катализатором каких процессов станет данный документ. В 1975 году Советский Союз находился на пике своей военной и экономической мощи, а социалистический блок казался монолитным и несокрушимым.

Заключительный акт готовили и согласовывали два года. Самым тяжелым этапом переговоров стал второй, женевский, который длился с 21 августа 1973-го по 21 июня 1975 года. **Юрий Дубинин**, заместитель главы советской делегации, рассказывал об этом на «круглом столе» в Дипломатической академии МИД РФ, посвященном 25-летию Заключительного акта. «Был найден прежде всего тот баланс интересов между Советским Союзом и странами Восточной Европы, с одной стороны, и странами Запада – с другой, который являл собой мощную силу взаимного тяготения, пружину этого беспрецедентного дипломатического раута, который ни одна из сторон не хотела ни прекращать, ни покидать, несмотря ни на какие сложности или кризисы, будь то в рамках Совещания или вне его. Суть этого баланса сводилась к достаточно простому уравнению. Если Восток стремился утвердить нерушимость границ, как они сложились после войны, то Запад, соглашаясь на это, ставил задачу прошить, пронизать эти границы за счет открытости в движении идей и контактов, транспарентности в военной сфере».

Работа шла очень медленно, так как требовались титанические усилия для согласования интересов всех стран-участниц. «Образно говоря, тридцатью пятью ручками сразу писались тексты, которые считались принятыми лишь тогда, когда никто не возражал даже против последней запятой. Но попробуй объяснить это в Москве, где Брежнев все чаще задает вопрос: “Когда же?”», – вспоминал Дубинин.

Другой активный участник встреч в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе с 1973-го, глава делегаций СССР на встречах

Западногерманские пограничники у Берлинской стены:
«Интересно, что они на той стороне еще выдумают после Хельсинки».
Карикатура Вальтера Ханеля, ФРГ, 1975 год

СБСЕ в Вене, Берне, Париже, а в 1989–1990 годах посол по особым поручениям в СБСЕ **Юрий Кашлев** прямо связывает с подписанием Заключительного акта возникновение в Советском Союзе «позитивных явлений среди общественности». «Сразу после 1975-го возникли хельсинкские группы, активизировалось все правозащитное движение, главным образом в СССР и восточноевропейских странах. Позже хельсинкские группы... объединились в Международную Хельсинкскую федерацию, – говорил Кашлев на том же “круглом столе”. – Постепенно вносились коррективы и в законодательство СССР по правам человека, контактам между людьми, свободе информации и др. Массовый характер приобрел выезд российских евреев в Израиль. В это время стал проявляться для умных людей замысел тех наших деятелей, которые задумали такую схему демократизации советского общества путем не только внутренних усилий, но и через принятие Советским Союзом на себя международных обязательств и стандартов в области прав человека».

Советский диссидент **Юрий Орлов**, основатель Московской Хельсинкской группы, приводит удивительные примеры того, как после 1975 года по стране распространялась информация на правозащитные темы: «Когда после лагеря, в ссылке, я зашел к соседке за какой-то хозяйственной надобностью, она мне вдруг говорит: “А мы с дочкой вашу статью читали. Ездили в Иркутск, зашли в одно место, а она там висит на гвоздике”. Какими путями наш доклад оказался в иркутском туалете – бог весть».

Правда, 30 лет назад не все в мире понимали, нужен ли вообще общеевропейский документ. «Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе с участием 35 наций, близящееся к кульминационному пункту после 32-месячного семантического словоблудия, вообще не должно было иметь места, – писала *The New York Times*. – Никогда еще столь многие не сражались так долго за поистине ничтожные вещи. И если уже слишком поздно, чтобы отозвать Хельсинкскую встречу в верхах... то следует приложить усилия как публичным, так и частным порядком, дабы предотвратить эйфорию на Западе».

Президента США **Джералда Форда** американская пресса обвинила в историческом предательстве за сам факт его участия в СБСЕ в подписании им основного документа – Заключительного акта. Защищать администрацию Форда принялся госсекретарь **Генри Киссинджер**. Через три недели после выхода публикации в *The New York Times* он суммировал отношение президентской администрации к Хельсинкским соглашениям: «Соединенные Штаты осуществляют процесс ослабления напряженности с позиции силы и уверенности в себе. Не мы обороняемся в Хельсинки; не нам бросают вызов все делегации с требованием жить согласно принципам, под которыми ставится наша подпись. В Хельсинки впервые за весь послевоенный период вопросы прав человека и фундаментальных свобод стали признанными предметами диалога и переговоров между Востоком и Западом. Совещание выдвинуло наши стандарты человеческого поведения, которые были и остаются маяком надежды для миллионов». В марте 1976-го Киссинджер продолжил полемику со скептиками: «Никакая политика не способна в скором времени, и вообще когда бы то ни было, устранить соперничество и убрать непримиримые идеологические разногласия между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Не сделает она и их инте-

ресы совместимыми. Мы вовлечены в длительный процесс, имеющий свои взлеты и падения. Но не существует альтернативной политики санкций за авантюризм и стимулирование сдержанности. Что конкретно предлагают совершить нашей стране те, кто столь свободно болтает об “улице с односторонним движением” или “превентивных уступках”? В чем конкретно проявилась сдача позиций? Какой конфронтации они ждут? Какие угрозы они бы предъявили? На какой риск они бы пошли? Какие конкретные перемены в нашей оборонительной структуре, какие расходы на какой период времени они предполагают? Как конкретно они предложили бы осуществлять отношения между США и СССР в эру стратегического равенства сил?».

Заключительному акту и его политической значимости бывший госсекретарь уделил достаточно много внимания в своей книге «Дипломатия». «Американское влияние способствовало сведению положения о признании границ к обязательству не изменять их при помощи силы, что являлось прямым повторением Устава ООН... такого рода формальный отказ вряд ли можно было считать советским достижением. Даже это ограниченное признание их законности перечеркивалось утверждением... принципа, в основном отстаивавшегося Соединенными Штатами. Он гласил, что нижеподписавшиеся государства “полагают, что их границы могут быть изменены – в соответствии с международным правом – мирными средствами и путем соглашения”», – пишет Киссинджер.

И далее: «Наиболее важным положением Хельсинкских соглашений явилась так называемая “третья корзина” по вопросам прав человека... Герои-реформаторы в Восточной Европе использовали “третью корзину” как фундамент сплочения в борьбе за освобождение своих стран от советского владычества. Вацлав Гавел в Чехословакии и Лех Валенса в Польше обеспечили себе место в пантеоне борцов за свободу благодаря тому, что использовали эти положения как во внутреннем, так и во внешнем плане для подрыва не только советского господства, но и коммунистических режимов в собственных странах». Чешский диссидент **Ян Урбан** выразил отношение к Заключительному акту коротко и емко: «Хельсинки – это начало всего».

«Важны не те обещания, которые мы даем, а те, которые мы выполним», – сказал при подписании Заключительного акта президент США Дже-

ралд Форд. Бывший посол СССР в США **Анатолий Добрынин** в своих мемуарах «Сугубо доверительно», вышедших в 1996 году, отмечает, что, подписывая Заключительный акт, Форд «рассчитывал на поддержку в США прежде всего потому, что Советское правительство давало наконец важные обязательства по нашедшим на Западе гуманитарным вопросам, включая эмиграцию и права человека». «Кроме того, – продолжает он, – в обмен на признание общих послевоенных границ СССР признавал право изменения национальных границ в Европе “мирными средствами”, что сохраняло перспективы германского объединения». Касаясь критики в адрес Форда со стороны правых кругов, утверждавших, что в Хельсинки США санкционировали «ялтинский раздел» Европы и «советское господство в Восточной Европе», Добрынин заключает: «На деле же итоги Хельсинки во многом содействовали процессам либерализации внутри Советского Союза и восточноевропейских стран, что в конечном счете привело к коренным переменам в этих странах. Этого явно недооценили Брежнев и его сподвижники».

«Переговоры носили парадоксальный характер и напоминали что-то сюрреалистическое, – вспоминал экс-президент Франции **Валери Жискар д’Эстен**. – Требования, выдвигавшиеся западными странами, касались подтверждения и уважения основных прав и свобод – свободы слова, передвижения, юридических гарантий прав каждого человека, но эти требования ежедневно нарушались в восточноевропейских странах, и коммунистические лидеры вовсе не были намерены их соблюдать». В дневнике времен переговоров бывший французский лидер замечал: «Об обязательствах, принятых в соответствии с Заключительным актом, можно напомнить в нужный момент. Чувствую, что, подписывая эти тексты, русские стали невольной жертвой обстоятельств».

Нельзя, конечно, сказать, что именно Заключительный акт СБСЕ в Хельсинки сыграл решающую роль в радикальных переменам, произошедших в странах Восточной Европы и СССР. Но он стал одним из важных факторов, запустивших там череду перемен, реформ и революций.

Леонид Фролов

Еще раз о плюсах европейского выбора

Аркадий Мошес

ЛОГИКА И ПОЛИТИКА

Практически никто в российском экспертном сообществе не спорит сегодня с тем, что без максимально тесного взаимодействия с Европейским союзом социально-экономическое обновление и развитие России окажется чрезвычайно трудным, если вообще возможным, процессом. Большинство согласно и с тем, что Европа является наиболее естественным партнером России — прежде всего в силу общей культурной традиции, а также потому, что и сами россияне воспринимают себя в качестве европейцев. Таким образом, и «цивилизационный» — встраивание в наиболее успешное сообщество глобализирующегося мира, — и модернизационный императивы российской политики в целом вписываются в рамки так называемого европейского выбора.

Однако логика европеизации перестает выглядеть убедительной, как только речь заходит о том, что реализация европейского выбора на практике означает вхождение в некое пространство с уже установленными правилами игры, повлиять на которые Россия не сможет. Между тем принять их полностью означало бы навредить своим интересам. Более того, Россия может столкнуться с выдвиганием неоправданных, несправедливых и откровенно унижительных требований в свой адрес. На основании этих в общем-то небеспочвенных опасений делается вывод о том, что интеграция в Европу приведет к утрате Россией влияния в мире и прилегающих регионах, ее превращению в государство второго ранга даже в континентальном масштабе.

С тем чтобы избежать такого поворота событий, российская европейская политика концептуально нацелена на сохранение в отноше-

А.Л. Мошес — руководитель программы «Россия — ЕС» Финского института международных отношений.

ниях с ЕС формата равноправного партнерства. А поскольку в полной мере это заведомо недостижимо из-за асимметрии в экономической мощи и в степени взаимной привлекательности социальных моделей (многие россияне хотели бы жить, «как в Европе», но не наоборот), практический курс сводится к сохранению свободы рук, отказу от принятия обязательств по приближению России к нормам ЕС, ставке на избирательное сотрудничество в тех немногих сферах, в которых ресурсы сторон пока сопоставимы (энергетика, безопасность).

Примерно с конца 2002 года в двусторонних отношениях наметилось снижение планки взаимных ожиданий, что произошло в том числе и в результате осознанного отказа России встраивать собственную политико-правовую и экономическую систему в систему ЕС — именно так изначально понималась «гармонизация норм». Общая стратегия Европейского союза в отношении России, содержавшая, несмотря на свой декларативный характер, перспективное видение России как элемента единой Европы, летом 2004-го утратила силу де-юре, а де-факто умерла годом ранее. В 2007 году истекает срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) от 1994-го. Поскольку СПС полностью не выполнено, возможно, что его не заменит равный по статусу документ. На это Брюссель может не согласиться в случае, если сторонам не удастся ни преодолеть разногласия, ни договориться относительно степени юридической обязательности положений нового соглашения и механизма санкций за их неисполнение. Вполне возможно, что место СПС на неопределенный срок займут принятые в Москве в мае 2005-го «дорожные карты» по четырем «общим пространствам» — экономики; внешней безопасности; свободы, безопасности и правосудия; науки, образования и культуры. Как известно, эти договоренности крайне неконкретны, а ключевым понятием в них является слово «диалог».

Процесс принял форму кольца Мёбиуса. Россия вроде бы выполняет СПС с его несомненным *интеграционным* потенциалом, а на деле вернулась к *сотрудничеству* с ЕС в отдельных, пусть и крупных проектах, то есть к концепции, с которой начинал СССР в эпоху Горбачёва. Стратегическое видение будущего двусторонних отношений так и не сформировано, а без этого, как подсказывает здравый смысл, стагнация, а то и регресс неизбежны.

При этом нежелание Москвы идти по пути интеграции в Европу не сопровождается наращиванием ею внешнего влияния. Наоборот, Россия теряет позиции даже в ближайшем зарубежье. Скорее всего,

без нового поворота российской политики в сторону Европы России следует ожидать дальнейшего сокращения своего международного ресурса. В целях сохранения своей роли в Европе и мире России следовало бы отказаться от статуса внешнего по отношению к ЕС игрока и сделать ставку на влияние на систему изнутри, как это делают другие ведущие европейские державы, и всерьез задуматься о принятии интеграционной парадигмы развития отношений с ЕС.

СВОЙ – ЧУЖОЙ

Системная, качественная утрата Россией своих позиций в Европе сегодня идет по двум относительно новым направлениям. Первое из них связано с формированием имиджа России как государства слабого, недемократического, не способного и не желающего эффективно реформироваться. Беспан, демонстрации против монетизации льгот, «дело ЮКОСа», критическая зависимость экономики от экспорта нефти и массовая коррупция в последние годы воссоздали потускневший было образ России как принципиально чуждого Европе феномена (*Europe's Other*).

Распространение подобного рода представлений имеет прямые политические последствия. Если исходить из того, что Россия навсегда останется внешним, чуждым для Европы государством — сибирской Нигерией или Алжиром, то в значительной степени логичным становится проведение по отношению к ней эгоистичной политики, сводящейся к получению доступа к ее источникам сырья и транзитным путям, лишению страны естественных конкурентных преимуществ и одновременным мерам по ограждению себя от возможных рисков в сфере «мягкой безопасности». Все это может с успехом прикрываться дипломатической обходительностью, проявляемой в ходе саммитов.

Между тем, если бы Россия была готова к сближению с ЕС на системной основе, она могла бы рассчитывать на более сбалансированный ответ со стороны Европы. Стремление же России остаться в рамках модели избирательного взаимодействия приводит к тому, что и европейцы начинают придерживаться тактики «сбора вишен» (*cherry-picking*), причем делают это весьма эффективно. В последние годы практически все серьезные споры между Москвой и Брюсселем разрешались на условиях последнего. Этот вывод относится, в частности, к калининградскому транзиту, распространению действия СПС на новые страны — члены Евросоюза, ратификации Рос-

сией Киотского протокола. Нет убежденности в том, что даже подписание Россией договора о реадмиссии с ЕС привело бы к демонстражу шенгенской визовой стены в отношении российских граждан, а не оказалось бы разменено на либерализацию выдачи виз, мало что означающую на практике для большинства людей.

Заметным негативным последствием распространения представлений о «чуждости» России (*otherness of Russia*) для Европы является также то, что страны – члены ЕС, имеющие с Россией сложные отношения, получили возможность целенаправленно использовать это обстоятельство для усиления собственных позиций внутри ЕС. В 1995 году отношения между Россией и странами Балтии были не менее болезненными, чем в 2005-м, Европа столь же чувствительно относилась к войне в Чечне, уже стоял на повестке дня вопрос о расширении НАТО, и тем не менее тема «оккупации» Прибалтики Советским Союзом занимала в европейских СМИ несопоставимо меньше места. Но за прошедшие 10 лет балтийцы окончательно стали «своими», то есть априори правыми и достойными поддержки. Россия же, по мнению европейцев, наоборот, утратила или отвергла шанс на общее будущее. Можно и необходимо возмущаться двойными стандартами и максимально жестко реагировать на откровенные провокационные жесты и заявления некоторых балтийских деятелей, но это не отменит преимущества статуса «своего» по сравнению с «чужим».

ОБЩИЕ СОСЕДИ – С КЕМ ОНИ?

Другой вектор потери влияния связан с переориентацией – хотя пока и в различной степени – европейской части СНГ в сторону Евросоюза, освоением странами региона новой системы координат. Постсоветское пространство, как ареал, в котором Россия по определению является самым сильным игроком, в своей западной части, по сути, перестало существовать и превратилось в новую «промежточную» Европу. Расширение Европейского союза в 2004 году послужило формальным катализатором этого процесса, но предпосылки начали вызревать раньше. В силу неоднородных причин (свертывание демократии, утрата лидерства в СНГ по темпам и качеству экономического роста, размах терроризма и др.) Россия стала постепенно терять притягательность в глазах различных социально и политически активных слоев общества. Европа же, как зона стабильности и экономического процветания, напротив, становилась все более при-

влекательной. В какой-то момент значительная часть населения соответствующих стран осознала, что выбор существует.

Наиболее далеко по пути переориентации *на ЕС* (это следует подчеркнуть, так как *натовская* опция пользуется поддержкой меньшинства. — *А.М.*) продвинулась Украина, где люди уверены: идти по европейскому пути не только выгодно, но и абсолютно возможно. На протяжении нескольких лет 50–60 % участников различных опросов высказывались за вхождение Украины в Евросоюз, в то время как примерно лишь 10 % выступали против. Не менее характерно и то, что, по результатам апрельского (2005 г.) опроса Киевского международного института социологии (КМИС), 48,6 % жителей Украины не сомневались, что страну примут в Европейский союз, а доля пессимистов составила только 23,1 %. По данным киевского Центра Разумкова, при определении главного внешнеполитического приоритета Украины предпочтения ее населения разделились поровну между Россией и ЕС (весной 2005-го ЕС опережал Россию, но в прошлые годы тенденции неоднократно менялись). Однако ситуация выглядит иначе, если учесть возрастной состав респондентов: выбор в пользу России делают люди старше 50 лет, а 18–39-летние однозначно отдают предпочтение Европе (44–46 % против 30–33 % в феврале 2005-го).

Подобные настроения обусловлены прежде всего двумя обстоятельствами. Во-первых, большое число людей, имеющих либо тесные контакты в странах Центральной Европы, либо опыт трудовой миграции в «старой Европе», сформировали собственное положительное мнение о европейских реалиях. В силу своей высокой трудовой и социальной мобильности эти люди, как правило, убеждены в способности всей Украины соответствовать критериям членства. Во-вторых, уже до своего расширения Евросоюз превратился в ведущего партнера Украины по экспорту. У украинского бизнеса развился вкус к ведению дел в Европе, предприниматели начали ценить стабильность правил игры.

Поэтому курс администрации Виктора Ющенко на вступление в Европейский союз абсолютно закономерен. Не исключено, что нынешняя попытка закончится неудачей (прежде всего по внутривнутриполитическим причинам) и Украину ожидает зигзагообразное развитие, но трудно представить себе, что европейская идея утратит здесь завоеванные позиции.

Сходные процессы идут и в других странах. Как же должны были измениться настроения в такой стране, как Молдавия, если ее

президент Владимир Воронин, четыре года назад позиционировавший себя как пророссийский политик, решился использовать конфликтные отношения с Москвой в качестве платформы для своего переизбрания на второй срок (безотносительно к способностям Брюсселя разрешить проблему Приднестровья)!

Даже в Белоруссии, намного более информационно изолированной от Европы, ситуация давно уже не выглядит однозначной. По данным минского Независимого института социально-экономических и политических исследований, доля сторонников вступления Белоруссии в Евросоюз не опускалась начиная с 2002 года ниже отметки 50 % (весной 2005-го 52,8 % – за и 44,4 % – против). За аморфную интеграцию с Россией, то есть сохранение сегодняшней модели, высказываются чуть менее половины опрошенных, но за создание единого государства – лишь 14–15 %. Почти половина населения не поддерживает введение российского рубля, а число сторонников этой меры колеблется вокруг 30–35 %. Весьма вероятно, что в ближайшие годы популярность европейского выбора Белоруссии возрастет под воздействием событий в Украине, а еще в большей степени – польской трансформации, и не исключено, что Белоруссия после ухода Александра Лукашенко захочет последовать украинскому примеру.

Пусть не так остро и совсем в иных формах, но вопрос об усилении европейской составляющей в собственной политической жизни встал и перед странами Кавказа. Грузия, Армения и Азербайджан оказались адресатами так называемой Европейской политики соседства ЕС. В краткосрочной перспективе этот факт, скорее всего, не будет иметь серьезных последствий, но в будущем все может измениться, если учесть вероятность вступления Турции в Европейский союз в конце следующего десятилетия.

АЛЬТЕРНАТИВА ИГРЕ С НУЛЕВОЙ СУММОЙ

Трудно согласиться с теорией заговоров, согласно которой Евросоюз целенаправленно вытесняет Россию из западной части постсоветского пространства. Экономические интересы большинства государств – членов ЕС здесь (пока?) незначительны, очевидно и то, что интеграция региона потребует колоссальных затрат; кроме того, ряд стран – лидеров Европейского союза по-прежнему отдают приоритет России и не хотят вступать с ней в конфликты (вспомним звонок германского канцлера Герхарда Шрёдера Владимиру Путину в разгар «оранже-

вой революции» в Киеве). Поэтому Брюссель так настойчиво ищет для региона всевозможные промежуточные статусы и не желает открывать перед ним перспективу членства в Евросоюзе. Тем не менее продвижение ЕС все равно происходит — и под давлением новых членов, у которых в этом вопросе свои интересы и чья коллективную способность формировать линию поведения всего сообщества не стоит недооценивать, и в силу настойчивости самих «новых соседей», осознавших себя в качестве *субъектов*, а не объектов политики.

Россия стремится предотвратить появление новых разделительных линий на континенте — условно говоря, на восточной границе Украины, — пытаясь сохранить старые на ее западных рубежах. В том числе и поэтому Москва активно вмешивалась в избирательные кампании 2004–2005 годов в Украине и Молдавии и, не исключено, сделает то же самое на украинских парламентских выборах-2006. Но ее способность проводить на данном направлении результативную политику вызывает большие сомнения. У России нет сегодня привлекательного «проекта» (такого, какой имелся у СССР: мировая коммунистическая идеология, или у Российской империи: гарантии безопасности, панславизм, православие). Российский «пряник», по-видимому, недостаточно велик, с точки зрения его потенциальных получателей. Неясно, что еще Москва могла бы сегодня прибавить к тому, что она когда-то предлагала (но тщетно) бывшим республикам СССР в обмен на реинтеграцию. Что касается «кнута», то Россия, безусловно, способна всерьез осложнить функционирование режимов и жизнь населения в соседних государствах. Однако не факт, что экономические санкции окажутся результативными (ведь блокада абхазской границы в декабре 2004-го не привела поддерживаемого Москвой Рауля Хаджимбу в президентское кресло) или вообще возможными (вспомним, кто контролирует транзитные трубопроводы). Удар же по карману простого человека вызовет, естественно, не симпатии, а резко негативное отношение к России и выльется в дальнейшее дистанцирование от нее.

При этом у проблемы есть и другое решение. Линию раздела между интегрируемым и неинтегрируемым пространствами Европы — эту пресловутую линию «свой — чужой» — нужно перенести на восточные границы России. В противном случае размывание цивилизационно-культурного единства с Украиной и позднее с Белоруссией окажется почти неизбежным, не говоря уже о риске остаться один на один с дестабилизирующимся Югом и крепнущим Китаем.

Пойти «в Европу вместе с Украиной» вполне возможно. Киев не заинтересован в том, чтобы в стране возникла ситуация жесткого выбора, способного подвергнуть ее испытанию на разрыв. В отличие от стран Балтии носители антироссийских настроений в Украине маргинализированы, и здесь повсеместно господствует прагматизм. По данным того же опроса КМИС, даже в западных областях Украины только 18,4 % опрошенных высказались за полный выход из Единого экономического пространства. Однако акценты в украинской политике расставлены четко: страна собирается интегрироваться в Европу и сотрудничать с Россией, а не наоборот. Игру с нулевой суммой Россия в Украине не выиграет.

НАС НЕ ВОЗЬМУТ?

В России господствует убеждение в том, что Европа не готова строить с нашей страной интеграционные отношения. Это веский и во многом справедливый тезис. Однако в нем содержится не вся правда, поскольку у Европы до сих пор не было необходимости определяться по этому вопросу прямо и однозначно. Парадоксально, но в европейской дискуссии ответ на вопрос о возможности членства России в ЕС зачастую сводится к констатации того, что Россия этого не хочет. Скорее всего, до тех пор пока Россия четко не заявит о желании интегрироваться, не спровоцирует таким образом европейцев и не докажет свою способность двигаться по одному с ними пути, настоящего ответа Европы мы не узнаем.

При этом существует несколько императивов европейской политики, которым больше всего соответствуют именно интеграционные отношения с Россией. Во-первых, только интеграция России позволяет завершить так называемый «европейский проект». Во всех остальных случаях речь будет идти лишь о перемещении границ Европы к востоку. Перспектива принятия в Европейский союз Турции уже сделала несостоятельным аргумент о невозможности интеграции стран, большая часть территории которых находится в Азии (и одновременно — о «слишком большой» численности российского населения; по этому показателю Россия через несколько десятилетий будет уступать Турции). Во всех остальных отношениях Россия — европейская страна. Большинство ее населения составляют славяне, выросшие в традициях православной культуры, а процент мусульманского населения не превышает показателей Франции. Российская «европейская идентичность» не совпадает с принятой в ЕС,

но попытки определить ее по-другому, как азиатскую например, будут попросту неуместными. В соответствии с существующими нормами европейского законодательства Россия однозначно имела бы право на подачу заявки на членство.

Во-вторых, история Евросоюза научила европейцев, что интеграция на базе системной трансформации дает гораздо более весомые гарантии предсказуемого и дружественного характера поведения государств, в особенности крупных, чем любая экономическая взаимозависимость. В-третьих, Европейский союз постепенно превращается в глобального игрока не только в экономике. В этом контексте Европа, объединив свой потенциал с российским, качественно усилила бы свои позиции и на азиатском, и на атлантическом флангах. В-четвертых, интеграция создала бы для европейцев более благоприятные условия доступа к российским энергоносителям.

Вероятность получения негативного ответа (к слову, до сих пор была формально отклонена только одна заявка на членство, поданная Марокко, чья неевропейская идентичность не нуждается в доказательствах) снижается и в связи с тем, что Россия может пока нацеливаться не на *вступление* в ЕС, а на *интеграцию в Европу* в рамках какого-то специального формата, что не одно и то же. Европейское понимание демократии и верховенства закона, то есть пресловутых «ценностей», России в этом варианте придется принять целиком, а *acquis communautaire* (вся совокупность права Евросоюза и европейских сообществ. — **Ред.**) — не полностью и в любом случае не на ранних стадиях процесса. Это позволило бы нейтрализовать нынешнее (естественное после крупнейшего в истории роста числа стран — членов Евросоюза в 2004-м) негативное отношение старых участников этой организации к ее дальнейшему расширению.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Первое и главное, что нужно сделать России в сфере ее отношений с Европейским союзом, — это наконец определиться со стратегическим выбором. Стратегической целью должна считаться в конечном итоге интеграция России в Европу, достигаемая через постепенную горизонтальную (секторальную) интеграцию и повышение уровня участия России в процессе принятия политических решений ЕС. Поскольку в силу несопоставимости экономических потенциалов да и по другим причинам Россия не может иметь с Евросоюзом отношений, аналогичных форматам ЕС — США, ЕС — Китай, ЕС — Япония, альтерна-

тивной интеграции является сегодняшняя модель. А она, как показывает практика, не гарантирует от конфликтов, не обеспечивает должного влияния на Брюссель и напрямую увеличивает для России риск в одиночку бороться с вызовами XXI века.

Непреодолимых препятствий для движения в интеграционном направлении нет. Необходимо лишь осознать, что политическая демократия, верховенство закона и права человека — это не просто слова и тем более не инструменты, которыми европейские переговорщики пользуются для получения уступок от России, а неотъемлемые слагаемые успеха в современном мире.

Приоритетом на ближайшие 10–15 лет должно стать осуществление проектов, способных дать непосредственный интеграционный эффект, то есть привести к возникновению сообществ экономических или социальных субъектов. Только так можно на деле преодолеть разделение по линии «свой — чужой». Особо следует подчеркнуть важность инфраструктурных проектов во всех сферах — от транспортной до таможенной, средств коммуникации и туризма, а также стимулирования обмена в области образования. «Дорожные карты» обладают в этом контексте определенным потенциалом, и было бы очень важно, чтобы они превратились в нечто большее, чем просто декларации.

Приоритет приоритетов — переход в отношениях с Европейским союзом на безвизовый режим, то есть закрепление права граждан на краткосрочное свободное посещение друг друга, не подразумевающее разрешение на работу. Ничто не может сегодня столь же быстро создать российско-европейскую общность, как устранение необходимости для простых людей проходить визовые формальности. В Европе эта проблема иногда приобретает искаженное звучание: у людей создается впечатление, что речь идет чуть ли не о включении России в шенгенскую зону, а не о простом переносе процедуры проверки паспортов из консульств на границу (кстати, при современных средствах контроля это позволяет сэкономить на консулатах). Достаточно желающих поэксплуатировать такие темы, как наплыв рабочей силы и вал преступности. Однако шансы договориться есть. Европа заинтересована в реадмиссионных соглашениях и усилении контроля на восточных и южных границах России, и при условии повышения качества российских паспортов и реальной борьбы с коррупцией в правоохранительной системе безвизовый режим видится достижимым. Украина, к слову, может оказаться пионером в согласовании режима, на деле близкого к безвизовому.

Уже в среднесрочном будущем следует определиться с юридическим форматом интеграции и начать соответствующие переговоры. В ближайшее десятилетие отношения могут регулироваться каким-то юридически обязывающим документом, органически вытекающим из СПС, – например, предлагавшимся экспертами договором о стратегическом партнерстве, который должен четко фиксировать в преамбуле намерения перейти в перспективе к отношениям интеграции. Позднее Россия могла бы заключить с ЕС договор об ассоциации или вступить в Европейское экономическое пространство (*European Economic Area*).

Последний вариант сегодня не считается в России приемлемым, поскольку даже страны, представляющие это пространство, прежде всего Швейцария и Норвегия, фактически не имеют возможности участвовать в разработке законодательства, которое им приходится впоследствии исполнять. Но, во-первых, формула участия в этом пространстве все-таки индивидуальна. Норвегия, например, при своем вступлении в него определенные рычаги влияния получила. Россия в принципе может рассчитывать на большее – в зависимости от параметров, перспектив и значимости ее экономики для Европы. Во-вторых, Евросоюз может предпочесть именно эту формулу интеграции России и готов будет в ответ расширить поле компромисса. В-третьих, само Европейское экономическое пространство может расширяться, эволюционировать (в частности, за счет вступления в него той же Украины) и укрепляться относительно Брюсселя.

Если же высокая фактическая степень интеграции, обеспечивающая России доступ к принятию решений, будет достигнута, то, с одной стороны, необходимость добиваться формального членства понизится. С другой же – переход к членству в этих условиях не потребует чрезмерных усилий.

В своих отношениях с Европой Россия напоминает сегодня сказочного витязя на распутье, мучительно решающего, продолжать ли ему путь. Движение вперед, к интеграции может быть чревато для России очень болезненными последствиями, и оно же способно оказаться весьма выгодным для нее. Но европейская интеграция практически повсеместно порождает ситуации обоюдного выигрыша (*win-win situations*) – в противном случае она бы не состоялась. А вот если мы будем топтаться на месте, то выиграть нам точно ничего не удастся.

Кризис ЕС и политика России

Системный кризис, возникший в Европейском союзе в конце весны — начале лета 2005 года серьезно повлияет и на процесс европейской интеграции, и на отношения объединенной Европы с внешними партнерами. Провал конституционных референдумов во Франции и Нидерландах, а также безрезультатный саммит Евросоюза в Брюсселе 16–17 июня, на котором ведущие державы не смогли преодолеть острые противоречия по поводу единой сельскохозяйственной политики ЕС, вызвали временный политический паралич организации. Партнерам Евросоюза на международной арене это создает дополнительные препятствия, но и открывает ряд новых возможностей.

Последствия данных событий коснутся и России, которая связана обширными торгово-экономическими и политическими отношениями как с Европейским союзом в целом, так и с отдельными странами-членами. Новый этап в развитии этих отношений начался после саммита Россия — ЕС, состоявшегося 10 мая 2005-го. На нем утверждены «дорожные карты» по четырем «общим пространствам» — экономическому, внутренней безопасности, внешней безопасности, культуры и образования, включая науку.

Хотя после референдумов во Франции и Нидерландах Конституция была одобрена парламентами Латвии и Кипра, а 10 июля и на референдуме в Люксембурге, *общеевропейский* процесс ратификации документа приостановлен. Лидеры стран — членов ЕС решили вернуться к обсуждению этого вопроса только в мае — июне 2006 года.

Аналитический материал подготовлен рабочей группой под руководством д. и. н. **С.А. Караганова** в составе: **Т.В. Бордачев, В.А. Гусейнов, Ф.А. Лукьянов, Д.В. Суслов.**

Тогда же предполагается согласовать и принципы формирования бюджета Евросоюза на период с 2007 по 2013 год, чего не удалось на недавнем саммите.

Лидеры государств Европейского союза предпочли не давать ответа на вопрос о том, возможна ли переработка текста дважды провалившейся Конституции. Есть основания полагать, что на нынешнем документе поставлен крест, а через год работа возобновится уже над новым вариантом, подготовленным по результатам широкой дискуссии.

ПРИЧИНЫ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

Нынешний кризис ЕС имеет двоякую природу.

С одной стороны, резко обострилась проблема «дефицита демократии» в управлении интеграционными процессами и усугубилась оторванность наднациональной бюрократии, олицетворением которой является Комиссия Евросоюза (КЕС), от рядовых европейцев. Попытки ряда представителей Еврокомиссии переложить ответственность за провал Конституции на правительства отдельных стран-членов, предпринятые в первые дни после референдумов, свидетельствовала не только о шоковом состоянии высшего звена брюссельской бюрократии, но и о ее бессилии как-либо повлиять на ситуацию.

С другой стороны, наблюдается *кризис цели*: Европейский союз — элиты стран-членов и руководство Комиссии ЕС — утратил ясный ориентир развития. В этом плане решение взять паузу, принятое на июньском саммите, представляется единственно правильным. Одновременно возникший кризис отнюдь не равнозначен тому, что интеграционный проект себя исчерпал и теперь начнется процесс дезинтеграции. Разрушение колоссальной и устойчивой системы внутренних связей в Европейском союзе не представляется возможным. В этом не заинтересован никто: ни руководители стран-членов ЕС, ни большая часть населения Европы, ни влиятельные внешние игроки — США, Китай, Россия. Однако в результате последних событий ревизии может быть подвергнута система принятия решений и распределения полномочий в Евросоюзе, функционировавшая до последнего времени с явным перевесом в пользу Еврокомиссии.

Недовольство значительной части населения централизацией политического процесса, монополизацией его Брюсселем, а также «политическим» расширением, не основанным на принципе реальной готовности кандидатов к вступлению в Европейский союз, позволя-

ют предположить, что эта организация перешла допустимые на сегодняшний день пределы наднациональной интеграции. Последнее делает вероятным откат в сторону некоторой децентрализации. На практике это может означать, что в среднесрочной перспективе влияние КЕС на выработку стратегических решений уменьшится.

Пока не ясно, является ли замедление наднациональной интеграции временным явлением, или же оно знаменует начало перехода к новой модели — более децентрализованной, межправительственной и конфедеративной. Первые выводы можно будет сделать не ранее осени 2006 года, когда станут известны первые итоги уже начавшейся масштабной дискуссии о будущем Европы.

ПОСЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА ДЛЯ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ЕС

Политическая неопределенность ограничивает дееспособность исполнительных органов Евросоюза — КЕС и Совета министров. Утрата внутреннего единства и потеря темпов внешней экспансии Европейского союза ощутимо роняют его авторитет в глазах внешних партнеров (особенно Соединенных Штатов), делают Брюссель менее уверенным в своих силах. Это, очевидно, повлияет на эффективность исполнительных органов ЕС и их способность находить у стран-членов поддержку своих действий на международной арене. Одним из первых примеров такого рода стало решение Совета Евросоюза по транспорту (27–28 июня), отказавшего КЕС в праве вести от имени Сообщества переговоры в авиатранспортной области, чего Еврокомиссия давно и последовательно добивается.

В то же время драматические события мая — июня не привели к формальным ограничениям полномочий КЕС в части унификации нормативно-правового поля Евросоюза и его экспансии вовне. К тому же — жаркая внутривнутриполитическая дискуссия способна создать положение, при котором значительная часть внешних связей будет в конечном счете отдана на откуп КЕС без должного контроля со стороны национальных правительств. А поскольку внимание политического руководства стран-членов приковано к проблеме развития интеграции, это снизит возможности партнеров Европейского союза апеллировать непосредственно к лидерам крупных держав.

Представители же Еврокомиссии в ходе контактов с внешними партнерами будут пытаться вести себя как ни в чем не бывало. Более того, поражения на внутривнутриполитическом фронте КЕС постара-

ется компенсировать успехами в сфере внешних связей. Подтверждением тому явилась решительная манера ведения состоявшихся 10 июня с. г. переговоров с торговыми властями КНР по вопросу экспорта китайского текстиля в страны Евросоюза.

От того, насколько внимательно станут следить за складывающейся ситуацией внешние партнеры Европейского союза – Россия, США, Китай и другие страны, – будет зависеть, если не возможность извлечь выгоду из неопределенности в ЕС, то хотя бы вероятность предотвращения некоторых неблагоприятных для себя инициатив Брюсселя.

НОВОЕ В ПОЛИТИКЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ

В полной мере это может коснуться и переговоров между Европейским союзом и Россией в контексте подготовки последней к вступлению в ВТО, где КЕС (директорат по торговле) сохраняет исключительные полномочия. Накануне и после майского саммита Россия – ЕС Еврокомиссия выдвинула ряд ультимативных и не всегда юридически обоснованных требований по вопросам энергетики и авиационного транспорта, выходящих далеко за рамки условий, согласованных при подписании протокола о присоединении России к ВТО (май 2004 г.).

В общеполитическом плане неопределенность в Евросоюзе способна оказать на российско-европейские отношения скорее негативное влияние. Возникает несколько вопросов.

Во-первых, будет ли ЕС готов обсуждать с Москвой базовые проблемы двусторонних отношений, формулировать общие стратегические цели и выработать долгосрочное видение места России в европейском контексте?

Во-вторых, сможет ли поглощенный внутренними спорами Европейский союз уделять должное внимание внешнему окружению? Замыкание европейцев в себе и своих проблемах грозит тем, что Россия будет вытеснена за пределы «политической Европы». Москве следует противостоять этой тенденции, начав позитивную контригру. Например, своевременно подключиться к разворачивающейся в ЕС дискуссии о будущем Европы, о модели и направленности интеграции, внести в нее свой вклад.

Очень важно отметить следующее: после одобрения на саммите 10 мая совместных «дорожных карт» Россию уже неправомерно счи-

тать по отношению к Евросоюзу исключительно внешним игроком. Поскольку обе стороны публично заявили о том, что их целью является совместное «построение открытого и интегрированного рынка», Россия пусть и формально, но сделала существенный шаг вперед, приблизившись к положению европейского «инсайдера».

В-третьих, насколько велика вероятность того, что административные органы ЕС не будут уклоняться от подготовки нового договора с Россией, который должен прийти на смену Соглашению о партнерстве и сотрудничестве (СПС) от 1994 года, истекающему в 2007-м? Сегодня в Евросоюзе крайне низко оценивают перспективы движения России по «европейскому» (в понимании Брюсселя) пути. Поэтому принятые «дорожные карты» считаются наиболее приемлемым инструментом решения конкретных вопросов (продвижения своих интересов), при том что внешней видимостью юридической базы отношений может оставаться «мертвое», но ежегодно продлеваемое СПС от 1994 года.

Нельзя исключать, что в ближайшей перспективе Европейский союз сконцентрируется на бюрократических краткосрочных интересах и элементарном выбивании экономических и прочих уступок (например, по проблемам внутреннего ценообразования на энергоресурсы, дотаций российскому сельскому хозяйству, компенсационных выплат за пролеты по транссибирской магистрали и т. д.). При этом от официального Брюсселя следует ожидать проявления еще большей активности, чем раньше, поскольку ему нужны «победы» на внешнем фронте.

ЧТО ДЕЛАТЬ РОССИИ?

Официальные органы Евросоюза ослаблены, и России было бы неразумно делать вид, будто ничего особенного не произошло, тем более что, как свидетельствует опыт последних лет, Брюссель исключительно редко оценивает джентльменское поведение по достоинству. Представители Европейского союза ни разу не ответили взаимностью на жесты доброй воли с российской стороны. Примером здесь может служить реакция ЕС на ратификацию Москвой многострадального Киотского протокола.

На протяжении, как минимум, ближайшего года Брюссель будет оставаться в положении «хромой утки», при котором, несмотря на свое по-прежнему уверенное поведение, высшие чиновники Евросоюза не смогут идти на обострение отношений с круп-

ными внешними партнерами. Конфликтное поведение на международной арене (например, по вопросу вступления России в ВТО) способно только «подлить бензин» в костер внутриевропейской дискуссии и вызвать недовольство влиятельных стран-членов.

В сложившихся обстоятельствах у Москвы нет оснований бросаться в объятия Брюсселя и удовлетворять его прихотливые пожелания, решая тем самым за Европейский союз его проблемы. В особенности это касается требований в области воздушного транспорта, где решение о долгосрочном сотрудничестве было достигнуто еще накануне саммита Россия – ЕС в мае 2004 года.

Действуя с прицелом на перспективу, России не следует игнорировать возможность влиться в дискуссию о будущем Европы. Тем более что на сей счет имеются основания, ведь падение шансов Евросоюза стать крупным геополитическим игроком и замедление темпов его экономического развития не только снижают амбициозность европейских представителей, но и повышают ставки России как геостратегического партнера.

Отказавшись от соблазна позлорадствовать по поводу внутриевропейских проблем, России стоило бы протянуть руку дружбы «политической Европе» и в контексте общеевропейской дискуссии о стратегии развития Европейского союза выступить с инициативой собственного вклада в геостратегическое партнерство. Подобная инициатива могла бы быть реализована в рамках подготовки стратегического договора Россия – ЕС, о чем уже было принято решение на встрече президента России с главой Еврокомиссии 21 апреля 2005 года.

Европа без России. Договор, учреждающий Конституцию для Европы от 20 октября 2004 года.
– М: Издательство «Европа», 2005. – 520 с. –
(Серия *Мировой порядок*) ISBN 5-9739-0006-1.

Французы и голландцы, отклонившие Конституцию для Европы, породили в России суетные надежды. Неумение вести политику в европейском секторе вдруг сменилось апокалиптическими мечтаниями – пустой расчет. Европеистский миф Большой Европы не только переживет нынешний кризис, но и, весьма вероятно, выйдет из него, окрепнув, еще более экспансионистским.

Предисловие Глеба Павловского и Вацлава Клауса.

Европейский союз и его «новые соседи»

Хайнц Тиммерманн

Последние события в Европейском союзе, которые продемонстрировали наличие глубоких противоречий между крупнейшими государствами-членами, способны серьезно повлиять на перспективы отношений ЕС со странами-соседями, многие из которых стремятся к вступлению в Евросоюз. Как заявил в газетном интервью вице-председатель Комиссии Европейского союза Гюнтер Ферхойген (ранее комиссар, ответственный за расширение ЕС), «помимо полноценного членства в Евросоюзе существуют и иные возможности, чтобы обеспечить политическую и экономическую стабильность во всей Европе».

В самом деле, и до неудач периода весна – лето 2005 года вопрос о расширении, которое охватывало бы страны СНГ, в практической плоскости не вставал. Конечно, демократическую ненасильственную революцию в Украине, которая разворачивалась под проевропейскими лозунгами, в Европейском союзе восприняли с большой симпатией. Правда, доброжелательное мнение о событиях в Украине сформировалось не сразу, а лишь после того, как стало ясно, что протест в отношении многочисленных фальсификаций в ходе голосования 21 ноября 2004-го поддержан широкими слоями населения.

Чем же объяснялась первоначальная сдержанность, проявленная ЕС? Во-первых, в некоторых столицах сыграло роль опасение вызвать подобным вмешательством раздражение Москвы, которая считает Украину своей приоритетной зоной влияния. Разумеется, Евросоюзу следовало принимать во внимание российские интере-

Хайнц Тиммерманн – бывший руководитель группы по исследованию России и новых независимых государств в Фонде науки и политики (Берлин).

сы, учитывая тесные экономические, а также разнообразные исторические, гуманитарные и культурные связи Москвы и Киева. Любая попытка перетянуть Украину на сторону Европейского союза могла бы нанести серьезный ущерб внутреннему единству страны, ее международным связям и всему региональному окружению. Однако политика ЕС в отношении Украины и других «новых соседей» не должна зависеть от его партнерства с Россией. Притязания Москвы на то, чтобы выступать на этом пространстве в качестве единственной упорядочивающей силы, неприемлемы. Согласиться с ними означало бы признать российские претензии на доминирующую роль в регионе; это могло возродить также одиозный тезис «ограниченного суверенитета».

БЕСПОКОЙНОЕ СОСЕДСТВО

Еще в начале 2004 года, то есть до революционных событий в Украине, Европейской комиссией был принят основополагающий документ, определяющий контуры его политики в отношении новых восточных и южных соседей *Wider Europe – New Neighbourhood*. В нем провозглашалось, что ЕС намерен преследовать собственные стратегические цели – при возможности во взаимодействии с Россией. Эти цели совпадают с неоднократными заявлениями Виктора Ющенко, утверждавшего, что внутренние структурные изменения и независимость на международной арене не означают для Украины отказа от партнерства с Россией в пользу Евросоюза, а его программа включает в себя хорошие отношения как с Брюсселем, так и с Москвой.

Правда, в то же время Европейский союз подчеркивал, что желал бы расширения демократического пространства, а это стремление как раз и вызывает настороженность у России. Тем не менее успех совместного посредничества при урегулировании кризиса в Украине свидетельствует о принципиальной способности обеих сторон к сотрудничеству. Если бы Россия и ЕС перенесли этот опыт в более широкую сферу геополитического «поля напряженности» между ними и если бы извлеченные уроки нашли отражение в переговорах по все еще спорным вопросам содержания «общего пространства» внешней безопасности, это стало бы позитивным сигналом на будущее. Был бы сделан важный шаг к формированию доверия в Европе в целом, к чему Владимир Путин призывал в сентябре 2001-го, выступая в Германском бундестаге.

Второй из основных причин первоначальной сдержанности Евросоюза являлись опасения некоторых стран-членов, что после успеха «оранжевой революции» ее лидеры могут начать усиленно настаивать на том, чтобы Украине была гарантирована пусть отдаленная, но перспектива вступления. Ранее Европейский союз предусматривал дальнейшее развитие отношений в рамках своей Европейской политики соседства и опубликовал в связи с этим документы «Большая Европа – соседство» (март 2003 г.) и «Европейская политика соседства – Стратегия» (май 2004 г.). Они не открывают перед «новыми соседями» четкой перспективы членства в ЕС, но и не исключают ее однозначно в рамках политики «полуоткрытых дверей». Предусмотрены политический диалог, сотрудничество в области правосудия и правопорядка, а также усиленная интеграция инфраструктур.

Основу политики соседства составляет продвижение к более тесному экономическому сотрудничеству по мере того, как «новые соседи» проводят внутренние преобразования. В долгосрочной перспективе это могло бы привести к созданию единого рынка с его знаменитыми четырьмя свободами – свободным передвижением лиц, товаров, услуг и капиталов. Такая частичная интеграция во внутренний рынок включает в себя, в частности, предложения о преференциальном асимметричном открытии рынков, содействие приближению к правовым и административным положениям, стандартам и нормам Евросоюза, участие в определенных совместных программах (наука, образование, культура), упрощение порядка предоставления виз. Согласно «Стратегии» от мая 2004-го, основной целью является приближение экономик стран-партнеров к экономической модели Европейского союза. Важнейшая институциональная новация Европейской политики соседства – предложение Комиссии ЕС о том, чтобы **совместно** с «новыми соседями» разработать отдельно для каждой страны гибкие планы действий, рассчитанные на период от трех до пяти лет и опирающиеся на европейские программы содействия. В этих планах, которые Европейский совет справедливо определил как «ключевые политические инструменты», будут зафиксированы цели и масштабы, сроки их выполнения, подлежащие согласованию в каждом случае, а также механизм постоянного мониторинга.

С учетом различных исходных позиций восточных соседей-партнеров, а в некоторых случаях и натянутых отношений между ними Брюссель столкнулся с трудными задачами при воплощении в

жизнь Европейской политики соседства. Россия не рассматривает себя как часть этой политики, рассчитывает на особую роль в качестве самостоятельной великой державы и защищается от усиления западного влияния в регионе. Минск проявляет определенный интерес к Европейской политике соседства. Намерение в будущем вступить в ЕС неоднократно выражал и Кишинёв.

Пока у Евросоюза нет необходимости немедленно предпринимать какие-либо действия в отношении Белоруссии и Молдавии. В силу внутренних структурных слабостей и неурегулированного приднестровского конфликта шансы на вступление Молдавии в Европейский союз весьма малы. С этой точки зрения европейская направленность Кишинёва, так же как и Украины при Кучме, носит скорее декларативный характер и не наполнена конкретным содержанием. Поэтому ожидать здесь «интеграционного конфликта» между ЕС и Россией в обозримом будущем не приходится.

Что касается Белоруссии, то правящий там режим не делает ничего, чтобы создать предпосылки для реализации постепенной стратегии Евросоюза. Она предусматривает, что на прогресс в деле демократизации той или иной страны Брюссель реагирует налаживанием тесных связей между ней и европейскими структурами, равно как и включением ее в зону действия Европейской политики соседства. Совет ЕС, Еврокомиссия и Европейский парламент неоднократно обращались к режиму Александра Лукашенко с предложением включить страну после проведения честных и свободных выборов в зону действия Европейской политики соседства и совместно выработать план действий, который бы соответствовал ее специфическим условиям и содержал дифференцированные программы сотрудничества. Однако после избирательного фарса в октябре 2004 года (парламентские выборы и референдум о возможности продления полномочий президента. — Ред.) эти идеи потеряли актуальность, что не должно, однако, мешать выстраивать и уточнять стратегию двойного диалога с Минском.

С одной стороны, собственные жизненные интересы (безопасность границ, «мягкие» угрозы безопасности и пр.) диктуют Брюсселю необходимость сохранять избирательные контакты на рабочем уровне с представителями режима Лукашенко, с другой — само европейское самосознание подталкивает к проявлению солидарности и оказанию широкой поддержки демократической оппозиции и формирующемуся гражданскому обществу в Белоруссии.

Благодаря этому ЕС может рассчитывать на симпатии не только белорусской оппозиции, но и части элит и даже номенклатуры. Правда, европейская стратегия двойного диалога едва ли будет пользоваться поддержкой Москвы в той же степени, что прежде. Ведь и в России нарастают авторитарные тенденции, а путинское руководство подвергает критике у своего союзника лишь определенные политические и экономические процессы, но не авторитарную систему Лукашенко, как таковую. По мнению российского руководства, смена режима в Минске чревата тем, что Белоруссия вслед за Украиной переориентируется на Европу и не только поставит под вопрос проект реализации Единого экономического пространства (ЕЭП), но и окончательно похоронит идею Союзного государства, в котором де-факто доминирует Россия.

В Украине демократический прорыв, как мы видели, перевел европейские амбиции страны от деклараций к действиям. Таким образом, Украина — единственное (и к тому же наиболее важное) за последнее время государство геополитической промежуточной зоны, которое в результате демократических сдвигов вышло на новую позицию.

Москва убеждена в том, что Евросоюз хотел бы оторвать Украину от прежних партнеров и перетянуть на свою сторону. На самом деле, однако, внутри Европейского союза пока нет согласия относительно его будущих отношений с Украиной. Вырисовываются три основные «группировки».

Во-первых, те страны, особенно в Южной Европе, где полагают, что в случае вступления Украины возможно сокращение объемов средств, выделяемых им из структурного фонда Брюсселя.

Во-вторых, большинство стран, преимущественно из «старой Европы», которые хотя и не отвергают в принципе долгосрочной перспективы членства Украины в ЕС, но из-за вступления в него других стран (Болгария, Румыния, Хорватия, а в дальнейшем и Турция) опасаются перенапряжения и перегрузки и поэтому ведут себя довольно сдержанно. Степень этой сдержанности возросла после неудачных референдумов по европейской Конституции.

Наконец, страны — соседи Украины во главе с Польшей, стремящиеся покончить со своим периферийным положением на востоке Евросоюза. С их точки зрения, вступление Украины дало бы возможность преодолеть пережитки имперского мышления у российских элит и тем самым ограничить остаточный риск возникновения угрозы с Востока.

ТРЕУГОЛЬНИК ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ – РОССИЯ – УКРАИНА

Хотя на встрече глав государств и правительств стран ЕС в середине декабря 2004 года Украине не дали согласие на вступление, ей были предложены «тесные, особые отношения в рамках Европейской политики соседства» вскоре после того, как Совет министров иностранных дел ЕС одобрил «общий план действий» для Украины. Наиболее целесообразный путь сегодня – это, не лишая Киева цели вступить в отдаленном будущем в Евросоюз, быстро осуществлять конкретные меры по содействию преобразованиям, с тем чтобы новое руководство могло выполнить свои программные обещания и хотя бы отчасти оправдать надежды мобилизованных им людей. Ибо от этого решительным образом зависит, увенчается ли мирная революция установлением подлинно демократического режима, пользующегося стабильной поддержкой граждан, – системы, устойчивой к давлению извне, гарантирующей внутреннее единство и территориальную целостность страны.

В данном контексте Европейский союз утвердил в декабре 2004 года совместный план действий и расширил его до своего рода «плана действий плюс». В нем Брюссель признаёт устремления Украины и приветствует ее европейский выбор. Затем верховный представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Хавьер Солана заявил в Европарламенте о намерении до начала 2008-го заключить с Украиной «новый тип договора». Не исключено, что речь может идти о привилегированном европейском партнерстве или даже о соглашении об ассоциации с принципиальной перспективой вступления. Для поддержания стабильности в Украине необходимо прежде всего следующее:

- облегчение условий для украинского экспорта (около 40 % которого уже сегодня направляется в Евросоюз) путем принятия более гибких антидемпинговых мер и повышения импортных квот;
- содействие приведению законодательства в соответствие с правовыми рамками Европейского союза. Это позволит экономике в большей степени сблизиться с европейским внутренним рынком и поможет выполнить сразу два пункта программы нового руководства: во-первых, получение Украиной статуса страны с рыночной экономикой и, во-вторых, ускорение переговоров о ее вступлении в ВТО, что могло бы привести к созданию зоны свободной торговли Украина – ЕС;

- оказание Украине стартовой поддержки, например, в рамках содействия проектам в области окружающей среды и транспорта (*ISPA*) и развития сельского хозяйства (*SAPARD*). Дальнейшее вовлечение в другие программы — в частности, в сфере образования, науки и культуры;

- совместные усилия по обеспечению надежной защиты границ от нелегальной миграции и международной преступности как предпосылка упрощения визового режима;

- привлечение Украины к урегулированию региональных кризисов и конфликтов в рамках общей внешней политики и политики безопасности (например, Евросоюз в первую очередь ожидает от Киева участия в разрешении конфликта вокруг Приднестровья — этого пользующегося покровительством Москвы полукриминального сепаратистского образования).

В принципе и Москва не заинтересована в дестабилизации обстановки в Украине, которая оказала бы отрицательное воздействие на Россию, ее экономическую и международную деятельность. Стало быть, и Москва, и Брюссель равным образом заинтересованы в стабильности своего окружения, и это совпадение интересов следует использовать и развивать как общую ответственность. Правда, не внушает особого оптимизма тот факт, что Россия не желает идти на то, чтобы при наполнении «общего пространства внешней безопасности» вести с Европейским союзом разговор о странах, расположенных в поле напряженности восточноевропейской промежуточной зоны.

Насколько ЕС и Россия способны работать сообща, покажет будущее Единого экономического пространства России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Москва воспринимает это объединение как инструмент укрепления интеграционного ядра вокруг России. Евросоюз хотя в принципе и рассматривает ЕЭП как пример желательного регионального сотрудничества, но хотел бы сначала прояснить его содержание. Наконец, в лагере Виктора Ющенко звучат голоса, полностью отвергающие Единое экономическое пространство как чисто геополитический проект, не имеющий реального экономического значения. Дойдет ли дело в этом вопросе до интеграционного конфликта в геополитической промежуточной зоне, будет зависеть прежде всего от характера ЕЭП.

Заключая с Европейским союзом соглашения о партнерстве и сотрудничестве, и Россия, и Украина ставили перед собой такую

цель, как создание зоны свободной торговли. Если Единое экономическое пространство ограничится зоной свободной торговли в соответствии с принципами и правилами Всемирной торговой организации и если оно обеспечит координирование торговой деятельности стран – членов ЕЭП и ЕС в духе трехстороннего соглашения о свободной торговле между Брюсселем, Москвой и Киевом, то оно не противоречило бы европейским амбициям Украины. Да и президент Украины Ющенко прекрасно сознаёт, что торговля с Россией всегда будет жизненно важной.

Если же Москва станет придерживаться своей первоначальной цели (введение единой валюты и создание наднациональных органов по аналогии с Еврокомиссией), это оказалось бы несовместимо с надеждами Украины на интеграцию в Европейский союз. Ибо путь в Брюссель по принципу «С Россией – в Европу», предложенному представителями различных политических направлений в Белоруссии, для Украины нереален: Россия определенно заявила, что она, как независимая великая держава, не намерена вступать в ЕС и готова лишь частично перенять его ценности, стандарты и нормы.

РОССИЙСКИЕ ВОПРОСЫ

Уже довольно давно, а особенно после думских и президентских выборов 2003–2004 годов и трагедии Беслана в сентябре 2004-го, в России все заметнее обозначается авторитарное направление развития. Западные наблюдатели указывают на возрождение двоякого образа Запада, существовавшего в российском сознании в прошлом. «С одной стороны, страна хотела учиться у более развитого в технологическом отношении Запада, не отставать от его ученых, пользоваться благами западного стиля жизни. С другой – россияне считали себя духовно выше европейцев (идея Третьего Рима) и отвергали провозглашаемые Западом универсальные ценности как чуждую своему обществу культуру», – отмечает ведущий немецкий эксперт по СНГ Александер Рар.

Все это вызывает ряд вопросов как о будущем партнерства Брюсселя и Москвы, так и о позиции Евросоюза в отношении экономически крепнущей и политически все более авторитарной России.

● Является ли сегодняшнее состояние дел в России свидетельством краха эксперимента по установлению там демократии и созданию правового государства европейского типа, или же временное ограничение действия основных ценностей и европейских принци-

пов необходимо для полной консолидации общества и дальнейшего прорыва (как предположил во время своего посещения Москвы бывший федеральный канцлер Германии Гельмут Шмидт)?

- Следует ли принимать всерьез обещания Путина сохранить все демократические завоевания народа России, или же дело идет к возрождению «демократического централизма» советского образца?

- Не приведет ли усиление государственного интервенционизма и вмешательства со стороны неуправляемой и коррумпированной бюрократии к параличу экономики, или, напротив, государственная власть обеспечит на определенный период надежные условия для развития экономики и откроет ее для мирового рынка подобно тому, как это произошло на Тайване, в Южной Корее, Малайзии и Чили?

- Не превратится ли Россия в «*petro state*» – нефтяное государство (по выражению российского политолога Лилии Шевцовой), характеризующееся слиянием бизнеса и власти, социальным неравенством и уязвимостью перед лицом ударов извне? Или удастся использовать богатые запасы энергоносителей для диверсификации экономики и подъема жизненного уровня населения?

- Позволяет ли классическая теория модернизации отделять либерально-экономическую составляющую общего модернизационного процесса от других явлений, таких, как отсутствие правовых гарантий, недостаточная транспарентность, доминирование силовых органов и нарастание авторитарных тенденций?

- Разрешимо ли противоречие между доверием граждан к своему президенту, с одной стороны, и их недоверием к государству и его органам – с другой?

- Должен ли Евросоюз в своем партнерстве с Россией подстраиваться под авторитарную модернизацию, или же ему следует и впредь исходить из того, что поведение России как партнера должно оцениваться в соответствии с европейскими ценностями и демократическими принципами?

- Окажется ли Россия – окрепшая, усиливающая свой военный потенциал, проникнувшая духом национал-патриотизма – склонна к непредсказуемости, агрессивному внешнеполитическому поведению и односторонним действиям, или же она в силу крепнущей уверенности в себе, подъема самосознания, а также роста экономической мощи и благосостояния проявит в большей мере предсказуемость, готовность к сотрудничеству и многосторонним действиям?

● Будет ли Россия использовать общую с Европейским союзом заинтересованность в стабильности геополитической промежуточной зоны, даже если в отдельных странах этого региона к власти придут новые режимы, ориентированные на европейские ценности и принципы и стремящиеся к более тесным отношениям с ЕС? Или в порыве «интеграционной конкуренции» она станет поддерживать и поощрять авторитарные и потенциально нестабильные режимы, которые пойдут навстречу геополитическим устремлениям Москвы?

● Короче говоря, изменится ли характер отношений между Евросоюзом и Россией, не угрожает ли нам наступление «холодного мира»?

Таким образом, проблема взаимоотношений Европейского союза и России связана не с отдельными трудностями, а с необходимостью развивать их в целом с учетом сегодняшней действительности. В 1990-е годы эти отношения развивались на основе представления о том, что Россия постепенно приближается и к европейским ценностям, и к социально-экономической и политической модели Европы. Но в настоящее время партнеры движутся в противоположных направлениях. Все дальше расходятся не только системы ценностей, но в некоторых областях и интересы. Национал-имперские тенденции во внутренней политике таят в себе опасность односторонних действий в международных отношениях. «Где конкретно находится Россия на своем пути от самодержавия к демократии и обратно и какова форма ее политической системы, остается пока неясным, — уверен член совета Гессенского фонда по изучению мира и конфликтов Ханс-Йоахим Шпангер. — Отклонение России от пути демократической добродетели либо ставит под угрозу прочное стабильное сотрудничество или, более того, стратегическое партнерство с западными демократиями, либо вовсе исключает его».

Широкомасштабное партнерство между Россией и ЕС пока остается нереализованной идеей. Однако при всех противоречиях и неопределенности Россия в силу своей величины, географической близости к странам Евросоюза, позитивного и негативного потенциала, а также своей региональной и глобальной роли является незаменимым участником многостороннего функционального сотрудничества. Даже частичная, ограниченная экономической сферой модернизация России потребовала бы ее вовлеченности в общеевропейские процессы сотрудничества — в политике, экономике, а

также в таких областях, как правосудие и правопорядок, энергетика, экология, внешняя безопасность.

Хотя трудно представить себе Россию, вновь избравшую авторитарный «особый путь», институционально включенной в европейские интеграционные процессы, в углубленное партнерство с его процессами сближения на основе общих ключевых ценностей и принципов демократии. И неясно, о какой совместимости экономических порядков, близости вплоть до совпадения позиций в вопросах внешней политики и политики безопасности в таком случае могла бы идти речь.

В этих условиях отношения между Европейским союзом и Россией должны определяться прагматизмом и новым реализмом: партнеры не предъявляют друг другу чрезмерных требований и не позволяют риторике слишком отрываться от действительности. И все же тема европейских ценностей, как основы устойчивого партнерства, должна вновь и вновь подниматься — не в последнюю очередь со ссылкой на принятые Россией обязательства в отношении основ и принципов, провозглашенных Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Советом Европы. В то же время недостаточное следование этим принципам не должно мешать достижению согласия по вопросам, в которых интересы сторон сходятся. Примерами успешной деятельности такого рода стало решение проблем, связанных с Калининградской областью, расширением ЕС и, наконец, урегулированием конфликта в Украине.

Евросоюз должен воспринимать себя как партнера, но при необходимости и как оппонента. Последнее важно в тех случаях, когда поведение России во внутренней и внешней политике резко противоречит основным европейским ценностям и интересам, представлениям о порядке, как, например, в Чечне. Конечно, шансы Брюсселя повлиять на развитие событий в России очень малы. И все же политическая открытость, тесные и разнообразные международные экономические связи, отношения партнерства между регионами, городами, общественными объединениями и представителями гражданского общества могут способствовать «невидимой передаче ценностей» (немецкий политолог Герхард Симон) и новым «переменам через сближение» (Эгон Бар, идеолог «восточной политики» канцлера Вилли Брандта). Или, как сказал один из лидеров «Солидарности», впоследствии министр иностранных дел Польши Бронислав Геремек, «европейцы должны

всегда поддерживать мысль о том, что Россия может быть демократическим государством».

По всей вероятности, все это предполагает, что Европейский союз и его государства-члены сами четко определяют свои общие интересы и последовательно представляют их Москве. Внутренняя согласованность при определении позиций и целей ЕС является убедительным показателем их действенности. Поэтому Еврокомиссия справедливо критикует отсутствие существенного прогресса во всех областях и требует от Совета ЕС и Европейского парламента лучше координировать друг с другом свою политику на российском направлении, а также говорить с Москвой ясно и недвусмысленно. Необходимо достичь единства по основным целям, провести «красную черту», которую Евросоюз не должен переступать, и выработать позиции, служащие руководством для деятельности представителей Европейского союза в Москве и в Брюсселе.

Этого до сих пор действительно не хватало по ряду причин. Так, развитие целостной стратегии ЕС в отношении России объективно затруднено, пока обе стороны находятся в «текущем состоянии» (*state of flux*), к тому же асимметричном: Евросоюз с точки зрения отношений с внешним миром, а теперь и внутренних противоречий между странами-членами, Россия — своей внутренней трансформации. Кроме того, государства — члены Европейского союза в силу своего исторического и политического опыта по-разному относились и относятся к Советскому Союзу и его государству-преемнику — России. Это особенно проявилось после расширения ЕС на восток: «старые европейцы» Франция, Германия, Италия и Великобритания ведут себя на российском направлении более открыто и гибко, а «новые европейцы», особенно из Польши и стран Балтии, демонстрируют бóльшую настороженность и настроены более критично. Наконец, иногда сказывались действия высокопоставленных представителей стран Евросоюза, нарушавших согласованную в Совете ЕС и Еврокомиссии линию ради личного самоутверждения.

Например, на Римском саммите в ноябре 2003 года председатель Совета Европейского союза, глава правительства Италии Сильвио Берлускони, который и до того вопреки брюссельской линии неоднократно высказывался за полноправное членство России в ЕС, горячо выступил в поддержку Путина в таких вопросах, как ситуация в Чечне, «дело ЮКОСа», права человека и свобода прессы. В феврале 2004-го президент Франции Жак Ширак упрекнул Еврокомис-

сию в том, что она часто не понимала и даже игнорировала оправданную озабоченность Москвы, например, в отношении Калининградской области, вступления России в ВТО или последствий для нее расширения ЕС на восток. Наконец, федеральный канцлер Герхард Шрёдер положительно оценил выборы в Чечне, которые, по всем данным и со всех точек зрения, проходили с массовыми нарушениями.

Все это чревато целым рядом осложнений. Во-первых, способно подорвать в глазах России достоверность позиции Европейского союза и, что касается выборов в Чечне, вообще дискредитировать идею наблюдения за выборами, проводимого ОБСЕ. Кто поверит критике в адрес сфальсифицированных выборов в других частях Европы, если фарс в Чечне получил сертификат «свободных и справедливых» выборов? Кроме того, «разделение компетенций» в ЕС с его противоречивыми для внешних партнеров сигналами побуждает Россию к тому, чтобы оказывать влияние на европейскую политику, напрямую обсуждая с отдельными государствами-членами проблемы, находящиеся в компетенции всего сообщества.

Несомненно, отношения в форме селективного билатерализма служат Москве также и для того, чтобы на основе взаимопонимания, достигнутого по важнейшим вопросам с государствами, образующими ядро Европейского союза, оказывать влияние на процессы принятия решений в институтах ЕС, с тем чтобы они отвечали российским интересам. Использовать различные позиции стран — членов Евросоюза в целях обеспечения собственных интересов — законное право российской дипломатии. Дело же самого Европейского союза и составляющих его государств — выработать в рамках общей внешней политики и политики безопасности единую линию и последовательно проводить ее в жизнь. Именно это сделает политику в отношении России более убедительной и эффективной.

Революционная ситуация

Казнь короля Людовика XVI

“ Мы, ворчуны из секты недовольных и испуганных, против новых моральных революций и натягивания вожжей, против специальных комиссий для выслеживания врагов добродетели или Божьего порядка, мы против очередных проскрипционных списков. Нам, брюзгам, пре-
тят новые революции в стране, еще не пришедшей в себя после нескольких предыдущих... ”

После СНГ: одиночество России *Михаил Делягин*
142

«Оранжевая революция» *Тимоти Гартон Эш, Тимоти Снайдер*
152

Демократия: дистанционное управление *Владимир Фролов*
166

Экстремисты моральной революции *Адам Михник*
179

После СНГ: одинокчество России

Михаил Делягин

Серия «цветных» революций в ряде государств постсоветского пространства резко изменила ближайшее окружение России, создав качественно новую геополитическую реальность. К сожалению, руководство нашей страны до сих пор не только не предприняло попыток скорректировать в этой связи свою политику (как внешнюю, так и внутреннюю), но и даже не продемонстрировало стремление к осознанию масштаба произошедших изменений.

ПРИНЦИП «БОЛЬШОГО РАЗМЕНА»

Анализ внешнеполитических действий российского руководства в первую «пятилетку Путина» создает ощущение последовательного отказа от всех возможностей влияния на страны дальнего зарубежья. Здесь и уход с принципиально значимых в стратегическом отношении военных баз в кубинском Лурдесе и во вьетнамской бухте Камрань, и крайняя сдержанность в вопросах сотрудничества со многими традиционными партнерами, и несамостоятельная позиция в международных организациях, и списание колоссальных долгов (которые, даже будучи безнадежными, являются инструментами влияния), что превратило далекую от процветания Россию в крупнейшего донора Третьего мира, и многое другое.

И общая направленность, и конкретные недочеты российской внешней политики последних лет обусловлены не столько идеологическими установками, сколько стремлением действовать по схеме «большого размена» с развитыми странами, в первую очередь с США. Кремль прагматично преследует вполне конкретную цель —

М.Г. Делягин — д. э. н., председатель Президиума — научный руководитель Института проблем глобализации.

«обменять» остатки своего влияния в дальнем зарубежье (которое унаследовано от СССР и с которым, в общем, непонятно, что делать) на признание развитыми странами его доминирующей роли на постсоветском пространстве, исключая «подобранную» Европейским союзом Прибалтику.

Конечно, принципиальное отсутствие в России специализированных структур, занимающихся анализом, выработкой и согласованием (как с собственными «внутриполитическими» ведомствами, так и с иными государствами) ее внешней политики, не может не накладывать отпечаток на адекватность действий государства в этой сфере. Однако даже знаменитое «ситуативное реагирование» все равно не может осуществляться вне некой общей парадигмы, пусть не формализовавшейся, но подразумеваемой большинством участников внешнеполитического процесса.

В целом схема «большого размена» работала успешно. На всем протяжении «оранжевой революции» представители США вели себя на редкость корректно. Они не противодействовали ни возможной победе Виктора Януковича, ни потенциальной реализации более жестких сценариев, способных впоследствии получить поддержку со стороны официальных российских властей.

В Грузии, где западные фонды, как широко утверждалось, сыграли весьма важную роль, принципиально значимую часть революционных задач на самом важном – первом – этапе выполнили российские акторы, стремившиеся к скорейшему решению ряда конкретных проблем (например, к прекращению полетов вдоль южных границ России самолетов, оснащенных системой АВАКС, или к организации совместного патрулирования границы). Что же касается «тюльпановой революции» в Киргизии в конце марта – начале апреля 2005 года, то она вообще оказалась полной неожиданностью для развитых стран.

Таким образом, до самого последнего момента Запад был готов передать российскому управляющему классу глобальную ответственность за состояние не очень существенного, но потенциально опасного постсоветского пространства. Однако в конечном итоге эта схема рухнула из-за одностороннего нарушения ее не развитыми странами, а российскими чиновниками, еще раз продемонстрировавшими неспособность управлять чем бы то ни было. Разумеется, сыграла свою роль и пресловутая административная реформа, парализовавшая государственный аппарат, но она лишь сделала бо-

лее явной неэффективность бюрократии, полностью освободившейся от контроля со стороны общества.

СМЫСЛ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

С легкой руки отдельных российских политиков стало модным считать Содружество Независимых Государств исключительно «ликвидационной конторой», призванной обеспечить «цивилизованный развод» и смягчить «фантомные имперские боли» России. Если трактовать значение СНГ лишь в этом узком смысле, то очевидно: его миссия действительно завершена, потребность в нем отпала, и оно должно окончательно переродиться в клуб региональных лидеров, которые время от времени будут вести друг с другом ни к чему не обязывающие беседы и иногда реализовывать совместные гуманитарные программы.

Однако постсоветская интеграция, как таковая, обращена не только в прошлое, но и в будущее. Ведь региональная интеграция — единственный способ выживания относительно слабо развитых стран в условиях неуклонного обострения международной конкуренции, обусловленного глобализацией. Потребность России в постсоветской интеграции носит сугубо практический характер и связана прежде всего с тем, что Советский Союз, при всей разнородности его территории, являлся единым живым организмом, все части которого зависели друг от друга. Между тем за 14 лет, прошедших после разделения СССР на независимые государства, большинство хозяйственных, политических и человеческих связей, соединявших бывшие советские республики в единое целое, разрушены.

Решить же за истекший период позитивную задачу — обеспечить условия для успешной эволюции вновь созданных государств — так и не удалось. Более того, несмотря на отдельные безусловные успехи, ни одна из этих стран не демонстрирует способность к самостоятельному развитию, а следовательно, и к нормальному функционированию в будущем. (Единственным исключением, и то с весьма существенными оговорками, может быть признана лишь Россия.)

Безболезненность выхода Польши, Финляндии и стран Прибалтики из состава Российской империи после Великого Октября во многом объяснялась тем, что империя, прежде чем отпустить народы этих стран в самостоятельное плавание, «воспитала» их до уровня, позволявшего самостоятельно существовать в Европе. В этом заключалось ее принципиальное отличие от западных империй, которые

предоставляли независимость в том числе и неподготовленным к самостоятельному развитию народам, что вело к социальным катастрофам и деградации, как, например, это имеет место в большинстве государств современной Африки. Распад Советского Союза был страшен не сам по себе, а именно тем, что независимость получили общества, не готовые к ней, не доросшие до того, чтобы самим управлять своей судьбой. Когда Россия фактически отказалась влиять на них, она проявила преступную безответственность и в итоге принесла неисчислимы бедствия якобы освобожденным ею народам.

Во всех постсоветских государствах к власти пришла бюрократия, вообще не способная обеспечивать грамотное управление. Ни одно из них не является экономически самостоятельным и не может обойтись собственными силами (даже богатейшая Украина, как показывает практика, обеспечивает свои потребности прежде всего за счет воровства российского газа). Ни одному из них (за исключением стран Балтии, сразу взятых Евросоюзом под свое крыло) не удалось обеспечить не то что советский, а просто приемлемый уровень жизни. Все это, конечно, не только наследие (которое в принципе может быть когда-нибудь изжито) тоталитарного режима с его «разлагающим влиянием», но и результат объективных экономических процессов.

Таким образом, Россия оказалась окружена полукольцом территорий, не способных к саморазвитию и нуждающихся во внешней поддержке, причем не только и не столько финансовой, сколько политической, организационной и моральной. По сути дела, в постсоветских странах, большинство которых прошли через массовое изгнание русскоязычного населения (по существу, этнические чистки) и массовую же эмиграцию специалистов, надо заново создавать общества.

Но за решение этой задачи развитые страны взяли только в одной, наиболее цивилизованной части постсоветского пространства — в Прибалтике. Даже самые оптимистичные прогнозы исключают возможность того, что они расширят сферу своей реальной ответственности на какие-либо другие страны, кроме разве что небольшой Молдавии. (Китай, опираясь на Шанхайскую организацию сотрудничества, проявляет большой интерес к стабилизации в Центральной Азии, но он не только не сможет, но и не захочет действовать в этом направлении в одиночку, без участия России).

Это означает, что всем остальным странам постсоветского пространства не останется ничего другого, как либо развиваться при

действенной помощи России, либо не развиваться вообще, продолжая деградировать. Между тем деградация постсоветского пространства приведет к возникновению там хаоса, что неминуемо будет означать и хаотизацию нашей страны. Противостояние хаосу на дальних, постсоветских рубежах принесет России больший эффект и позволит сэкономить значительно больше средств, чем наведение порядка внутри нашего общества.

Иначе говоря, если российское руководство не хочет получить в Москве второй миллион не интегрирующихся с коренным населением азербайджанцев, оно должно приложить усилия для нормализации развития Азербайджана и неуклонного повышения уровня жизни его населения. Если руководство России желает остановить пандемию наркомании, ему следует обеспечить такое развитие Таджикистана, которое позволило бы его населению зарабатывать на жизнь созидательным трудом, а не только транзитом афганского героина.

Одним словом, требуется неуклонное углубление и наращивание постсоветской интеграции. Понятно, что усилия подобного рода приобретают длительный, а следовательно, и успешный характер только в том случае, если они взаимопользны и, кроме того, предусматривают коммерческую выгоду для негосударственных, включая и российских, участников. Стало быть, разумный подход России к своей территории и к собственному внутреннему рынку — как товаров, так и рабочей силы — мог бы лечь в основу ее политики в отношении новых суверенных стран — бывших союзных республик.

Постсоветские государства привыкли считать доступ к внутреннему рынку России и возможность транзита через ее территорию чем-то само собой разумеющимся. Между тем простое уважение их суверенитета требует отношения к ним как к равноправным и соответственно обособленным субъектам международной жизни, в том числе и в том, что касается доступа к российским рынкам и территории.

Это не означает некоего «нового изоляционизма» — просто Россия должна начать по-хозяйски относиться к своим владениям и, в частности, воспринимать свои рынки и свою территорию именно как свои, а не как находящиеся в чужой собственности или, по крайней мере, в свободном доступе для всех желающих. В рамках данной парадигмы логично рассматривать доступ к своему рынку и к своей территории как услугу, подразумевающую ответные услуги, например такие, как предоставление российскому капиталу преимущественных прав на приобретение тех или иных объектов собствен-

ности и особый статус граждан России на территории соответствующих стран. Подобные встречные услуги и станут своего рода «платой за развитие».

ПРОБЛЕМА СОТРУДНИЧЕСТВА С УКРАИНОЙ

В настоящее время уже практически не вызывает сомнений тот факт, что «оранжевая революция» в Украине окончательно развеяла надежды на интеграционистские возможности Содружества Независимых Государств в его современном виде. Действительно, только представители российской бюрократии с ее навыками самоотверженного игнорирования реальности могут делать вид, что жесткая европейская ориентация нынешнего руководства Украины никак не разрушает идею Единого экономического пространства. Ведь если Европейский союз не желает даже говорить о возможном включении в его состав Украины, то это отнюдь не означает, что со стороны украинского руководства не последует односторонних шагов, не только исключая углубление ее интеграции в Россию, но и, напротив, ведущих к неминуемой дезинтеграции экономик двух стран.

Так, Украина намеревается снизить пошлины на импорт европейского продовольствия (причем его производители получают наибольшие объемы субсидирования в мире) с нынешнего запретительного уровня до 10–20 %. Понятно, что данная мера вынудит Россию ввести в отношении Киева новые серьезные ограничения, с тем чтобы не допустить уничтожения собственного сельского хозяйства. Это в свою очередь и резко осложнит переговоры России о ее членстве в ВТО (а с ними – и весь комплекс отношений с развитыми странами), и обострит ее отношения с нынешним украинским руководством.

Существует и проблема сворачивания в соответствии с интересами Запада украинского ВПК, в том числе предприятий, жизненно важных для российского оборонного комплекса. Нельзя исключать возможность того, что украинская конверсия, осуществляемая на американские деньги (или, по крайней мере, под американские обещания), создаст сложности даже для стратегической компоненты российской обороноспособности.

Возможно, в ближайшие годы актуальной станет и защита некоторых видов российской собственности в Украине, в первую очередь недвижимости в Крыму, принадлежащей в том числе гражданам России – физическим лицам. Вместе с тем не вызывает сомне-

ния, что возрастет роль Украины как убежища российских собственников, прежде всего средних и мелких, ищущих спасения от произвола и насилия со стороны «силовой олигархии» (под этим термином понимается доминирующий в современной России социальный слой, представители которого связаны с государственными структурами и широко применяют насилие от имени Российского государства и якобы в его интересах или угрозу применения такого насилия для личного обогащения).

Обострятся традиционные разногласия, связанные с оплатой Москвой газового транзита, с одной стороны, и «несанкционированным отбором» газа Киевом — с другой, не говоря уже о противоречиях по такому болезненному для Украины вопросу, как цена на российский и туркменский газ. Наконец, действия нынешних украинских лидеров по сдерживанию цен на нефтепродукты способны сильно ударить по карману российских нефтяников. (От этого могут пострадать и «силовые олигархи», которым отечественные нефтяные компании, работающие в Украине, вынуждены передавать значительную часть своих доходов. Поскольку решающую роль в определении российской политики играет как раз «силовая олигархия», можно ожидать и существенных политических — правда, асимметричных — шагов).

Российское руководство до сих пор не выработало свое отношение к указанным проблемам, и значит, эти проблемы, пока еще внешние, будут в дальнейшем только обостряться и постепенно превратятся во внутренние.

НАСТУПЛЕНИЕ ИСЛАМА

Главная же угроза дестабилизации России исходит, конечно, от стремительной экспансии радикального ислама. Вопреки расхожему мнению, распространение исламистских настроений в постсоветских государствах обусловлено не столько внешними, сколько внутренними факторами: последовательно проводимая и поддерживаемая Россией социально-экономическая и административная политика правительств этих стран такова, что ислам там становится единственным общедоступным инструментом реализации присущей человеку тяги к справедливости.

Надо отметить, что ислам, проповедующий идеи социальной справедливости, повсюду завоевывает новые позиции; на постсоветском же пространстве эта тенденция проявляется особенно яр-

ко вследствие резкого падения уровня жизни и всеобщего ощущения безысходности. Социальный характер современного ислама практически ставит его на место дискредитированной коммунистической идеологии. (Интересно, что партия «Хизб-ут-Тахрир», имеющая широкую сеть по всей российской территории, стремится к построению всемирного исламского государства, допуская возможность его создания поначалу и «в отдельно взятых» странах, в частности в России.)

Главная причина восстания в Киргизии – невыносимые условия жизни большинства населения. Аналогичные проблемы – в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении. Киргизская революция привела к власти представителей так называемых южных кланов, которые традиционно, несмотря на жесткие контрмеры Аскара Акаева, укрывали у себя представителей Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и соответственно были связаны с наркомафией.

Что касается восстания в узбекском Андижане, то его успешное подавление режимом Ислама Каримова не является стратегически значимым, поскольку не устранены ни причина восстания – массовая нищета и отчаяние, ни «субъективный фактор» будущей революции в лице ИДУ. В этих условиях ужесточение репрессий лишь провоцирует выступления против власти.

В стратегическом плане свержение Каримова представляется почти неизбежным. Между тем плоды народного восстания в исламских странах обычно пожинают силы, связанные с радикальными исламистами. Революция в Киргизии не станет исключением. Она неминуемо активизирует деятельность радикальных исламистских структур и, весьма вероятно, приведет к формированию, по крайней мере в Ферганской долине, исламского государства, существующего в значительной степени за счет наркобизнеса, – аналога Афганистана времен талибов, только на тысячу километров ближе к России. Поэтому Москве надо сделать все, чтобы избежать такого хода событий, прежде всего добиться от киргизского руководства смены социально-экономического курса – единственной меры, способной предотвратить массовые беспорядки в стране. Но с этой задачей российская бюрократия не справится не только из-за своей неэффективности, но и из-за присущего ей пренебрежения социальными интересами граждан (как собственных, так и любых других). Последствия такого сценария нетрудно предугадать. Это – дальнейшее продвижение радикального ислама, грозящее разделени-

ем российского общества на две различные общины, а также усиление террора и новый виток пандемии наркомании.

«ЦВЕТНЫЕ» РЕВОЛЮЦИИ И РОССИЯ

Таким образом, драматическое ослабление влияния российской бюрократии на ближнее зарубежье привело к появлению качественно новых проблем, которые она не в состоянии решить и которые могут способствовать дестабилизации российского общества, повышая вероятность революционного развития.

При всех своих национальных особенностях «цветные» революции имеют общие родовые черты. Прежде всего это насильственная смена власти, организованная небольшой энергичной группой людей и осуществляемая под прикрытием демократических процедур и лозунгов; при этом, как показал киргизский опыт, наличие сильной организованной оппозиции, не говоря уже о популярных и эффективных лидерах, не обязательно.

Важнейшим фактором революции является иное — массовый характер недовольства (и в том числе непременно в среде элиты) правящим режимом и неадекватность последнего, то есть неспособность упредить революцию, удовлетворив хотя бы наиболее острые потребности общества.

С этим условием в современной России всё в порядке: почва подготовлена. 85 % населения страны — малоимущие (по данным социологических исследований Центра Юрия Левады, к таковым относятся граждане, которые не имеют денег на покупку простой бытовой техники), значительно пострадавшие в результате монетизации льгот и с недоверием относящиеся к грядущей коммунальной реформе. При этом суть сложившейся политической системы состоит в освобождении и государства, как такового, и обслуживающих его чиновников от какой-либо ответственности, в том числе перед населением. Демонстрируя формальную лояльность высшей власти, бюрократия получила полную свободу произвола. Демократия, как институт принуждения государства к несению ответственности перед обществом, практически искоренена.

Правящая бюрократия умудрилась восстановить против себя наиболее значимые для российской политической жизни «группы влияния». Региональные элиты лишились политических прав, не получив никаких компенсаций. И даже силовые структуры — опора правящей бюрократии — подверглись сильнейшему унижению в хо-

де монетизации льгот и раздражены откровенной неспособностью руководства страны защищать национальные интересы (особенно болезненно они воспринимают именно провалы на постсоветском пространстве, являющемся в их глазах «задним двором» России).

Нынешняя модель экономики в принципе не способна к саморазвитию. Она представляет собой некий устойчивый симбиоз: с одной стороны, либеральные фундаменталисты, отбирающие у населения деньги в пользу бизнеса в ходе псевдолиберальных реформ, с другой — «силовая олигархия», отнимающая эти же деньги у бизнеса для непроизводительного потребления. При этом растущие аппетиты «силовых олигархов» (по некоторым оценкам, уже в 2004 году их доля достигала 25 % оборота ряда крупных коммерческих предприятий) не позволяют большинству видов бизнеса нормально развиваться.

В этих условиях все более актуальным становится вопрос не о смене власти, как таковой, а о модели этой смены.

Ясно, что российский вариант будет отличаться от украинского. У нас можно ожидать иную степень озлобленности народа, наличие сильнейшего исламского фактора (ведь исламские общины практически не имеют представительства на федеральном уровне), а также реальное воздействие на ситуацию со стороны международного (а не только чеченского и дагестанского) терроризма.

Отличия от другого крайнего — киргизского — сценария тоже очевидны. Поскольку российскому обществу не свойственно клановое устройство, российские «революционеры» будут вынуждены делать ставку не на «своих», а на привлекательные и хоть как-то проработанные идеи. Вместе с тем не вызывает сомнения, что российская власть окажет серьезное сопротивление, которое выкует последовательных и дееспособных лидеров из аморфного оппозиционного конгломерата.

Таким образом, нестабильность в ряде стран СНГ, вызванная срывом процессов постсоветской интеграции в результате неадекватных действий нынешней российской бюрократии, может стать катализатором драматических процессов оздоровления политической системы в России. К власти должно прийти новое поколение политиков, ответственных перед своей страной и способных осуществить как модернизацию самой России, так и постсоветскую реинтеграцию.

«Оранжевая революция»

Тимоти Гартон Эш, Тимоти Снайдер

Прошлой осенью Украина впервые в истории оказала глубокое воздействие на политическое сознание мирового сообщества. В ходе так называемой «оранжевой революции» огромные толпы людей в оранжевых шарфах собрались, несмотря на мороз, на площади Независимости в Киеве, требуя проведения справедливых президентских выборов. Они победили. Теперь, с приходом к власти Виктора Ющенко, Украина получила возможность продвигаться по пути, который, как надеются новый президент и его союзники, приведет и к эффективной демократии, и к рыночной экономике, которая будет развиваться в условиях верховенства закона, и к членству в Европейском союзе.

Наблюдатели поставили революционные события в Украине в один ряд с мирными демократическими революциями — от «бархатных революций» 1989 года в Центральной Европе до грузинской «революции роз» в 2003-м и революции в Ливане, которую уже успели окрестить «кедровой». Остается понять, как и почему произошла эта перемена и какими могут быть ее последствия.

ТРУДНОЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

История Украины начала свой отсчет тысячу лет назад, когда правители государства, в котором процветали торговля и ремесла, с центром в Киеве приняли из рук Византии христианство. После та-

Тимоти Гартон Эш — профессор кафедры Европейских исследований Оксфордского университета (Великобритания) и ведущий научный сотрудник Гуверовского института (Стэнфорд, США). **Тимоти Снайдер** — профессор истории Йэльской университета (США). Данная статья впервые опубликована в журнале *The New York Review of Books* в номере от 28 апреля 2005 года.

таромонгольского нашествия Киев и окрестные земли отошли к объединенному польско-литовскому государству (Речь Посполитая, 1569–1795. — Ред.), где украинцам довелось испытать влияние Ренессанса и контр-Реформации. По мере того как Россия расширялась в сторону запада, образованные жители Украины переходили на службу Российской империи. Украинский язык, родственник как польскому, так и русскому, позволял им легко ассимилироваться. Под воздействием националистических веяний в XIX веке русские стали рассматривать украинцев в качестве одного из ответвлений собственной нации. (Левобережная Украина получила автономию в составе Российской империи в 1654-м в результате освободительной войны против польской шляхты под руководством Богдана Хмельницкого; Правобережная Украина вошла в состав России в конце XVIII века. — Ред.). В то же самое время идеологи национального украинского движения заговорили об украинской культуре как об отдельном явлении.

Однако Украине не удалось добиться независимости в 1918 году. Попытки обрести собственную государственность были заблокированы большевиками и польской армией. Вудро Вильсон не считал Украину самостоятельной нацией, и западные державы уступили украинские земли русской белой армии в надежде на то, что ей удастся покончить с большевизмом. В 1921-м произошел раздел Украины между Советами и Польшей. Большевики предоставили Украине значительные территории внутри новообразованного Советского Союза, но вместе с тем уничтожили ее крестьянство в ходе коллективизации, подчинили себе и разложили Украинскую православную церковь, а также ликвидировали местную интеллигенцию. Среди самых чудовищных преступлений Сталина — спровоцированный в 1932–1933 годах голод, унесший жизни по меньшей мере трех миллионов жителей Советской Украины. В 1941-м, оккупировав украинские земли, на смену сталинскому режиму пришли нацисты, которые, считая украинцев низшей расой, жестоко обходились с ними. В огне Холокоста еврейское население Украины было практически полностью уничтожено, при этом небольшая часть украинцев оказывала пособничество немецким оккупантам. Украинские националисты совершали нападения на своих соседей-поляков и убивали их. Вместе с тем сотни тысяч украинских солдат нашли свою смерть в немецких концлагерях. Отец Ющенко, переживший Освенцим, оказался одним из немногих, кому посчастливилось выжить.

С возвращением советской власти по окончании войны украинские земли были объединены в одну административную единицу. В 1945-м Сталин аннексировал польские территории Западной Украины с ее населением, обладавшим совсем иным политическим опытом. Часть жителей оказались выходцами из Галиции, являвшейся с 1772 по 1918 год провинцией в составе империи Габсбургов, а затем — Польши. Западные украинцы были преимущественно грекокатоликами и принадлежали к униатской церкви, признающей доминирование Ватикана при сохранении православного церковного обряда. В период между двумя мировыми войнами украинцы — жители Галиции являлись гражданами Польши, руководители которой, хотя и демонстрировали все возрастающую авторитарность, но в целом допускали свободу самовыражения и признавали власть закона. После 1945-го Никита Хрущев, занимавший в то время ответственный партийный пост на Украине, возглавил процесс усмирения народов Западной Украины. Именно он в 1954 году присоединил Крымский полуостров к Советской Украине (в это время он уже работал в должности первого секретаря ЦК КПСС — Ред.), придав республике ее нынешние очертания.

Те элементы гражданского общества — частные крестьянские хозяйства, церковь, интеллигенция, — которые помогали готовить «бархатные революции» в более удачливых Польше и Чехословакии, оказались в Украине ослаблены или уничтожены советской властью. И все же ко времени крушения Советского Союза в 1991-м Украина имела собственное название, столицу и место на политической карте. Однако становление украинской независимости происходило без участия широких народных масс. Ее основания были достаточно хрупкими. Многие в России отказывались признавать независимость Украины как реально существующую.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

В 1990-е годы Украина представляла собой выборную демократию, вставшую на неровный путь развития постсоветской формы капитализма. С 1994 по 2004 год режим президента Леонида Кучмы, в котором почти все значимые фигуры подбирались самим главой государства, использовал всё более коррумпированные, жесткие и недемократические методы. Кучма стал инициатором создания так называемого «шантажирующего государства». Его администрация, сама поощряя повсеместную коррупцию, шантажировала чиновников

и частных лиц, угрожая предъявить компромат, то есть доказательства вины, тщательно собираемые тайной полицией. Кроме всего прочего, Кучма поддерживал тесные связи с некоторыми новыми украинскими магнатами, закрывая глаза на их попытки захватить государственные активы, в первую очередь уголь, сталь и природный газ, предоставляя им льготы в обмен на политическую поддержку. Казалось, что система работает...

После Первой мировой войны украинский консервативный историк и политик Вячеслав Липинский с оптимизмом смотрел в

будущее, веря, что даже коррумпированное украинское государство, просуществовав какое-то время, сможет создать собственную нацию. Богатые приспособятся к его законам и захотят завязать отношения с государственными чиновниками. Люди, не связанные с украинской культурой, смогут почувствовать себя гражданами украинского государства, если будут представлены в его институтах. В 1990-е годы эти идеи подверглись испытанию практикой. Проворные предприниматели завладевали бывшими государственными активами, создавали и эксплуатировали монополии, осуществляли прибыльные капиталовложения. На самом востоке Украины, рядом с российской границей, сын шахтера Ринат Ахметов, начав с угля и стали, ско-

Леонид Кучма – кавалер почетной медали «10 лет коту под хвост»

лотил состояние, которое в настоящее время оценивается более чем в три миллиарда долларов. За счет финансирования политических партий эти олигархи — в основном русскоговорящие жители левобережья — обеспечили свое избрание в парламент. Многие переехали в Киев и добились благосклонного отношения Кучмы. Один из них, Виктор Пинчук, женился на дочери президента. Эти олигархи были кровно заинтересованы в том, чтобы Украина выжила. В составе России или в случае реставрации Со-

ветского Союза они оказались бы мелкой рыбешкой в большом водоеме и их связи потеряли бы былое значение.

При Кучме Украина утвердила у себя институты и символы независимой государственности, у нее появились посольства, армия и собственная полиция. Национальный гимн, который в короткий период независимости вскоре после Первой мировой войны являлся гимном Украинской народной республики (ноябрь 1918 — ноябрь 1920), был восстановлен в 1992-м, и его текст претерпел изменения в 2003 году. Украинский язык стал государственным. Несмотря на то что большинство представителей политической элиты предпочитали говорить по-русски в неформальной обстановке, публичное использование украинского языка стало знаком, отражавшим факт создания государственности. Сам Кучма издал книгу под названием «Украина — не Россия».

В 2004-м система, созданная Кучмой, сама себе нанесла поражение. Виктор Пинчук и Ринат Ахметов приобрели «Криворожсталь», хотя они предложили за нее на 800 миллионов долларов меньше, чем консорциум во главе с *US Steel*. Услуга за услугу: Ахметов помог финансировать президентскую кампанию премьер-министра и преемника Кучмы Виктора Януковича. Если бы Янукович стал президентом, Украина осталась бы независимой, но ее ресурсы оказались бы под еще более жестким контролем небольшой группы олигархов. Однако, выстраивая свою систему, Кучма упустил из виду два важных фактора. Во-первых, украинцы обладали правом голоса, а режим Кучмы и его кандидат, чрезвычайно непривлекательный политик с двумя судимостями в юности, не пользовались популярностью. Во-вторых, далеко не каждый из тех, кто имел деньги и власть, был доволен режимом.

Например, Юлия Тимошенко, которую называли «газовой принцессой», относилась к разряду олигархов, затаивших обиду. Экономист из Днепропетровска, восточнукраинского промышленного центра, она сделала состояние на спекуляциях с природным газом, используя лазейки, позволявшие государственным фирмам расплачиваться за энергоносители не наличными, а товарами, которые можно было перепродать. Таким образом маклеры или посредники множили свои капиталы. Затем эти самые лазейки были закрыты Тимошенко, занимавшей в 1999—2001 годах министерский пост. «Газовая принцесса» вынудила энергетический сектор стать частью рыночной экономики. Вместе с Виктором Ющенко, который на то время являлся премьер-министром, а прежде возглавлял Центральный банк, она работа-

ла над реформированием украинской экономики. Кучма уволил их обоих и отправил Тимошенко за решетку. Неустранимость и упорство сделали ее привлекательной фигурой. Вскоре она была освобождена. Однако именно Ющенко стал самым популярным украинским политиком. Ему удалось привлечь на свою сторону предпринимателей, поверивших в возможность добиться процветания в условиях такой экономики, в которой власть закона важнее связей с режимом.

ЖАРКАЯ ЗИМА - 2004

В ноябре 2000-го в лесу под Киевом нашли обезглавленное тело Георгия Гонгадзе — журналиста, известного своей критикой в адрес Кучмы. С аудиокассет, умышленно подброшенных одним из телохранителей Кучмы, звучал голос, похожий на голос президента, отдававшего распоряжения ликвидировать Гонгадзе. В течение нескольких месяцев украинцы митинговали на улицах, скандируя «Украина без Кучмы». Протестующие студенты построили в Киеве палаточный городок. Хотя их движение и потерпело неудачу, но эта общенародная мобилизация явилась новым опытом для тысяч украинцев.

Спустя три года Виктор Ющенко возглавил акцию «Зажги свечу» в память о миллионах жертв голода 1932 и 1933 годов в Украине. Президентская кампания была уже в разгаре, и многие украинцы восхищались обращением Ющенко, в котором тот попросил собравшихся не забывать о своей истории. Однако его оппонент, премьер-министр Янукович, пользовался поддержкой Кучмы и получал финансовую помощь от олигархов. Он также имел неограниченный доступ к телеэфире. Не имея такой возможности, Ющенко стремился лично встречаться с избирателями. Отвечая на телевизионные нападки, он посещал села, обменивался рукопожатиями и непосредственно общался с людьми.

В сентябре 2004-го, за несколько недель до выборов, Ющенко был отравлен диоксином. Первые симптомы проявились после ужина со старшими офицерами госбезопасности, хотя связь отравления с этим обстоятельством не установлена. Его прежде привлекательное лицо оказалось практически полностью обезображено. Это «лицо сегодняшней Украины», — сказал Ющенко. Из администрации Кучмы на телевизионные каналы поступила негласная инструкция оценивать утверждения об умышленном отравлении как «наглуемую ложь» и предвыборный трюк. На телеканале, который принадлежал близкому к Кучме олигарху Виктору Медведчуку, высказывалось

предположение, что болезнь кандидата в президенты явилась следствием его собственных сомнительных привычек.

Несмотря на все эти препятствия, Ющенко собрал большинство голосов в первом раунде президентских выборов, состоявшихся 31 октября 2004 года. В ходе второго тура 21 ноября режим Кучмы скоординировал кампанию по фальсификации итогов голосования. В тот вечер было объявлено о победе Януковича с преимуществом примерно в 3 процента. Президент Владимир Путин поспешил поздравить его. Однако результаты независимых и профинансированных Западом экзит-полов доказывали, что победу одержал именно Виктор Ющенко.

Так — с протестов против мошеннических выборов — началась «оранжевая революция». Если режим Кучмы доминировал на телевидении, то студенческое движение под названием «Пора» пользовалось Интернетом, черпая в нем информацию о том, как организовывались движения протеста в других странах от Словакии до Грузии. Использование Всемирной паутины было новым явлением в истории восточноевропейских «бархатных революций». «Я не дитя Интернета», — сказал в 1997 году один из участников студенческой демонстрации в Белграде, — но я хотел бы им быть». Когда рано утром в понедельник украинские студенты начали сооружать палаточный городок на главном торговом бульваре Киева, их веб-сайт немедленно (в 02:33:11 пополуночи) распространил эту информацию по всему миру на английском языке. Впоследствии молодые люди объясняли свои действия тем, что ожидали от режима фальсификации результатов второго тура, а потому заблаговременно подготовились к ответным действиям. В то же утро понедельника многие украинские дипломаты — как в Киеве, так и за границей — объявили о своей «полной и безоговорочной поддержке» Ющенко. Их заявление, сделанное по электронной почте, облетело весь мир.

Однако именно реакция простых людей кардинальным образом изменила положение вещей. Сначала на демонстрацию вышли тысячи граждан Киева, затем сотни тысяч; вскоре после этого люди из других регионов страны откликнулись на призыв приехать в столицу.

Эти ничем не примечательные люди вершили исключительное по своей значимости дело. Происходившее разительно напоминало пражские события-1989 или Польшу времен первой революции «Солидарности» в 1980 и 1981 годах. Но если в Польше четверть века тому назад в авангарде шли рабочие и крестьяне, то здесь это был едва оперившийся средний класс.

В революционные дни осенью прошлого года Ющенко и Тимошенко обычно появлялись вместе на импровизированной сцене, установленной на площади Независимости: следы отравления теперь выглядели как шрамы национального героя, а «газовая принцесса» превратилась в «богиню революции», хотя все это время больше напоминала Марию Антуанетту.

Первой заповедью «оранжевых революционеров» являлось безусловное воздержание от любого насилия, что составляло наиболее существенное отличие бархатных революций от якобинской и большевистской моделей 1789 и 1917 годов. Представители сил безопасности отступили в последний момент, так и не решившись применить силу в отношении протестующих. Площадь Независимости оставалась заполненной манифестантами благодаря усилиям Ющенко, Тимошенко и их союзников, которые окружили мирными пикетами правительственные здания и ждали, когда представится шанс для переговоров.

Верховный суд распорядился, чтобы Центральная избирательная комиссия не объявляла о победе, пока не появятся итоги расследования. 3 декабря Верховный суд признал, что фальсификация результатов выборов действительно имела место, и постановил повторно провести второй тур выборов 26 декабря. Тем временем Ющенко при поддержке международных посредников в ходе целого ряда встреч за «круглым столом» заключил сделку с уходящим президентом Кучмой, который согласился отойти в сторону и больше не поддерживать Януковича. В свою очередь Ющенко дал согласие на сокращение президентских полномочий. 8 декабря Верховная рада приняла соответствующие поправки к Конституции страны. Так что уже во время революции появились признаки благотворного разделения властей: судебная власть, отправляющая правосудие, исполнительная ветвь, наделенная меньшим набором полномочий, а также законодательная, наиболее могущественная, ветвь.

В результате переголосования второго тура выборов Виктор Ющенко победил. В январе он торжественно вступил в должность президента. Кандидатуру Тимошенко на пост премьер-министра утвердили 4 февраля. Сегодня новое украинское правительство стремится приблизить свою страну к западноевропейским стандартам в сфере экономики и политики. Вернув несколько незаконно приватизированных компаний под государственный контроль, с тем чтобы заново выставить их на продажу, новое правительство пообещало впредь уважать право собственности. Чтобы получить налоги от людей, сколо-

тивших состояние сомнительными путями, Ющенко предложил им амнистию. В самой быстрорастущей экономике Европы, где рост ВВП в 2003 году составил 9,6 %, а в 2004-м, по некоторым оценкам, 12 %, есть где использовать вновь нажитые значительные средства.

Олигархи, которые поначалу противодействовали избранным лидерам, теперь, похоже, нехотя, но принимают новый порядок. На Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2005-го Пинчук поведал одному из авторов этой статьи, что он поддержит новую власть в том случае, если с ее стороны не последует незаконных действий. По его мнению, Ринат Ахметов, главный олигарх в восточной Украине, видимо, поступит так же. Они хотят только уважения к закону, сказал Пинчук. Каждому, кто знаком с их послужным списком, эти слова могут показаться не более чем уловкой; но такая хитрость полезна.

«ВСЯ СТРАНА ГОВОРIT ПО-РУССКИ!»

Большое значение придавалось тому общепризнанному факту, что история, язык и религия зримо разделили население Украины на жителей украинизированного запада и русифицированного востока страны. В действительности же все обстоит гораздо сложнее. Украина — многоконфессиональная страна, где, в частности, проживает значительное число греко-католиков. Но всё же православные верующие составляют большинство, и их голоса разделились между двумя кандидатами. Культура и история влияют на современную политику, но не определяют ее — вопреки утверждениям Самьюэла Хантингтона («Столкновение цивилизаций»). Один украинский историк отметил, что, чем дальше та или иная часть Украины находилась в прошлом под властью Польши, тем выше вероятность того, что после распада Советского Союза местные избиратели поддержат кандидатов, делающих ставку на украинский патриотизм. На первых президентских выборах в 1991 году кандидат от движения за независимость «Рух» победил в тех областях страны, которые в течение 500 лет находились под властью Польши. А в 1994-м прозападный кандидат набрал большинство голосов уже там, где Польша правила на протяжении трех веков. В 2004 году Ющенко дополнил этот список за счет областей, находившихся под управлением Польши всего столетие. Таким образом, Западная Украина постоянно расширяется на восток.

«Вся страна говорит по-русски!» — бросил в те дни явно раздраженный президент Путин. Но фактически страна двуязычна.

Советский режим добивался того, чтобы образованные украинцы говорили на русском языке — родственном, но все же совершенно ином славянском языке. Сегодня на западе Украины некоторые молодые люди не умеют писать по-русски; в то же время немало украинцев и русских, проживающих на юге и востоке Украины, никогда не говорят по-украински. Но большинство людей владеют и тем, и другим языком, и многие из них переключаются с одного на другой в зависимости от настроения или от обстоятельств — часто в середине фразы. Но все же не язык, а политические предпочтения предопределили исход выборов. Ющенко получил решительное большинство голосов там, где население является преимущественно русскоязычным: в Полтавской области его поддержали 66 % избирателей, в Черниговской — 71 %, в Сумской — 79 %, в Киеве — 78 %.

Киев — русскоговорящий город, но его жители знают, когда говорить по-украински. Так, главная площадь столицы — это всегда «майдан Незалежності», даже если речь о нем идет на русском. Во время избирательной кампании Ющенко и Тимошенко общались с людьми по-украински. Объявив о победе революции 8 декабря и приложив руку к сердцу, Ющенко задавал тон толпе, певшей государственный гимн, — этот лишь недавно приобретенный обычай, по-видимому, был заимствован у американских президентов. Собравшиеся на площади русскоговорящие киевляне приложили руку к сердцу и тоже спели или, по крайней мере, попытались спеть гимн на украинском: «Ще не вмерли України ні слава, ні воля...».

По сравнению с Кучмой и Януковичем Ющенко и Тимошенко лучше владеют как русским языком, так и украинским. И президент, и премьер-министр — выходцы с востока Украины (еще одно свидетельство того, что украинская идентичность не ограничивается Западной Украиной). Однако они понимают, что им придется отстаивать свою правоту и на востоке страны — перед тамошними шахтерами и сталелитейщикам. Сразу после революции они вместе отправились в Донецк — восточный бастион Ахметова, чтобы встретиться с сомневающимися. «Богиня революции» появилась на ахметовском телеканале. Отвечая на недружелюбные вопросы на русском, она защищала свою точку зрения. «Вся страна говорит по-русски!» — этот факт не столь благоприятен для президента Путина, как ему хотелось бы.

«МАГНИТ ЕВРОПЫ»

Правительство Путина гневно обвинило Соединенные Штаты и Евросоюз в том, что они раздувают огонь «оранжевой революции» извне. Почти ежедневно министр иностранных дел Нидерландов (в то время эта страна председательствовала в ЕС) принимал сердитые звонки от своего российского коллеги.

Виктор Ющенко, несомненно, хочет, чтобы его страна стала частью Большой Европы. Мир увидел, отмечал он на площади Независимости, что Украина уже может называться европейской державой. А выступая в Давосе, Ющенко подчеркнул, что в ближайшем будущем Украина намерена подать заявление о присоединении к Евросоюзу. Вклад этой организации в революцию заключался лишь в его особой привлекательности в качестве клуба, в который многие хотели бы вступить. Речь идет о неизменных плодах послевоенной европейской политики. О «магните Европы», как еще в 1950-е годы выразился отец-основатель Федеративной Республики Германия Конрад Аденауэр.

Некоторые страны — члены Европейского союза (один из украинских активистов называл в этой связи Великобританию и Нидерланды) оказывали прямую поддержку наблюдателям на выборах, а также украинским студентам, бизнесменам и другим группам гражданского общества. В мае 2004-го произошло расширение ЕС за счет восьми государств Центральной и Восточной Европы, включая страны Балтии и соседнюю Польшу. «Магнит» вплотную приблизился к украинской границе. В период председательства Нидерландов Евросоюз проявил нехарактерную для себя резкость, осуждая ноябрьскую фальсификацию результатов выборов. Верховный представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Хавьер Солана сыграл тогда ведущую роль на переговорах в рамках «круглого стола» с украинскими лидерами в Киеве. И хотя в этих переговорах принял участие и литовский президент, неформальным лидером стал Александр Квасьневский, президент Польши — страны, которая в 1989 году первой использовала такого рода переговоры как метод смены режима.

Поляки поддержали «оранжевую революцию» на начальной стадии. Большая польская делегация в первую же неделю прибыла на площадь Независимости. Их присутствие в Киеве продемонстрировало неизменность стратегии Польши. В 1970-х, когда эта страна еще оставалась советским сателлитом, влиятельный парижский еже-

месячник *Kultura*, орган польской эмиграции, писал о том, что после свержения коммунизма Польше следует проводить новую политику. Поляки должны признать послевоенные восточные границы, даже несмотря на то, что Сталин аннексировал половину их территории. Если поляки пойдут на этот шаг заблаговременно и не будут требовать возврата своих прежних земель, это поможет им наладить более эффективное сотрудничество с демократической оппозицией в соседних Литовской, Белорусской и Украинской Советских Социалистических Республиках, а также установить дружеские отношения с ними после распада Советского Союза.

В 1980-е годы с этими идеями согласилась польская антикоммунистическая оппозиция, а после 1989-го они были положены в основу внешней политики правительств, возглавлявшихся представителями «Солидарности». Варшава относилась к Советской Украине, как к независимому государству, еще до распада Советского Союза. Впоследствии Польша незамедлительно подписала договор с обретшей независимость Украиной, в котором признавались нынешние границы и гарантировалась защита национальным меньшинствам в обеих странах.

После 1995-го президент Польши бывший коммунист Александр Квасьневский начал следовать стратегии, разработанной антикоммунистическим эмигрантским журналом и впервые примененной «Солидарностью». Годовщины национальных трагедий в истории обеих наций Кучма и Квасьневский отмечали совместно. Установление дружественных отношений между президентами — одна из причин, по которым Квасьневский оказался приемлемым посредником для обеих сторон в самые критические моменты революции. Польша постоянно настаивала на проведении более великодушной политики по отношению к Украине со стороны Европейского союза. Помимо нежелания более старых членов ЕС принять в свои ряды сравнительно бедную восточноевропейскую страну, имелась еще одна, главная, проблема — режим Кучмы. Теперь же Квасьневский мог говорить куда более решительно. В Давосе он обратился к собравшимся с эмоциональным призывом предоставить Украине членство в Евросоюзе, поскольку «это чудесная страна... великая нация с великими лидерами».

А как насчет причастности к выборам американцев? Правительство США и отдельные американские доноры сделали больше для поддержки украинских демократов, чем Западная Европа. Согласно заявлению Государственного департамента США, за последние два года он потратил на Украину 65 млн долларов. Международный фонд

«Возрождение» (*International Renaissance Foundation*), учрежденный в Украине Джорджем Соросом, в своем докладе от 20 октября 2004 года сообщил, что неправительственные организации (НПО) получили от него 1 201 904 доллара на «проекты, связанные с выборами». Большая часть этих американских средств (как и поступления из Западной и Центральной Европы) пошла на развитие НПО, включая организации, осуществлявшие обучение активистов из студенческой среды и поддержку независимой прессы и телевидения, а также на создание условий для мониторинга избирательной кампании и на проведение двух независимых экзит-полов. Как уже отмечалось, эти экзит-полы стали важным катализатором революции.

Можно ли всю эту деятельность считать, выражаясь языком старой советской дипломатии, «вмешательством во внутренние дела страны»? Конечно можно. Но точно так же следует рассматривать и выделение Россией огромных сумм (по оценкам российской прессы, примерно 300 млн долларов) на предвыборную кампанию Виктора Януковича. Или деятельность российских политических советников, которые помогли развязать грязную кампанию против Ющенко. Повестка, присланная Юлии Тимошенко из России, с вызовом на допрос в связи с обвинением ее в уголовном преступлении — это тоже вмешательство. (В ответ «богиня революции» попросила не препятствовать борьбе украинского народа за свободу). Вмешательство имело место и тогда, когда Путин дважды перед выборами посещал Украину, чтобы поддержать Януковича. Расследование обстоятельств отравления Ющенко продолжается, и первоначальные факты указывают на то, что яд, вероятно, был доставлен из России.

Некоторые случаи иностранного «вмешательства» оправданны, другие же, безусловно, нет. Необходимо начать открытую дискуссию об основных нормах, регулирующих внешнее, преимущественно финансовое, вмешательство в целях поддержки демократии. Такого рода обсуждения уже ведутся: это глубокомысленные дискуссии по критериям допустимости военного вмешательства, обусловленного соображениями гуманитарного или иного характера. Что же касается американской и европейской политики в Украине, то она вполне соответствовала моральным нормам. «Оранжевая революция» не делалась в Вашингтоне и не навязывалась Брюсселем. Запад помог гражданам Украины сделать то, что они хотели сами для себя.

ОРАНЖЕВЫЙ ОТСВЕТ

После победы на выборах Виктор Ющенко провел отпуск в Карпатах с Михаилом Саакашвили, возглавившим Грузию в январе 2004 года после успешного завершения «революции роз». В подписанной ими Карпатской декларации политики приветствовали перемены в своих странах как всплеск «новой волны освобождения Европы, который приведет к окончательной победе свободы и демократии на европейском континенте». В статье, опубликованной в *Financial Times*, президент Саакашвили дал ясно понять, что эта «третья и окончательная волна европейского освобождения» должна накрыть «все постсоветское пространство».

Стремление выдать желаемое за действительное? Возможно. Тем не менее некоторые московские консерваторы, похоже, разделяют это мнение. Во время событий в Украине близкая к кремлевским кругам «Российская газета» писала, что Россия не может позволить себе проиграть битву за Украину, ведь поражение означало бы осуществление в ближайшие два года бархатных революций по киевскому сценарию в Белоруссии, Молдавии, Казахстане, Киргизии и, возможно, Армении.

Этот прогноз отчасти сбылся: фальсификация парламентских выборов в Киргизии привела к беспорядкам. Как заметил один молодой киргиз в интервью *BBC*, «мы хотим больше походить на Европу». Вышли на улицу и белорусские студенты: 25 марта 2005-го они бросили вызов своему диктатору, выступив под флагом ЕС.

«Оранжевая революция» в Украине окажет также прямое воздействие и на режим Путина, становящийся все более недемократичным. Если не что-то другое, то свободная пресса и телевидение большого русскоговорящего соседа ослабит контроль Кремля над информацией. Виктор Пинчук утверждал, что его российские деловые партнеры, его братья-олигархи, завидуют своим украинским «коллегам», пользующимся уважением мирового сообщества. Затем он вспомнил шутку, которую недавно слышал в Москве: «Леонид Кучма написал книгу под названием “Украина — не Россия”. Теперь Путин пишет книгу под названием “Россия — не Украина”».

Демократия: дистанционное управление

Владимир Фролов

Трудно отделаться от впечатления, что когда западные политологи пишут об Украине, то они на самом деле имеют в виду Россию, а события и факты украинской политической жизни, составляющие как бы центральный предмет их исследования, — в действительности не более чем удобный фон для выдвижения обвинений в адрес нашей страны. Против последней направлен главный обличительный пафос западного исследователя, виртуозно подгоняющего факты под незамысловатое диссертационное лекало: все хорошее в Украине происходит благодаря Западу, во всем плохом виновата только Россия. Не является исключением в этом ряду и предлагаемый читателю материал известного британского политолога Тимоти Гартона Эша и его американского коллеги Тимоти Снайдера (см. сс.152–165).

Трудно спорить с людьми, которые всерьез считают, что история Украины «начала свой отсчет, когда правители государства с центром в Киеве приняли из рук Византии христианство». Желание «записать в Украину» всю Киевскую Русь, населенную отнюдь не украинцами, присутствует в маргинальной националистической литературе современной Украины, откуда, вероятно, западные исследователи данный факт и почерпнули. Но уважающие себя украинские историки на такие «открытия» пока еще не решаются за отсутствием каких-либо доказательств столь смелой научной гипотезы.

Безусловно, приятно узнать, что после татаромонгольского нашествия украинцам, как пишут авторы, «довелось испытать влияние Ренессанса и контр-Реформации» под сенью польско-литовского государства. Но почему-то и историческая, и художественная лите-

В.Л. Фролов — заместитель генерального директора Фонда эффективной политики.

ратура полны свидетельств того, сколь яростно украинцы в свое время сопротивлялись этому благотворному влиянию (не будем все цитировать Гоголя: он заведомо необъективен как *русский* писатель). И Переяславской рады Богдана Хмельницкого, возможно, никогда бы не было, не случись благостному влиянию польского ренессанса сопровождаться закрепощением украинских крестьян польской шляхтой (не говоря уже об окатоличивании православных украинцев). Уния с Россией эту проблему как раз и решала — крепостничества в Малороссии не было до Екатерины Великой.

Исторические «находки» Эша и Снайдера не могут не вызывать легкую оторопь: какие-то «западные державы уступили украинские земли русской белой армии в надежде на то, что ей удастся покончить с большевизмом», в 1921 году «произошел раздел Украины между Советами и Польшей», а в 1945-м, оказывается, «Сталин аннексировал польские территории Западной Украины». Но в одном авторы не погрешили против исторической истины: большевики действительно «предоставили Украине значительные территории внутри новоявленного Советского Союза», ведь при царях никакой Украины не существовало — только два генерал-губернаторства: Киевское и Одесское. Большевики же решили разбавить «неблагонадежное» крестьянское население Малороссии пролетарским Донбассом и Слобожанщиной, сделав Харьков столицей Советской Украины. Строительство украинского государства завершил Никита Хрущёв, присоединив к УССР русский Крым. Вот почему один из лидеров националистического украинского «Руха» начала 1990-х Вячеслав Чорновил без тени иронии утверждал, что Украина обязана своей территорией Ленину, Сталину и Хрущёву. Именно в советский период Украина стала одной из стран — основательниц Организации Объединенных Наций, имела свое представительство в этой организации и свое Министерство иностранных дел (интересно, как отреагировали бы Лондон и Вашингтон, если бы учредителем и членом ООН оказались Шотландия или Калифорния?!).

И если бы в начале 90-х годов прошлого века, как утверждают авторы, «многие в России отказывались признать независимость Украины», обе страны вполне могли бы разделить судьбу Сербии и Хорватии с вероятным территориальным расколом Украины. Но осенью 1991-го, еще при президенте Михаиле Горбачёве, министр иностранных дел России Андрей Козырев сразу после украинского референдума о независимости посетил Вашингтон и заявил админи-

страции Джорджа Буша-старшего, что Россия признаёт выбор народа Украины в пользу независимости и не позволит применить силу для сохранения СССР, который теперь обречен. Безусловно, у Ельцина и Козырева был свой интерес в смещении Горбачёва через развал Советского Союза, но никто в российском руководстве того периода не сомневался в правильности признания Украины в тех границах, которые достались ей от СССР.

Забавно в этой связи читать, как Эш и Снайдер умиляются по поводу каких-то мифических решений польских оппозиционеров в конце 1980-х годов признать западные границы Украины. А что, у них были иные варианты? У России в 1991-м они и вправду были, а вот у Польши в 1989-м — нет. Варшава подписала хельсинкский Заключительный акт, и выдвижение друзьями из «Солидарности» каких-либо территориальных претензий к советской тогда еще Украине (то бишь к СССР) повлекло бы за собой целый букет «приятных» международных неожиданностей — например, оспаривание суверенитета Польши над исконно немецкими землями Померании, Восточной Силезии и Восточной Пруссии (Гданьск Леха Валенсы — это немецкий Данциг, если кто не помнит). Кондолиза Райс, которая тогда заведовала этими вопросами в Совете национальной безопасности, могла бы, наверное, рассказать, как Вашингтон отнесся бы к подобному фортелю «молодой польской демократии» на фоне переговоров о списании польского долга западными кредиторами.

Ну да бог с ней, с историей! Она у Эша и Снайдера какая-то уж очень специфическая — видимо, исключительно для западного употребления. Перейдем к тому, что произошло в Украине осенью 2004 года (не будем пока называть это революцией). Анализ событий не сильно грешит против истины. Действительно, в основе кризиса лежит моральный износ режима Леонида Кучмы и Виктора Януковича как официального преемника «кучмизма». Власть потеряла свою легитимность задолго до выборов. Рейтинги Кучмы и его ближайшего окружения не превышали 3–4 %. Янукович имел шанс победить только как «независимый премьер», дистанцирующийся от дискредитировавшего себя коррумпированного режима. К сентябрю 2004-го его рейтинги практически сравнялись с рейтингами Виктора Ющенко. Но Януковичу так и не хватило решительности и времени для реализации такой избирательной стратегии (она ему предлагалась с самого начала). Он начал делать это только после первого тура голосования, когда изменить уже было ничего нельзя.

Общее недоверие населения к власти не могло не сказаться на эффективности предвыборной агитации Виктора Януковича. Доминирование кандидата от власти в контролируемых властью же СМИ, прежде всего на трех общенациональных каналах УТ-1, «1+1» и «Интер», вызывало еще большее недоверие и прямое отторжение со стороны населения. Агитационная кампания организации «Пора» против государственных телеканалов под лозунгом «Вони брешуть!» также оказалась весьма успешной. Неумение власти работать с тележурналистами иначе как методами прямого давления и подкупа привело к тому, что в решающие дни волнений в Киеве журналистские коллективы практически всех телеканалов (за исключением «Интера» и «Киевской Руси») перешли на сторону оппозиции. Сказались и совковые подходы местных начальников, стремившихся выслужиться перед руководством и силой — по разнарядке — сгонявших людей на предвыборные мероприятия Януковича, что вызывало сильное раздражение (Ющенко же на своих митингах просто платил людям небольшие деньги).

Виктор Ющенко вел успешную и эффективную кампанию, которая опиралась на неформальную сетевую структуру сторонников, выстроенную за годы пребывания в оппозиции. Выбор в пользу личного общения с избирателями по методу «от двери к двери» был единственно верным. Остается только поздравить главных политтехнологов Ющенко — Романа Безсмертного, Юрия Грынива и Олега Медведева с блестяще выполненной задачей.

Нельзя сказать, что Ющенко не имел доступа к телеэфиру. В его полном распоряжении находился «Пятый канал», принадлежащий его ближайшему соратнику «шоколадному олигарху» Петру Порошенко. Да, распространение сигнала «Пятого» было ограничено, но его антиправительственная риторика и выпады против Януковича выходили далеко за рамки приличия. Можно сказать, что без собственного телевидения Ющенко, как и Михаил Саакашвили в Грузии, не смог бы выиграть выборы. Использование интернет-технологий не являлось монополией прозападной оппозиции, власть активно использовала собственные интернет-ресурсы. Эш и Снайдер выдают желаемое за действительное, утверждая, что Интернет стал одним из решающих факторов победы Ющенко. На момент выборов не более 2 % населения Украины пользовалось Интернетом. Лишь в Киеве уровень проникновения Интернета был существенно выше, и именно в столице Интернет превратился в основной канал распространения информации среди сторонников Ющенко.

Обе стороны почти в равной мере использовали грязные методы агитации и «убийства личности» оппонента (технология *character assassination*). Виктора Ющенко пытались выставить американским агентом и национал-фашистом, а Виктора Януковича оппозиция изображала не иначе как бандитом, насильником, вором-рецидивистом, представителем бандитского региона. Чего стоят, например, такие творческие «находки» штаба Ющенко, как серия анонимных листовок в Киеве «Не мочись в подъезде, ты же не донецкий!» или «Вор должен сидеть в тюрьме!».

Обе стороны применяли масштабные фальсификации результатов голосования в первом, втором и даже третьем турах выборов. Явка избирателей и результаты в пользу Ющенко в западных областях Украины вполне сопоставимы с результатами в пользу Януковича в Донецкой и Луганской областях. При том что примерно четверть зарегистрированных избирателей в Западной Украине реально участия в голосовании принимать не могла, будучи на заработках в России и в странах Европейского союза, за них «голосовали» их паспорта, принесенные родственниками. Картина нисколько не изменилась и в ходе третьего тура (проведенного по решению Верховного суда Украины 26 декабря 2004 года). Власть, впрочем, тоже почему-то решила, что фальсификация является наиболее эффективной избирательной технологией, несмотря на своевременные предупреждения об обратном, и жестоко поплатилась за эту ошибку.

О третьем туре выборов следует сказать особо. С юридической точки зрения решение Верховного суда было более чем спорным. Оно в большей степени опиралось на политические соображения вывода страны из кризиса. Закон о выборах президента не предусматривал такой нормы, как «переголосование второго тура». Если результаты голосования признавались в судебном порядке недействительными (например, по иску проигравшей стороны), единственным правовым решением было назначение новых выборов с выдвижением новых кандидатов и проведением агитационной кампании. Но суд решил сделать вид, что второго тура просто не было, так как «его результаты невозможно установить». Соответственно точкой отсчета признавался первый тур, а к участию в переголосовании были допущены только Ющенко и Янукович.

Верховный суд работал в условиях жесточайшего информационного прессинга и пропагандистского давления. Судьи получали письма и электронные сообщения, в том числе от представителей

Образец предвыборного творчества сторонников Виктора Ющенко

западных стран, в которых их «призывали» принять «единственно верное решение» и намекали на возможность «персональных санкций» (например, запрет на выдачу виз).

Эш и Снайдер искажают факты, отрицая роль языковых и региональных различий в результатах голосования за обоих кандидатов. Они заключают, что «не язык, а политические предпочтения предопределили исход выборов. Ющенко получил решительное большинство голосов там, где население является преимущественно русскоязычным: в Полтавской области его поддержали 66 % избирателей, в Черниговской — 71 % , в Сумской — 79 %, в Киеве — 78 %». Однако Черниговскую, Полтавскую и Сумскую области нельзя назвать русскоязычными, поскольку там доминирует украиноязычное сельское население.

Безусловно, недовольство властью сыграло главную роль в выборе избирателей. Но и позиции кандидатов по поводу русского языка имели немаловажное значение, фактически нейтрализовав кампанию Ющенко на юге Украины, где доминирует русскоязычное население. Ющенко не смог совершить электоральный прорыв среди русскоговорящих. Его электорат на 70 % составили украиноязычные украинцы. Это хорошо демонстрирует поствыборное исследование киевского Центра политических исследований

и конфликтологии «Портрет электоратов Ющенко и Януковича», опубликованное в январе 2005 года.

Состав электоратов по лингво-этническим группам

Проголосовали	За В. Ющенко	За В. Януковича
Украиноязычные украинцы	67 %	11 %
Русскоязычные украинцы	17 %	41 %
Амбивалентные украинцы	11 %	12 %
Украиноязычные русские	1 %	1 %
Русскоязычные русские	4 %	33 %
Амбивалентные русские	1 %	2 %

Виктор Янукович сумел получить поддержку подавляющего большинства русскоязычных русских, в то время как Виктор Ющенко — украиноязычных украинцев. Среди русскоязычных украинцев перевес у Януковича: за него проголосовало около двух третей этих избирателей (60 %), за Ющенко — около трети (33 %). Во всех областях, где победил Янукович, велика доля русскоязычных: более двух третей (меньше всего в Николаевской области — 66 %, больше всего в Крыму — 97 %). Русские Украины (которые составляют около 20 % от всех жителей страны) проголосовали за Януковича: он получил почти 80 % голосов этого электората, в то время как Ющенко — всего около 12 %. Зато украиноязычные украинцы точно таким же большинством (81 % против 12 %) голосовали за Ющенко. Русскоязычные украинцы также проголосовали за Януковича, но уже не столь значительным большинством: 60 % против 28 %.

Нельзя не отреагировать на впечатляющий вывод Эша и Снайдера о том, что «некоторые случаи иностранного “вмешательства” (в выборы) оправданны, другие же, безусловно, нет», и на их трогательное приглашение «начать открытую дискуссию об основных нормах, регулирующих внешнее, преимущественно финансовое, вмешательство, осуществляемое в целях поддержки демократии».

Под допустимыми формами вмешательства понимаются западная финансовая и организационная помощь в осуществлении независимого мониторинга избирательных процедур, тренинги активистов оппозиции и проведение альтернативных экзит-поллов. Недопустимым вмешательством называются предвыборные визиты в Украину Владимира Путина, участие в предвыборной кампании рос-

сийских политтехнологов (кстати, не только на стороне Януковича) и какие-то мифические 300 млн долларов, якобы потраченные Россией на кампанию Януковича (каких-либо доказательств этого нет, а ссылки на российскую прессу способны вызвать лишь улыбку. За такие деньги можно выиграть выборы даже в Саудовской Аравии).

Заявка на легитимацию внешнего вмешательства во внутренние дела суверенного государства выдержана в духе концепции ограниченного суверенитета, так и не получившей международного признания, а выработка критериев для вооруженной «гуманитарной интервенции» остается не более чем хобби небольшой группы западных политологов и юристов. Но высказанная авторами идея внешнего, по сути, управления легитимностью выборов и их результатов весьма серьезна и требует самого внимательного изучения. Это новый инструмент западной политики, с которым нам еще не раз предстоит иметь дело.

Сегодня на постсоветском пространстве Россия сталкивается с качественно новым явлением, кардинально меняющим роль процедуры выборов в формировании легитимной власти. Из инструмента народного волеизъявления выборы в странах СНГ все чаще превращаются в удобный повод для многостороннего внешнего вмешательства. Его цель — формирование международно-правовых условий для смены правящего режима через оспаривание результатов голосования, делегитимацию действующих конституционных процедур и создание острого политического кризиса в стране. Кризис, как правило, либо завершается «цветной» революцией, то есть сменой власти антиконституционным путем с автоматическим признанием переворота на международном уровне, либо ведет к долгосрочной и контролируемой извне политической дестабилизации, парализующей деятельность законно избранной власти.

Внешний фактор в лице интегрированной сети западных неправительственных организаций (НПО), массмедиа (прежде всего телевидения), международных наблюдательных структур — Бюро по демократизации и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ, ПАСЕ, лидеров общественного мнения и политического руководства западных стран начинает играть решающую роль в управлении результатом выборов на постсоветском пространстве посредством управления легитимностью избирательного процесса. Нравится результат выборов с точки зрения персонального состава победивших сил — его можно признать легитимным и соответствующим всем международным стандартам. Не

нравится вероятный победитель — выборы будут признаны нелегитимными, несвободными и несправедливыми. Причем одни и те же команды «путешествующих оценщиков» признают нелегитимными результаты выборов в одних странах бывшего СССР и легитимными в других, несмотря на почти зеркальное совпадение набора претензий (как это было на парламентских выборах в Молдавии в марте с. г., прошедших с большим числом нарушений).

Тем самым вопрос легитимности выборов и их соответствия международным избирательным стандартам превращается в предлог для делегитимации национальных властей с помощью внешних сил и скоординированных усилий оппозиции, в политико-правовой инструмент обеспечения «смены режима». Власть, победившая на выборах, признанных международными структурами «нечестными и несправедливыми», объявляется нелегитимной в международно-правовом плане и тем самым становится «законным» объектом для жесткого внешнего давления. Сама по себе угроза международного непризнания результатов выборов легитимными с последующим кризисом и сменой режима становится эффективным инструментом влияния на все постсоветские страны, включая Россию (попытки частично поставить под сомнение легитимность результатов выборов в Государственную думу РФ в декабре 2003 года и выборов президента в марте 2004-го уже предпринимались наблюдательными структурами ОБСЕ и ПАСЕ).

Начиная с президентских выборов в Армении весной-2003, ни одна избирательная кампания в постсоветских государствах не признана целиком легитимной и отвечающей демократическим стандартам со стороны международных организаций по наблюдению за выборами и правительств стран Европейского союза и США. В 2003—2005 годах пять избирательных кампаний закончились массовыми протестами населения, в трех случаях они привели к неконституционной смене власти (Грузия, Украина, Киргизия) и в двух (Азербайджан, Армения) — к политической дестабилизации. Выборы в парламент Белоруссии и референдум о продлении полномочий Александра Лукашенко в октябре 2004-го признаны «полностью недемократическими и нелегитимными». Этот вывод используется сегодня Вашингтоном и Брюсселем в качестве правовой базы для выдвижения публичных требований о необходимости свержения правящего режима в Белоруссии.

Во всех случаях вердикты о нелегитимности выборов и их результатов выносились в отношении тех политических режимов, которые не устраивали США и Евросоюз своей политикой и поддер-

живались Россией, а также там, где активно действовала сильная прозападная оппозиция. В странах СНГ, где правящие режимы по своей геополитической ориентации устраивали Вашингтон и Брюссель и где отсутствовала дееспособная альтернатива власти, критика была намного более умеренной, а главное — никаких «оргвыводов» не следовало (парламентские выборы в Казахстане, Таджикистане и Молдавии в 2004–2005 гг.).

Схема внешнего управления результатами выборов через управление легитимностью избирательного процесса везде выглядит почти одинаково — разумеется, с поправками на специфику местного политического процесса. Вот ее важнейшие компоненты.

Задолго до выборов в западных средствах массовой информации (и в контролируемых оппозицией СМИ самой страны) начинается массивная информационная кампания с участием ведущих западных экспертов и лидеров общественного мнения (вплоть до бывших глав государств), цель которой — убедить мировое общественное мнение в том, что правящий режим в стране «Икс» является недемократическим, коррумпированным, авторитарным и намерен сфальсифицировать предстоящие выборы ради удержания власти. Честных выборов при таком режиме в стране «Икс» быть не может по определению, потому что «на честных выборах коррумпированный режим никогда не победит».

Чтобы предотвратить фальсификацию, Запад должен оказать давление на власти страны «Икс» вплоть до угроз конфискации зарубежных активов и собственности лидеров режима и членов их семей, введения запрета на выдачу им виз. Причем все чаще такие действия оформляются законодательно (например, законопроект конгрессмена Даны Рорабахера «Акт об украинской демократии и честных выборах-2004», где предусмотрены такие санкции в случае, если президентские выборы в Украине будут признаны недемократичными и несправедливыми). Кроме того, стране «Икс» предлагается оказать помощь в проведении честных выборов через финансирование деятельности оппозиционных СМИ и специально созданных неправительственных организаций, обеспечивающих подготовку наблюдателей за деятельностью избирательных комиссий, тренинги юристов оппозиции для организации «конвейера жалоб», информационные кампании в СМИ по «разоблачению фальсификаций».

Под лозунгом «Честных выборов при преступной власти быть не может» оппозиция ведет избирательную кампанию, результат кото-

рой уже заранее известен и запрограммирован: выборы будут сфальсифицированы, победа власти официально объявлена, но в действительности оппозиция знает, что победила она. Этот вывод тиражируется далее на всех уровнях и во всех форматах. Юристы оппозиции подают в избиркомы и суды всех инстанций сонмы исков по самым незначительным отклонениям от избирательного законодательства (по сути, занимаются мелким сутяжничеством). Информация о «многочисленных нарушениях» тиражируется как доказательство «готовящейся массовой фальсификации».

Западные НПО развертывают в стране «Икс» свою «просветительскую деятельность». Международные организации по наблюдению за выборами, главной из которых является БДИПЧ ОБСЕ, начинают «мониторинг», фиксируя «многочисленные нарушения в ходе избирательной кампании».

Ключевым моментом является быстрое объявление результатов выборов по данным экзит-поллов, в которых фиксируется уверенная победа оппозиции. Расхождение этих данных с предварительными результатами Центризбиркома в пользу власти используется как основание для обращения оппозиции к своим сторонникам с призывом выйти на улицу и заблокировать правительственные здания (при этом технология «выхода на улицу» отработывается заранее, но это уже отдельная тема).

Затем следует самое интересное. Миссии международных наблюдателей (ОБСЕ, ПАСЕ, западные НПО) выступают с официальными заявлениями, в которых выборы объявляются недемократичными, несправедливыми и не отвечающими международным стандартам. Это является основанием для официальных заявлений властей США и руководства ЕС о непризнании объявленных результатов голосования в стране «Икс» и необходимости проведения новых «честных выборов». Этот ключевой момент — непризнание результатов выборов ведущими государствами мира — превращает страну «Икс» и ее властную элиту в международных изгоев. Конституционная власть в стране становится тоже нелегитимной, а ее свержение, в том числе насильственное, — вполне оправданным.

Далее власть подвергается мощнейшему внешнему давлению. Его объектом становятся также поддерживающие власть бизнес, средний класс, культурные элиты — те слои общества, которые максимально чувствительны к международной изоляции и которые одновременно выступают коммуникаторами, «владельцами электро-

Мур против правительства Соединенных Штатов

Россия и ряд государств СНГ упрекают ОБСЕ в том, что вся ее деятельность свелась к выдаче (или невыдаче) «сертификата демократии» избирательным кампаниям на постсоветском пространстве. Справедливости ради следует отметить, что под прицел наблюдателей из Бюро по демократизации и правам человека (БДИПЧ — структурное подразделение ОБСЕ) попадают и другие страны.

Так, 31 марта 2005 года ОБСЕ распространила доклад по итогам мониторинга выборов в США 2 ноября 2004-го. О том, чтобы международные наблюдатели следили в Америке за ходом голосования, попросили сами Соединенные Штаты, отреагировав на имевшую место критику президентской кампании-2000.

В докладе миссии говорится, что выборы американского президента в основном соответствовали обязательствам, взятым Соединенными Штатами согласно Документу Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ 1990 года (принципы свободного и демократического волеизъявления). Они прошли в обстановке острой борьбы, оба главных кандидата пользовались широким доступом к СМИ, благодаря чему избиратели могли сделать осознанный выбор. ОБСЕ отметила несколько недочетов. В некоторых штатах принята практика присылки бюллетеней по факсу избирателями, находящимися за границей, что нарушает принцип тайного голосования, в других существуют ограничения для граждан, отбывших тюремное заключение. Не вполне проработана законодательная база применения машин для электронного голосования. Наконец, в ряде штатов на основании действующих там правил наблюдателей ОБСЕ просто не допустили на избирательные участки.

В Докладе указывается на то, что по американской традиции затруднено включение в бюллетень фамилий кандидатов, не представляющих две крупнейшие партии. Этот вопрос не впервые привлекает внимание ОБСЕ. Так, еще в ноябре 1996-го, сразу после президентских выборов в США, в венской штаб-квартире организации прошли слушания, в ходе которых выступил один из лидеров крошечной Партии естественного права **Джон Мур**.

«Правительство Соединенных Штатов требует проведения честных выборов по всему миру, но у себя дома придерживается самой дискриминационной системы из всех тех, что существуют в демократических странах, – заявил Мур. – В США действуют два типа правил. Одни – честные и предоставляющие равные возможности – предназначены для республиканцев и демократов, которые, автоматически попадая в бюллетени, получают доступ к СМИ и к участию в дебатах. Другие же в максимальной степени препятствуют участию в избирательном процессе новых партий и независимых кандидатов. Такой порядок полностью противоречит тому, к чему Соединенные Штаты призывают остальной мир».

рата» внутри собственных политических систем. Например, по данным украинских и западных СМИ, решающую роль в том, чтобы удержать президента Украины Леонида Кучму от применения силы против оппозиции и заставить его согласиться с западными требованиями о повторном голосовании, сыграли дочь президента Елена Франчук и ее муж миллиардер Виктор Пинчук.

На президентских выборах в Украине осенью-2004 все традиционные предвыборные процедуры – наблюдение за ходом выборов, юридическое сопровождение, оспаривание результатов, «конвейер жалоб», кампании в СМИ – впервые были задействованы как единая технологичная система, обеспечивавшая тотальную мобилизацию ресурсов для достижения нужного результата – признания не легитимности выборов. Власти страны оказались к этому полностью не готова и противопоставить что-либо внятное такому натиску не смогли.

В 2005–2006 годах западный механизм «управления легитимностью выборов» будет совершенствоваться на президентских выборах в Казахстане, парламентских выборах в Азербайджане и планируемых парламентских выборах в Приднестровье. Однако главное действо ожидается на выборах главы государства в Белоруссии в 2006-м, где система превентивной делегитимации выборов должна пройти генеральную репетицию перед «сражением» в России в 2007–2008 годах.

Очевидно, что Россия и другие страны СНГ, считающие себя действительно суверенными государствами, не могут игнорировать наличие у западных структур эффективной технологии внешнего управления результатами выборов, а значит, и возможности формировать персонально-политический состав самой власти. Однако собственного комплекса средств легитимации процедуры и результатов выборов как механизма суверенной демократической самозащиты у России и ее союзников сегодня нет.

Пока единственным ответом на вызов Запада звучат жесткие заявления Владимира Путина о том, что Россия, как и любое уважающее себя государство, «не допустит финансирования из-за рубежа политической деятельности общественных организаций», и призыв замглавы кремлевской администрации Владислава Суркова к строительству в России «суверенной демократии». Но этого мало, и России необходимо освоить западный инструментарий борьбы за легитимность политических процессов на постсоветском пространстве.

Экстремисты моральной революции

Адам Михник

Нам нужна моральная революция, потому что нас окружают «грязные души»: реакционеры, скрытые монархисты, люди мелкие, однодневные патриоты, составляющие заговоры в революционном правительстве, — так говорили якобинцы, радикальные революционеры. Моральная революция необходима, потому что процветает безнравственность. Реакционные газеты сеют обман, поэтому заставим их замолчать. Растет коррупция, поэтому пора взяться за богачей. Францию со всех сторон опутали предатели, эти ядовитые насекомые, распространяющие бесстыдство, фальшь, подлость. Из-за них рассыпалась в прах мечта о государстве и обществе, которые разделяли бы единую систему ценностей, о законах, позволяющих сохранить достоинство и братство и опирающихся с 1789 года на потребность творить добро. Моральная революция нужна нам сегодня, когда есть шанс выйти из кризиса беспамятства, преодолеть проклятие пренебрежения опытом прошлого. Нам необходимо Очищение, то есть обретение способности служить делу Революции, осознание собственных ошибок, в частности пагубности толерантного отношения к «модерантистам» («снисходительные» — группа времен Великой французской революции, возглавлявшаяся в 1793 году Максимилианом Робеспьером и выступавшая за прекращение или ослабление террора и постепенный переход к конституционному республиканскому порядку. — **Ред.**).

Адам Михник — главный редактор издания *Gazeta Wyborcza*, в прошлом один из самых известных польских диссидентов и политзаключенных, член Комитета по защите рабочих. Данный материал — сокращенная версия эссе, опубликованного в *Gazeta Wyborcza* в апреле 2005 года.

Нам нужна моральная революция — ведь после возвращения Бурбонов воды революционного потопа отступили, убеждали консерваторы, радикальные реакционеры. Минула эпоха, когда во Франции господствовала крайняя безнравственность, когда цареубийцы диктовали свои права, когда добродетель унижалась, преданность преследовалась, собственность отчуждалась. Жестокий деспотизм, всевластие гильотины и революция, эта большая клоака, заразили нашу страну. Франция, отмытая от нечистот якобинства, возвращенная к своим монархическим и католическим корням, станет символом примирения между королем и подданными. Моральная революция нужна нам для того, чтобы вернуть мечту о разделяющих единую систему ценностей государстве и обществе, о законах, позволяющих сохранить те самые верность и достоинство, которым так привержены подданные короля, что стремятся творить добро. Только бы избежать компромисса с якобинскими и бонапартистскими ублюдками, которые хотят конституционной монархии, то есть короля без королевской власти, и которые не могут понять, что «любая конституция есть цареубийство»!

* * *

Знакомая интонация, не правда ли? И хотя исторические декорации сменились, я узнаю ее, испытывая все большую грусть и удивление. Ведь подобные декламаторы должны были бы отдавать себе отчет, к чему ведут такого рода рассуждения...

Мы не устаем повторять, что история учит, но при этом остаемся плохими учениками. Вот почему я размышляю сегодня об экстремистах революционных и контрреволюционных, тех, кто мечтал о Великом Очищении и моральной революции не для того, чтобы раз и навсегда заставить умолкнуть язык террора, а потому, что был готов слышать его вновь и вновь.

* * *

Корнелий Сулла, римский диктатор, начал свое правление с мести бывшим политическим противникам. Он приказал подготовить «проскрипционные списки», то есть списки лиц, поставленных вне закона; за их головы была назначена награда. «С душераздирающей неторопливостью, — пишут в «Истории Рима» Макс Кэри и Ховард Хейес Скаллард, — Сулла намеренно растягивал процесс определения новых жертв, то и дело оглашая дополнитель-

ные проскрипционные списки. Воцарился террор. Эта модернизированная система массовых убийств действовала избирательно и с особым возмездием обрушивалась на состоятельных противников Суллы. Их имущество подвергалось конфискации, а города Рима превратились в арену экзекуций». Страшно было оказаться в таком списке.

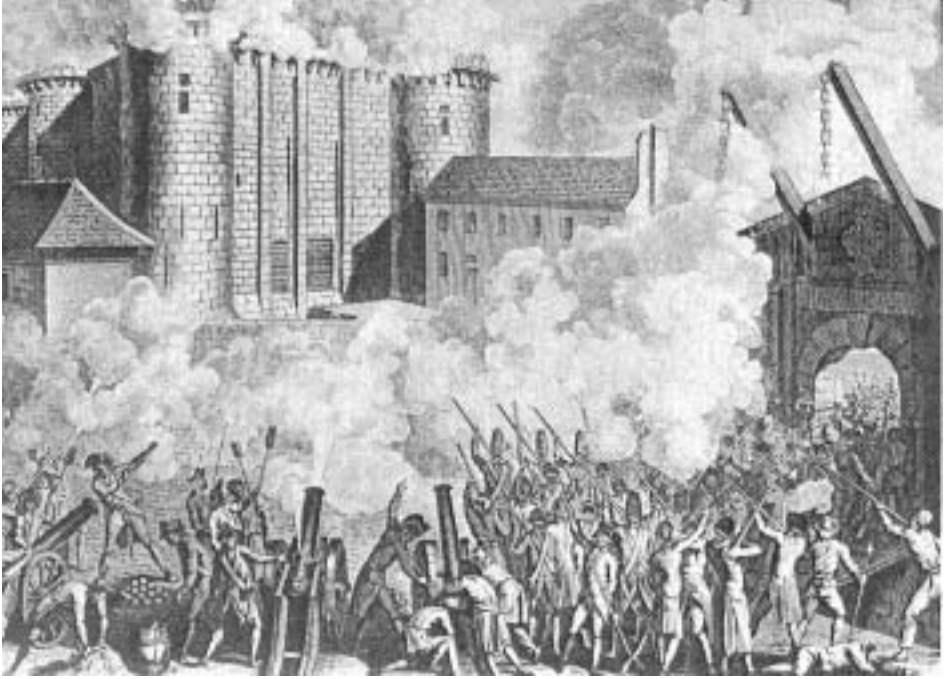
Столетия спустя такие списки превратились в неотъемлемую часть истории. Списки ведьм, сжигаемых на кострах, и еретиков, переданных в руки инквизиции, списки иезуитов, приговоренных к изгнанию, списки масонов, списки евреев и христиан, подозреваемых в еврейском происхождении, списки коммунистов и заподозренных в симпатии к ним, списки роялистов и других врагов революции, списки агентов охраны...

За составлением списков подозреваемых с неизбежностью следовала смертная казнь. Фактически само по себе подозрение, будь то в революционной, диверсионной или агентурной деятельности, в греховном прошлом и настоящем, в измене, означало и обвинительный приговор, и соответственно экзекуцию.

* * *

Великая французская революция свергла абсолютную монархию и установила монархию конституционную. В теории, пишет Гегель, бразды правления перешли в руки народа, но в реальности они оказались у Национального собрания и его комитетов. Воцарились абстрактные идеалы свободы и добродетели. Добродетель должна теперь править, торжествуя над теми, кто изменил ей вследствие морального разложения, служения прежним интересам или же злоупотребления свободой и полного подчинения своим страстям. Добродетель в данном случае представляет собой простой принцип деления людей на имеющих подходящие убеждения и не имеющих их. Но поскольку одно убеждение можно распознать и оценить только с помощью другого, оно рождает подозрение. Когда же добродетель оказывается под подозрением, она тем самым уже приговорена. Подозрение обрело ужасную силу и привело на эшафот монарха, субъективная воля которого определялась именно католической религиозной совестью.

Робеспьер, отмечает Гегель, сделал добродетель наивысшим принципом. К власти пришли добродетель и террор, так как субъективная добродетель, которая правит, основываясь единственно на

В июле 1789 года Бастилия была местом заточения лишь семи узников – четырех мошенников, двух умственно неполноценных и одного посаженного по воле собственного отца. Каков бастион, такова и тирания...

принципе убеждения, приводит к самой жуткой тирании. Она осуществляет свою власть, обходясь без суда и следствия, а кара, которую она применяет, очень проста: смерть.

А как красиво все начиналось... Революция вершилась под знаком надежды обрести Свободу, Равенство и Братство. Бастилия – бастион и символ тирании – была захвачена. Король Людовик XVI пошел на компромисс с революционерами; абсолютизм пал. Кажется, что «король с народом, народ с королем». Кстати, Бастилия, куда некогда заключали врагов короля, в июле 1789 года была местом заточения лишь семи узников – четырех мошенников, двух умственно неполноценных и одного посаженного по воле собственного отца. Каков бастион, такова и тирания. Абсолютизм с «выбитыми зубами»...

И все же произошло историческое, эпохальное событие. Декларация прав человека и гражданина провозглашает: «Люди рождаются и остаются свободными и равными перед законом». Звучат сло-

Парижане восторженно встречают Реставрацию: возвращение Людовика XVIII 8 июля 1815 года после поражения Наполеона при Ватерлоо

ва Мари Жозефа де Лафайета о том, что народ становится свободным, как только сам того пожелает. Революционеры же повторяли: революция победила почти бескровно и открыла ворота, через которые Франция устремилась от тирании к свободе.

Реставрация тоже начиналась красиво. Вместе с Людовиком XVIII на смену длившемуся четверть века революционному и наполеоновскому хаосу пришло время примиренческих жестов и мягких высказываний. «Недоступный предубеждениям и чуждый мстительности» (так называл Людовика XVIII Франсуа Рене де Шатобриан, самый выдающийся из бурбонских идеологов) говорил: «Я от всего сердца прошу всех тех, кто без повода с моей стороны стал моим недругом, и прошу Бога, чтобы он простил их».

От имени сторонников Реставрации Шатобриан провозглашал: «Мы желаем монархии, основанной на принципе равенства прав, на принципах морали, гражданской свободы, политической и религиозной толерантности».

В качестве акта примирения между Реставрацией и революцией Людовик XVIII подписывает Конституционную хартию, в которой гарантирует неприкосновенность собственности и сохранение дворянских титулов, пожалованных в эпоху Наполеона, а также декларирует основные свободы и гражданское равенство. Даже царубийцам обещано прощение.

Людовик XVIII стремился успокоить французов, убеждая, что не хочет возмездия. Только «система умеренности», подчеркивал он, может предотвратить неизбежность того, чтобы «Франция растерзала себя собственными руками».

* * *

У каждой революции своя динамика; но каждая развивается чересчур медленно и в итоге оказывается либо незавершенной, либо преданной. Из недр каждой звучат призывы к ускорению, завершению, защите от измены делу революции.

Компромисс между революцией и монархом, позволивший учредить конституционное правительство и принять Декларацию прав человека и гражданина, революционеры праздновали как свою победу. Но этот компромисс, основанный на обоюдном согласии обозначить пределы своим притязаниям (согласие монарха ограничить свои полномочия, с одной стороны, и готовность революционеров умерить собственные требования — с другой), оказался хрупким. Радикальные монархисты видели в нем капитуляцию короля, радикалы Революции — предательство ее идеалов. На подавление смуты следует бросить войска, считали первые. Долой короля, да здравствует республика, отвечали вторые. Якобинцы взяли верх. Монархисты бежали за границу, а король был заточен в тюрьму, осужден и обезглавлен. Каждый голос против ликвидации монархии — той, конституционной — теперь почитался изменой, равно как и мнение тех, кто взывал к нормальному судопроизводству или хотя бы к отмене смертного приговора.

Революция, начатая во имя свободы, перерождалась в действия, направленные на установление республиканского порядка, против конституционной монархии. Речь шла уже не о свободе, а о республике; те же, кому такая постановка вопроса была не по душе, подозревались в измене. Спор о республике в самом лагере революции превращался в беспощадную борьбу за власть.

У каждой реставрации своя динамика; но каждая развивается чересчур медленно и в итоге оказывается либо незавершенной, либо преданной. Из недр каждой реставрации на свет появляются радикальные ортодоксы — приверженцы дореволюционных институтов и обычаев. Эти экстремисты, хранители священного огня, отвергают любой компромисс между Традицией и Революцией: ведь Революция в их глазах — абсолютное зло, апогей абсурда и моральной деградации. «Чистая нечистота», «чудеса порчи, чудеса бессмыслицы, чудеса бандитизма» — так отзывался о революции Жозеф де Местр (Жозеф Мари де Местр — французский публицист, политический деятель и религиозный философ, один из вдохновителей и идеологов европейского клерикально-монархического движения 1-й половины XIX в. — **Ред.**). Экстремист воспринимает Конституционную хартию Людовика XVIII как нелепость, «порождение безумия и темноты». Пора покончить с химерой прав человека, вернуть цензуру и привилегии дворянского сословия, а католической церкви надлежит охранять порядок от «общественных отбросов равенства».

Экстремисты явно ничего не имели против того, чтобы «Франция растерзала себя собственными руками».

Нет никаких причин подвергать сомнению добрые намерения экстремистов-революционеров. Якобинцы и вправду хотели спасти революцию от роялистов, иностранных войск, предрассудков, измены и коррупции. Они, прилежные читатели энциклопедистов и Жан Жака Руссо, действительно стремились к тому, чтобы Францией правила добродетель. Во имя торжества над монархистами и аристократами-эмигрантами они конфисковывали их состояния и закрывали их газеты. Чтобы победить в войне — добивались сплоченности вокруг революционного правительства и карали за каждый «шаг в сторону». Чтобы избавиться от предрассудков — заставляли католических священников присягать на верность революции, а отказавшихся приговаривали к изгнанию. Чтобы искоренить измену и коррупцию — приняли Закон о подозрительных, согласно которому обыватели были обязаны доносить на сограждан. Число доносов стало мерой преданности делу революции. Францию охватил страх. Настали времена террора.

Страна превратилась в театр одного актера — революционной гильотины.

Якобинцы видели в гильотине оружие революционной самообороны. Верили, что и революция, и гарантия стабильности правления Свободы и Добродетели — это они сами. Поэтому, жестоко защищая свою власть, они не испытывали особых угрызений совести, и каждый критикующий получал клеймо предателя.

Началось с суда над Людовиком XVI. Король виновен, потому что он король, и никто даже не озаботился сбором доказательств его виновности. Монарха следовало обезглавить — ведь приговор ему вынес народ в лице своих представителей.

В ответ на предложение организовать по этому вопросу референдум Антуан Луи де Сен-Жюст, экстремист-якобинец, казненный впоследствии термидорианцами, заявил: «Подобный призыв — это не что иное, как попытка поссорить народ с законодателями, а значит, ослабить сам народ! Эта интрига — способ вернуть тирана в его дворец... спасти короля с помощью голосов, оплаченных иноземным золотом». Монархия, подчеркивал он, есть вековечное преступление, а монарх — это варвар, тиран, чужак. Во имя общественного блага король должен умереть, иначе думают только пособники тирана и подкупленные. После этих страстных слов, приведших в трепет депутатов Национального собрания, экзекуция короля стала делом решенным. Справедливость и общественное благо (в якобинском понимании) победили в споре с логикой милосердия, прощения и примирения.

Казнили не только Людовика XVI — смерти символически предали и старый порядок. Гильотина для короля обозначила новые нормы грядущей эпохи. Свобода и Добродетель вступили в союз с гильотиной.

* * *

В ходе каждой революции — на каком-то из ее виражей — случается, что вчерашний радикал становится сегодняшним умеренным. Если ему повезет, его обвинят в трусливом оппортунизме, если нет — в измене и участии в контрреволюционном заговоре.

Владимир Ленин, опытный революционер, писал, что в то время как жирондисты предпочитали мягкие, реформаторские средства уничтожения самодержавия, якобинцы хотели, чтобы народ расправился с монархией и аристократией «по-плебейски»,

Идеологи Реставрации: радикал Жозеф Мари де Местр
и легитимист Франсуа Рене де Шатобриан

безжалостно истребляя врагов и не делая никаких уступок проклятому наследию.

Такой была якобинская мораль в представлениях Ленина, который с успехом — по-большевистски — воплощал ее в жизнь. Нетрудно понять, почему «вождь мирового пролетариата» расхваливал «плебейский» якобинский террор. Но почему мягкий и компромиссный путь жирондистов вызывает презрение, почему их постоянно обвиняют в моральном релятивизме и стирании границ между добром и злом, почему в стремлении к плюрализму и компромиссу с противниками видят предательство моральных принципов?

Якобинцы воспринимали своих противников как заговорщиков против свободы и добродетели. В свободу и добродетель они верили фанатично, хотя понимали их по-своему. Символом свободы была захваченная Бастилия, из которой выпустили семь человек, — в тюрьмах якобинской диктатуры томились тысячи. Правительство террора, справедливо писал Фридрих Энгельс, — это правительство людей, которые сеют вокруг себя страх, но при этом напуганы сами.

Якобинцы декларировали, что, защищая дело свободы, они противодействуют заговору изменников и врагов революции, или, проще говоря, появлению оппозиции якобинскому правлению. Заговор, по мнению историка Франсуа Фуре, — это идея, которая типична

как для традиционной религиозной ментальности, «привыкшей считать зло плодом скрытых сил», так и для революционного сознания. Происками заговорщиков можно объяснить что угодно: высокие цены, отсутствие продуктов, скандалы, связанные с подкупом...

Сен-Жюст разоблачал жирондистов; он говорил, что «в лоне Национального конвента свил гнездо заговор, имеющий целью восстановление тирании». У них «зловещие» планы и «изошренные» методы. «Речь не идет о прямых и открытых врагах свободы. Они говорят ее языком, представляются ее защитниками».

Заговорщиков разоблачили — часть их бежала, остальных заключили в тюрьму. «Не все узники, — разъяснял Сен-Жюст, — виновны; большинство из них просто заблуждались. Но в борьбе с заговором спасение Отчизны есть наивысший закон». Когда трудно отделить ошибку от преступного умысла, надо пожертвовать свободой нескольких ради спасения всех. Фракция заговорщиков, «таинственная и политически опытная, якобы озабоченная свободой и порядком, ловко противопоставляла свободу свободе, не отличала инерцию от порядка и мира, а республиканский дух от анархии». «Внушая отвращение к господствующим отношениям и пользуясь ужасом нынешних дней», она шла бок о бок с народом и свободой, чтобы направлять их к своей цели — монархии.

Таков язык Сен-Жюста, которым восхищался Альбер Камю, считая этого якобинца великой личностью. Робеспьера же называли Неподкупным. Это они, Робеспьер и Сен-Жюст, стали символами жестокого террора, мерзости доноительства, гильотины, обезглавливавшей всех без разбору. А за спинами этих идеалистов жестокости и апостолов террора шныряли (такова судьба каждой революции) обычные мерзавцы, которые использовали революционную риторику и эшафот для грязного сведения счетов, подлых шантажей, обогащения.

Идеалист-фанатик готов отдать жизнь за свои идеалы, хотя во имя этих идеалов охотнее умерщвляет других. Но перед тем как лишить их жизни, он убивает их словом.

Служить Добродетели возможно было только одним способом — ненавидеть ее врагов. Ненависть, отмечала польский философ Барбара Скарга, — это «чувство, при помощи которого мир не может восприниматься иначе, нежели через отрицание. Даже в том, что другим кажется ценным, важным, она отмечает исключительно коварство, упадок, обман, ибо таково с позиции ненависти ес-

тественное состояние человеческой природы. Но ненависть отнюдь не стремится к улучшению — напротив... она с удовлетворением фиксирует каждую ошибку, каждое неудачное начинание... Ей важно отравить все вокруг и просочиться повсюду, охватить все общество целиком».

По мнению Скарги, одержимые ненавистью люди — это те, у кого «расшатана идентичность», кто «слаб», «подвержен влиянию», «амбициозен» и «ничтожен». Именно такими персонажами кишели якобинские клубы и революционные трибуналы. Но наркотик революции опьянил также и людей порядочных, идейных и сильных, превратив их в ловких манипуляторов, циничных политических игроков, демагогов с ядовитыми речами и черствым сердцем, членов религиозной секты, превращенной в бандитскую шайку.

Идеалист-фанатик, якобинский экстремист верил, что Революция позволит покончить со «всяким злом». Поэтому он никогда не выступал от своего имени — он вещал и карал от имени Революции и Народа, от имени Свободы и Добродетели.

Добродетель только тогда имеет ценность и вызывает восхищение, когда рядом с ней шествует Порок. Поэтому справедливым и незапятнанным жизненно необходимы всеобщая несправедливость и всеобъемлющий грех.

Якобинец «восхваляет нищих», замечает Ханна Арендт (германо-американский философ и историк, автор известного труда «Истоки тоталитаризма». — Ред.), но «его похвала страданию как источнику добродетели» обычно служила «чистым предлогом для оправдания жажды власти». При этом якобинец не испытывал сочувствия к отдельным личностям — он скорбел о «безграничном страдании масс», о мучениях миллионов. Тем самым, продолжает Арендт, Робеспьер утратил способность устанавливать и поддерживать отношения с конкретными личностями. Океан страдания вокруг него «затопил все другие аргументы, взывающие о дружбе, правдивости, верности принципам. Революция во имя Добродетели и Свободы превращалась в диктатуру вероломных обманщиков: якобинцев и их правительство ничуть не волновала судьба конкретных людей, обиженных и оскорбленных. Этими несчастными легко можно было пожертвовать во имя Революционного Очищения. Так, Очищение становилось чисткой, призванной смыть грязь лицемерия с незапятнанного облика революционной Добродетели. В результате среди главных действующих лиц рево-

люции не осталось никого, кто бы не был обвинен или, по крайней мере, заподозрен в продажности, фальши и двуличии. А также в измене, сговоре с двором либо получении инструкций и денег из Лондона или Вены.

Перед казнью Дантон (Жорж Жак Дантон — один из вождей якобинцев, казнен в 1794-м в связи с тем, что занял умеренную позицию по отношению к жирондистам. — Ред.) якобы сказал: «Во времена революций власть в конце концов достается самым большим мерзавцам». А на подходе к эшафоту выкрикнул: «Робеспьер, ты пойдешь за мной!»

Что и произошло спустя четыре месяца.

* * *

Любая реставрация не оправдывает ожиданий своих радикальных сторонников.

После вступительных деклараций о снисхождении и понимании, вслед за призывами «забыть о разделяющей Францию ненависти» наступил момент, когда экстремистов Реставрации охватило разочарование. А после «ста дней» Наполеона, этого непродолжительного периода идиллии в 1815 году, во Франции наступило время реванша со стороны «белых якобинцев».

Теперь экстремисты заявляли неблагодарным французам, что Людовик XVIII был «якобинцем, увенчанным цветком лилии». Они убеждали прекратить призывы к примирению, так как между партией палачей и партией жертв не может быть мира. Настало время свершиться правосудию — разумеется, во имя Великого Очищения Франции от адской грязи Революции и империи. Ибо, доказывали экстремисты, Революция — дитя гордыни и безумия, питавшееся трупами, чудовище, находившее наслаждение в разбоях, пожарах, резне и экзекуциях. Нужно вернуть старые предреволюционные законы и обычаи, привилегии для дворянства, аристократии и католической церкви, вернуть покорность и цензуру. «Свобода печати и свобода прессы — самые страшные бедствия нашего злосчастного времени», — полагали экстремисты.

Они искренне верили, что возврат к дореволюционному «золотому веку» необходим и реален. При этом они били тревогу: мол, Революция все еще сильна и большинство постов в правительстве занимают сторонники якобинцев и бонапартисты. Поэтому нужна Большая Чистка.

Белый террор утопил Францию в крови. Партизаны-роялисты взяли на себя роль мстителей, действуя в «лучших» традициях инквизиции. Репрессии ударили по всем подозрительным, а подозревать можно было каждого — не в якобинстве, так в бонапартизме. Тело убитого в Авиньоне наполеоновского маршала Гийома-Мари-Анн Брюна проволокли по улице и сбросили в Рону.

Королевское правительство издает проскрипционные списки. Возобновлена цензура. Топор палача возвращает гармонию и порядок. «Нужны кандалы, палачи, пытки, смерть; якобинцев — на плаху; необходим спасительный страх».

Когда Палата пэров судила известного наполеоновского маршала Мишеля Нея, приговор выносили его товарищи по оружию. Бывшим военным (за исключением Жанно де Монсея, отказавшегося председательствовать на процессе и посаженного за это в крепость, а также свидетеля защиты маршала Луи Николя Даву, много сделавшего для оправдания своего боевого соратника) не хватило чести и отваги — Нея осудили и расстреляли. Возрождая былые рыцарские добродетели, государство теперь опиралось на людей, способных доходить до низостей, проявлять трусость, угодничать, предавать.

Насилие, призванное гарантировать торжество Добродетели, превратилось в инструмент подлости. В лагере реставрации, по мере того как сдержанные и снисходительные теряли позиции, радикалы набирали вес. Реставрация, осуществленная по их схеме, должна была стать Большой Контрреволюцией, то есть революцией — тоже моральной — с отрицательным знаком.

Следовало свести на нет результаты всех перемен, произведенных Революцией: покончить с фантазиями просветителей на темы «общественного договора», конституции, «прав человека и гражданина», «парламентского представительства». Надлежало восстановить абсолютную монархию, потому что якобы только она способна вернуть порядок, установленный Господом и охраняемый католической церковью.

Пример для подражания был под рукой — испанская инквизиция. Инквизиторы, утверждали экстремисты, понимают, что смертью должно караться каждое серьезное покушение на религию. Никто не имеет права критиковать королей Испании... Глашатаев ереси следует причислять к самым злостным преступникам... Действуй во Франции инквизиция, до Революции дело никогда бы не

дошло. Поэтому, отказываясь от костров инквизиции, правитель наносит человечеству смертельный удар.

Прямым следствием такого мышления явился Закон о святотатстве, введенный экстремистами в годы Реставрации. Согласно ему, святотатством считалось «любое оскорбление действием, совершенное сознательно и из ненависти к религии в отношении храмовых сосудов или освященных облаков. Осквернение храмовых сосудов влечет за собой наказание в виде смертной казни. Осквернивший освященные облачки подлежит той же каре, что и отцеубийца». (Напомню, что отцеубийцам отрубали сначала кисть, а потом голову.)

Напрасно Шатобриан, бесспорный легитимист, убеждал, что основой и языком религии является милосердие. Возобладала позиция экстремистов – тех, кто верил, что «крупные политические поражения, и в особенности решительные атаки на государство можно предотвратить или отразить только с помощью столь же решительных средств». Самым же действенным из таких средств является насилие. Насилие вершит порядок, «удерживает замахнувшуюся для удара руку и грозит оковами, мечом, кнутом, виселицей».

Против бунтовщиков нужно высылать «солдат и палачей». Палач – вот кто истинный гарант порядка, побеждающего хаос, грязь и бунт.

Английский философ Исайя Берлин писал об авторе «Портрета палача»: де Местр был искренне убежден, что спасение человека возможно только благодаря террору со стороны властей, держащих его в повиновении. Человек «должен очиститься через длительное страдание», поскольку он безумен, низок и беспомощен. Те, кого Творец назначил для управления, обязаны безжалостно диктовать правила и столь же безжалостно истреблять врагов. Во имя моральной контрреволюции и Очищения.

* * *

Кто есть враг, искажающий гармонию Свободы и Добродетели во дни Революции?

Кто есть враг, возмущающий Божий порядок на земле и нарушающий установленную иерархию с наместником Христа во главе государства?

«Красный» экстремист ответит то же, что и «белый якобинец»: этот враг – секта. «Во Франции существует политическая секта», – не сомневался Луи Сен-Жюст. Состоящая из явных и тайных мо-

нархистов, мечтающих об отстранении Людовика XVI, но не о ликвидации монархии, как таковой, эта секта отравляет общественную жизнь. Ее члены требуют мягкости и умеренности, амнистии для врагов и примирения с врагами Добродетели. Они порочны и самонадеянны, продажны и развращены. Это эмигранты и британские агенты, мешочники и воры, взяточники и спекулянты, слабаки и посредственности, брюзги и сеятели раздора, лицемеры и бесплодные крикуны.

Общественная жизнь оплетена паутиной этой секты. Общество, где корысть и зависть действуют подобно скрытым пружинам вражьих происков или попыток безнравственных людей избежать правосудия с помощью подкупа, должно «приложить величайшие усилия, чтобы очиститься». «Нет надежды на удачу, пока еще дышит последний враг свободы, — уверял Сен-Жюст. — Вы должны карать не только предателей, но и равнодушных; карать каждого, кто пассивен в республике и ничего для нее не делает». Пускай очистительный огонь свободы разгорается как можно ярче!

Пора, взывал Сен-Жюст, вернуться к моральным принципам и ударить террором по злодеям. Пора объявить войну разнузданной коррупции, призвать всех к экономии и скромности, соблюдению гражданских добродетелей. Пришло время уничтожить врагов народа, заискивающих перед безнравственностью и страстями развращенных личностей, чтобы с их помощью сколачивать клики, вооружать одних граждан против других и в ходе внутренней усобицы опрокинуть власть и служить за границею.

А чем являлась секта в глазах де Местра? Это те, кто растлевают народ или пытаются свергнуть установленный порядок. Сеятели смуты и диверсанты. «К протестантам и янсенистам, — писал Исайя Берлин, — де Местр прибавлял деистов и атеистов, масонов и евреев, ученых и демократов, якобинцев, либералов, утилитаристов, антиклерикалов, эгалитаристов, сторонников тезиса о возможности достижения совершенства, материалистов, идеалистов, юристов, журналистов, светских реформаторов и всякого рода интеллектуалов. Все, кто апеллирует к абстрактным принципам, верит в индивидуальный разум или в индивидуальную совесть, в свободу личности или в рациональную организацию общества; протестанты и революционеры — враги установленного порядка, и их необходимо любой ценой искоренить».

Такую секту нужно уничтожить — решительно и безжалостно во имя порядка Божия. Де Местр — как и любой консерватор — был

убежден, что те, кто начинает революцию под знаменем свободы, закончат ее как тираны. Критикуя доктрину якобинцев, он замечал с сарказмом, что те как будто посылают народу сигнал: «Вы считаете, что не хотите этого закона, но мы уверяем вас, что на самом деле вы о нем только и мечтаете. Если вы осмелитесь его отвергнуть, мы расстреляем вас в наказание за то, что вы не хотите того, чего хотите». Так они и делают, заключал де Местр.

Нужно признать правоту этого «белого якобинца», самого выдающегося из радикалов. Приватизировав Революцию, якобинцы, «красные» экстремисты, тем самым приватизировали народ. Мадам Гильотина весьма способствовала тому, чтобы каждый француз стал собственностью Революции.

Вместе с тем экстремисты приватизировали и Бога. Утопист Луи Огюст Бланки обвинял Робеспьера в том, что последний расправлялся с приверженцами атеизма с целью вернуть католической церкви ее былое значение. Потому-то Неподкупный и принес католическим священникам в жертву голову Шометта (Пьер Гаспар Шометт, левый якобинец, инициатор политики дехристианизации — попытки упразднить в годы революции католический культ и ввести в принудительном порядке рационалистический «культ Разума». Казнен в 1794 году. — Ред.). Бланки писал: «Какой же приятной неожиданностью для сынов и наследников инквизиции было видеть, что Бог снова оказался под опекой топора... Головы падали во славу бессмертия души. Еретиков сделали зависимыми от властителя-палача. Гильотина заменила костры».

Подчеркнем метко подмеченную тесную связь между гильотиной и костром. Гильотина якобинцев была дочерью костра инквизиции, пускай и зачатой вне брака. И костер, и гильотина должны были служить Очищению, моральной революции, так же как они всегда служили безграничным притязаниям властей, убежденных в том, что именно им принадлежит право распоряжаться абсолютной добродетелью.

А это, как известно, всегда плохо заканчивается...

* * *

«Красный» экстремист, например Робеспьер или Сен-Жюст, имеет легион защитников. Есть они и у «белого якобинца» де Местра.

Защитники подчеркивают безупречность и непреклонность Робеспьера, восторженную мечтательность и доброту Сен-Жюста,

личное обаяние и радушие де Местра (говорили, что его «Портрет палача» — выражение ужаса перед якобинским террором и своеобразный реванш, поскольку жертвами палача ему представлялся не кто-либо, а Робеспьер или Сен-Жюст).

Я охотно признаю правоту адвокатов «красных» экстремистов и «белых якобинцев». Но ведь в риторике и духовности тех «красных» проявляются очертания идеологии и лозунгов других красных революционеров — большевиков; на иконе Робеспьера проступают образы Ленина и Сталина, а в стуке падающего ножа гильотины слышится грохот сапог карателей из советской «чрезвычайки».

В свою очередь, в перечне противников Божьего порядка, составленном де Местром, мы видим тех же, кто в XX веке пополнил список врагов фашизма. Как отметил Исая Берлин, «бурная ненависть де Местра к свободному движению идеи, а также его презрение к интеллектуалам — это не просто консерватизм... но что-то более старинное и в то же время новое, что-то, в чем звучат и эхо фанатичных голосов инквизиторов, и, пожалуй, самые первые ноты воинствующего, антирационального фашизма наших дней».

Идеи, записанные на бумаге, слова не невинны — они живут собственной жизнью, воспитывают или развращают. Слова формируют систему моральной и интеллектуальной интерпретации мира — такой, которая позволяет увидеть в гильотине врата к Свободе и Добродетели, а в топоре палача — дорогу к Богу. Поэтому история якобинцев, «белых» и «красных», учит: необходимо моральное знание о том, что не существует благородных ценностей и задач, которые оправдывали бы применение неблагородных средств и методов. Нельзя унижать людей во имя их возвеличения, нельзя сеять страх во имя добродетели и моральной революции, нельзя распространять наркотик подозрительности во имя правды и очищения. И надо помнить: ни одному человеку Богом не дано власти над себе подобным; никто не должен оставлять заботы о собственном спасении ради спасения другого человека; к вере не принуждают ни силой, ни шантажом, а крест есть знак страдания Господня, а не бейсбольная бита для лупцевания противников.

Я уже слышу ироничные комментарии: все это, мол, пустая моралистика, избитые пресные фразы прекрасногодушного идеалиста, не желающего понять, что у революций есть свои законы.

Но в том-то и дело, что экстремисты реставрации оказались ничем не лучше экстремистов-революционеров. Быть радикальным революционером — значит переступить грань. Атаковать конституцию во имя утопии, республику во имя совершенной республики, упрекать гильотину за излишнюю мягкость к врагам, клеймить поборников умеренности как предателей революции, являться более красным, чем красные, более плебейским, чем плебеи, более «бешеным», чем самые радикальные радикалы, более бдительным, чем трибуналы бдительности, более подозрительным, чем знаменосцы подозрительности. Оставаться столь ярким защитником революции, что отправлять на плаху своих соратников.

Быть радикальным поборником реставрации — значит тоже переступить грань. Как писал Виктор Гюго, это означает атаковать скипетр во имя трона, митру во имя алтаря, пренебрегать вещами, которые несешь на собственном горбу; это значит испытывать недовольство пожирающим еретиков костром из-за того, что в нем не хватает жару, упрекать божество за недостаток божественности, оскорблять от избытка уважения, утверждать, что в папе мало папского, а в короле — королевского, что ночь слишком светла; во имя белизны не признавать алебастр, снег, лебедя, лилию, являться сторонником определенных вещей до такой степени, что становиться их противником...

В одном и тот и другой всегда найдут согласие: где лес рубят, там щепки летят. Так вот, я и есть щепка. Но прежде чем моральные революционеры станут обходиться со мной как со щепкой — во имя Добродетели и Свободы, во имя Божьего порядка и откровения, — позвольте мне сказать: «Без меня, дамы и господа! Я уже проходил этот урок».

Но тогда меня спросят: «А знаешь ли ты, брызга из секты вечно недовольных и испуганных, революцию, которая проходила бы иначе?»

Разные бывали революции, отвечу я.

Английскую буржуазную революцию 1688–1689 годов назвали «славной». Настоящую славу этой революции, писал английский историк Джордж Маколей Тревельян, составляет достижение единодушного понимания по вопросу религиозных и политических различий. Это понимание выдержало проверку временем, укрепило позиции свободы в общественной жизни и утвердило практический компромисс в мире религиозных страстей.

Люди 1689-го героями не являлись, утверждал Тревельян. Лишь немногих из них можно было считать вполне порядочными. Но речь идет о весьма благоразумных людях, которые, наученные горьким опытом, даже в самый критический момент действовали рассудительно и умеренно.

Опасность вынудила враждующих вигов и тори заключить компромисс — конституционное соглашение («Билль о правах» 1689-го ограничил власть короля и закрепил всю законодательную деятельность за парламентом. — **Ред.**). Тогда же был принят Акт о терпимости (закрепивший права протестантских меньшинств. — **Ред.**). Последний означал для одних (меньшинствá) право жить в соответствии с собственной совестью, для других (большинства) — достигнутый во имя спокойствия компромисс с носителями «ошибочных», на их взгляд, воззрений.

«По прошествии тысячи лет, — делал вывод Тревельян, — религия наконец освободилась от необходимости обращаться к жестокости ради торжества своих принципов». Размышляя об Акте о терпимости историк говорит о лоскутном одеяле, состоящем из компромисса, нелогичности и «политического здравого смысла». Мудрые британцы, мудрый Тревельян...

* * *

Нам, ворчунам из секты недовольных и испуганных, грезится нечто подобное. Мы не хотим новых моральных революций, натягивания вожжей, специальных комиссий для выслеживания противников добродетели или Божьего порядка, проскрипционных списков врагов и т. д.

Нам, брюзгам, грезится именно такое одеяло — сотканное из компромисса и здравого смысла. Нам, брюзгам, претят новые революции в стране, еще не пришедшей в себя после нескольких предыдущих...

Рецензии

Памятник российскому императору Александру II
на Сенатской площади в Хельсинки

“ Мы плохо знаем родную историю. Мы ориентируемся на историческую мифологию, сочиненную большевиками и враждебными им традиционалистами. А реальный исторический опыт России куда объемнее. И либеральные ценности выстраданы ею в полной мере. Самостоятельно ”

Подспорье для глобалистов *Наталья Волчкова*
200

Люди, создающие идеи, и идеи, создающие людей
Александр Архангельский
204

Вечный вопрос «вечного города»
Григорий Меламедов, Алек Эпштейн
209

Украина: от потрясения к потрясению *Евгений Бобров*
213

Подспорье для глобалистов

Наталья Волчкова

Бхагвати Джагдиш. В защиту глобализации (*In Defense of Globalization*). Ладомир, 2005. 406 с. ISBN 5-86218-391-4

Арсенал русскоязычных сторонников глобализации пополнился новым «оружием» – российским изданием книги Джагдиша Бхагвати «В защиту глобализации». В этой работе приводится множество фактов, доказывающих, что расширение связей развивающихся стран с остальным миром ведет к росту благосостояния этих государств, снижению в них как уровня бедности, так и дискриминации при использовании женского и детского труда, решению многих социальных и экологических проблем и даже укреплению демократии. И хотя противники глобализации обычно утверждают, что дело обстоит с точностью до наоборот, факты, приводимые автором книги, убедительно свидетельствуют в пользу положительного влияния глобализационного процесса.

Это и неудивительно, так как профессор Колумбийского университета Джагдиш Бхагвати – ведущий специалист по проблемам глобализации, уже написавший на эту тему свыше трехсот статей и пятидесяти книг, – накопил в данной сфере значительный практический опыт. Он служил советником по экономической политике генерального директора Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ) и специальным советником ООН по глобализации.

Книга занимает особое место среди работ адептов глобализации, которые, как правило, стремятся изобличить группы интересов, оплачивающие антиглобалистские марши протеста. Профессор Бхагвати применяет более академичный, основанный на многолетнем опыте научных исследований подход. Его задача – найти и высветить причины, из-за которых процесс глобализации становится легкой мишенью лоббистских групп.

Н.А. Волчкова – экономист Центра экономических и финансовых исследований и разработок.

Джагдиш Бхагвати внес значительный вклад в развитие экономической теории, в частности уделил много внимания такой проблеме, как провалы рынка (*market failure*). Исходя из результатов своих исследований на этом направлении, он анализирует агитационные лозунги антиглобалистов и на многочисленных примерах демонстрирует, что проблемы, порожденные якобы глобализацией, на самом деле оказываются следствием недостаточного развития экономики и неэффективных методов управления ею. Более того, он доказывает, что наилучшим способом решения подобных проблем является не изоляция экономики от мировых рынков, а искоренение обусловивших их причин.

Провалы рынка возникают тогда, когда в условиях рыночной экономики цели частного бизнеса не совпадают с целью большинства — максимизацией общественного благосостояния. Причина этого проста: ни отдельный человек, ни отдельная фирма не способны осознать степень своего влияния на общественно значимые факторы, к примеру на экологическую обстановку в регионе. То, что считается великим благом конкурентного рынка, а именно то, что отдельный производитель не в состоянии влиять на общерыночные параметры, в данном случае становится существенной проблемой.

Как раз в такой ситуации вмешательство государства в экономику

может быть оправдано. Причем наилучший способ преодолеть провал рынка — это воздействовать на его причину. Если дело в недооценке частным бизнесом общественных издержек, связанных с нарушением экологического баланса, то и «лекарством» должно быть увеличение издержек предпринимателей в виде дополнительного экологического налога, а не ограничение экспорта их продукции в другие страны. Кажалось бы, введение торговых ограничений также способствует улучшению экологической ситуации, поскольку приводит к снижению выпуска продукции в экологически неблагоприятном секторе экономики. Но, во-первых, за торговый протекционизм в конечном счете заплатит отечественный потребитель, и, во-вторых, протекционизм ведет к сокращению рабочих мест, а также к падению доходов и населения, и (в конечном итоге) государства. При этом такое падение доходов будет гораздо более существенным, нежели рост издержек производителей в результате введения экологического налога в условиях свободной торговли.

Профессор Бхагвати подчеркивает, что «нечеловеческое лицо» присуще отнюдь не глобализации, а самим развивающимся экономикам с их недостаточно развитыми рынками и институтами — экономическими и гражданскими. Глобализация лишь высвечивает и выносит на поверх-

ность «уродливые» искажения, а не является их причиной. И бороться надо с истоками проблем, используя рост доходов государства и общества от развития торговли и международной специализации.

Трудности свойственны любой экономике. Нередко антиглобалисты пытаются объяснить часть проблем воздействием глобализации. К примеру, у нас глобализацию можно обвинить в развале московского завода АЗЛК или в сложностях, с которыми приходится сталкиваться, в частности, производителям самолетов и сельхозпродукции. Но ясно, что причина не в глобализации, а в неудовлетворительном положении дел на местах: в отсутствии конкуренции и развитой финансовой системы, в коррупции, в дефиците высококлассных менеджеров и т. д. Глобализация, напротив, помогает устранить многие из этих сложностей, внося свой вклад в развитие конкуренции и финансовых рынков, способствуя притоку управленческих кадров и новых технологий в развивающиеся страны.

Главный вывод, который мы можем извлечь из работы Бхагвати, состоит в том, что правительство должно быть достаточно компетентным, чтобы обойти те внутренние экономические ловушки, которые глобализация делает еще более опасными. Однако, как указывает профессор, мы не вправе ожидать, что у правительства, не сумевшего

или не захотевшего распознать симптомы болезней в условиях закрытой экономики, появится внезапная способность лечить их в условиях экономики глобальной. Поэтому важную роль в таком случае должны играть институты гражданского общества, в первую очередь независимые средства массовой информации и неправительственные организации, которые призваны первыми указывать на зарождающиеся проблемы, с тем чтобы государство адекватно на них реагировало. К сожалению, примеров возникновения развитых институтов гражданского общества в условиях закрытой экономики развивающихся стран практически нет. Глобализация же, уверен Джагдиш Бхагвати, способна подтолкнуть этот процесс. Например, вслед за транснациональными корпорациями (ТНК) в развивающиеся страны приходят *CNN* и другие международные медиахолдинги, и тогда работающие в них журналисты немедленно реагируют как на ухудшение экологической обстановки, последовавшее в результате производственной деятельности той или иной ТНК, так и на любое отклонение условий труда на ее предприятиях от стандартов, принятых в развитых странах. Такую же роль играют и неправительственные организации.

Стало быть, прилагая усилия по вступлению во Всемирную торговую организацию и в то же время искореняя независимые национальные

средства массовой информации, наше государство повышает вероятность попадания в многочисленные ловушки, которым чревато более ускоренное вовлечение России в мировую экономику. Неразумно одновременно вступать в ВТО и ограничивать свободу средств массовой информации, деятельность демократических сил и гражданского общества.

Не менее интересны для российского читателя и рассуждения автора об оптимальной скорости движения экономики в сторону глобализации. Быстрый переход, пишет он, может быть опаснее и тяжелее, чем постепенный. Важно также правильно выбрать исходный момент этого движения: начинать процесс имеет смысл в период благоприятного экономического роста и высокой мобильности рынка труда. Если в России первое условие в данный момент только формируется, то в отношении второго не все так оптимистично. Многочисленные эмпирические исследования указывают на невысокий уровень мобильности трудовых ресурсов в России, тем не менее государство мало что делает для исправления этой ситуации. Развитие ипотечного кредитования, программ перепрофилирования и занятости безработных должны стать приоритетными задачами социальной политики.

Несмотря на стремление защитить глобализацию, Бхагвати не пытается скрывать и нивелировать негативные

явления, характеризующие глобализационный процесс как таковой. Он указывает и на нарушение принципов демократичности при принятии ряда решений в рамках Всемирной торговой организации, и на ошибочные шаги Всемирного банка и Международного валютного фонда, и на глобальное лоббирование Вашингтонской администрацией интересов спекулянтов с Уолл-стрит. Говоря о всех этих проблемах, профессор предлагает определенные рецепты их решения.

Сложно представить себе, что автор данной работы — тот же самый человек, который написал учебник по теории международной торговли и многочисленные архисложные статьи по экономической теории. Джагдиш Бхагвати сумел изложить достаточно сложные экономические концепции, вовсе не прибегая к специальной экономической терминологии. Чтобы лучше донести до читателя свои идеи, он часто обращается к художественной литературе, в частности к любимой им русской классике, к кинофильмам, песням и т. д., и это органично сочетается со ссылками на авторитетные экономические исследования и публицистику. Книгу будет полезно прочитать всем тем, кто задается вопросом: каким образом дальнейшее расширение торговых и финансовых связей России с остальным миром отразится на стране в целом, на ее регионах и гражданах?

Люди, создающие идеи, и идеи, создающие людей

Александр Архангельский

Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2004. 616 с. (Серия «Исследования фонда “Либеральная миссия”»).

Юрий Сенокосов. Власть как проблема: Опыт философского рассмотрения. М.: Московская школа политических исследований, 2005. 182 с.

Главный довод большинства противников реформаторских перемен в России — не политический, не социальный и даже не экономический, а чисто исторический: либеральная идея не укоренена в нашей традиции, есть внутренняя логика русской истории, и нельзя вторгаться в нее с западным идейным инструментарием. Звучит красиво. Недавно в последнее время эту формулу, слегка видоизменяя, охотно используют правящие элиты: расхожее противопоставление «внутреннего суверенитета» «внешнему управлению», бесконечные рассуждения о соответствии уровня демократии

уровню развития общества — что это, как не инобытие триединого лозунга «традиции — укорененность — естественность»?

Казалось бы, с чем тут спорить? Вторгаться вообще ни во что не следует, поскольку жизнь органична, органика при вторжении распадается, вторжение уже содержит в себе потенциальное отторжение. Укорененность, напротив того, вещь важная; чтобы дожидаться от некоей важной идеи обильных общественных всходов, необходимо для начала прорастить ее корневую систему, вживить в родную почву. Но! Во-первых, традиции либо медленно обновляются, либо очень быстро усыхают и гибнут. А новации либо неспешно превращаются в традиции, либо скоропостижно отмирают. Во-вторых, что значит «западный инструментарий»? Ясная логика и правосознание? Но за что же мы обижаем соотечественников, лишая их этих общечеловеческих свойств? Подчеркнутая сердечность — не замена логи-

А.Н. Архангельский — обозреватель газеты «Известия».

ке, а дополнительное преимущество русского ума. Наконец, в-третьих, и в-главных. Мы плохо знаем родную историю. Мы ориентируемся на искусственно созданную большевиками и враждебными им охранителями историческую мифологию. А реальный исторический опыт России куда объемнее, куда интереснее. И либеральные ценности выстраданы ею в полной мере. Самостоятельно. Незаметно. Они выношены и ярко оформлены выдающимися людьми, которых мы, как Иваны, не помнящие родства, попытались предать забвению.

Инициатор рецензируемой книги философ и политик **Алексей Кара-Мурза** уже не первый год ездит по всей России и открывает памятные доски на исторических зданиях, связанных с жизнью и творчеством русских либералов. Самых разных: славянофилов и западников, умеренных монархистов и социал-демократов. Главное — умных, ответственных и свободолюбивых. Этот проект трудно переоценить. Важность наглядной пропаганды лучше всех сознавали большевики, которые именно поэтому вскоре после революции, в 1918 году, составили список тех, кому следовало бы установить памятники, и Ленин лично вычеркивал имена неугодных ему деятелей российской истории и культуры. Так *конструировалось* зримое представление об отечественной интеллектуальной традиции. Разрушить эту

ложную конструкцию можно единственным способом — насытить Россию реальной информацией о выдающихся людях, творивших ее традицию, то есть выбить клин клином. Чем Кара-Мурза и занимается, причем весьма успешно.

Но этого мало. Потому что символическая перекодировка провинциального пространства, «смена вех» исторической памяти, демонстрация масштаба и размаха русского либерального наследия — это само по себе проблему не решит. Пространственной перекодировке будет упорно сопротивляться закодированное сознание. Ей будет препятствовать элементарная неграмотность — главная закваска дешевого мифологизма. С недавних пор политики охотно цитируют, например, философа Ивана Ильина, причем в официальных документах. Но кто из них помнит, что этот пафосный отечестволюбец был европейски образованным и европейски ориентированным мыслителем и в его устах слова о специфике русского пути к демократии значили нечто иное, нежели в их речах? И вот ясинский фонд «Либеральная миссия» выпустил книгу кратких очерков о тех, кому — среди прочих — устанавливает памятные доски г-н Кара-Мурза, о тех, кто возвращал либеральные ценности на отечественной интеллектуальной почве. От страдальца и вельможи Михаила Сперанского до убежденного противника крепостно-

го права Александра Тургенева, от западника Тимофея Грановского до славянофила Ивана Аксакова, от Александра Головнина до Дмитрия Замятина, от Михаила Стасюлевича до Дмитрия Шаховского... Многие из этих славных имен на слуху, но многие же — их, увы, гораздо больше — находятся в энциклопедической тени. Павла Милюкова знают все, Ивана Петрункевича и Николая Езерского сегодня знают только специалисты. Наверняка мы услышим недовольные голоса: не знают — и не надо, их истинный масштаб именно таков, не нужно создавать задним числом искусственные репутации и притягивать за уши либеральную традицию. На самом деле это довод от лукавого — ведь Пётр Долгоруков и Николай Щепкин, Николай Виссарионович Некрасов и Николай Парамонов неизвестны не потому, что этой известности не заслуживают, а исключительно потому, что потеснены дутыми, но раскрученными фигурами, которыми охотно занимались советская и постсоветская историография, советское и постсоветское искусство, прежде всего кино. Неужто мы решимся сказать, что дешевый материалистический мистик Моисей Урицкий или даже неплохой публицист Георгий Плеханов, полубезумный охранитель Михаил Меньшиков или двусмысленный граф Алексей Толстой действительно важнее для истории русской мысли (а главное, для сов-

ременного ее состояния!), чем Фёдор Степун, Александр Кизеветтер или Михаил Стахович? И если Урицкого с Плехановым знают лучше, чем Петра Струве с Максимом Ковалевским, то это свидетельствует об успехах советской пропаганды, а не о неудачах отечественного либерального движения.

Замысел книги, составленной Алексеем Кара-Мурзой, подчеркнута персональный. Здесь важна не глубина анализа, не полнота приводимых сведений, а наглядность изображения, контрастность «картинки». Когда-то в разговоре с одним из родоначальников русской либеральной бюрократии Александр I трижды пожаловался: «Людей нет! Людей не хватает! Не видно людей, способных осуществить либеральные реформы». С тех пор это лейтмотив всех властных рассуждений о необходимости и возможности внутрироссийских преобразований. Составитель сборника словно пытается наглядно опровергнуть этот тезис: вот же, вот они, эти не замеченные властью (или отторгнутые ею, или надолго попавшие в опалу) лица! Ему важно создать портретную галерею тех, кто создавал русскую либеральную традицию; разбираться же в деталях самой традиции — задача следующего уровня, и ее решение пока впереди.

Напротив, **Юрий Сенокосов** сознательно отрешается от лиц, поскольку для выполнения его смысловой задачи принципиально важно выйти за

пределы наглядных образов и заглянуть в скрытые глубины поставленной проблемы. Цель — понять внутреннюю форму русской либеральной, правовой, гражданской идеи (а может, и отчасти заново создать ее), погрузиться в пространство чистой мысли, без которой невозможна никакая реальная политика. Так, для Кара-Мурзы веховец Кистяковский мог бы стать (а глядишь, когда-нибудь и станет) *олицетворением* либерально-правовой идеи; для Сенокосова куда важнее сквозная интенция Кистяковского, энергия его суждений о природе права, их драматическая связь с нашей современностью и протяженным временем европейской истории.

Вообще, сенокосовский замысел, если я верно его понял, заключен не в том, чтобы в очередной раз написать краткий очерк российского либерализма (вослед Виктору Леонтовичу), не в том, чтобы уличить историю отечественной мысли в недостатке рационально-критического начала (вослед Густаву Шпету), а в том, чтобы угадать «внутреннюю форму» русской либеральной идеи, как таковой, выявить ее общеевропейскую природу и тем самым философски обосновать творческую либерализацию России, возможность ее мирного перехода из эры тотального государственничества в эпоху ответственно-свободного гражданского общества. И потому он ставит в центр своего краткого и

предельно емкого «рассмотрения» ту роковую проблему, которую западная интеллектуальная традиция со времен Аристотеля привыкла рассматривать в чистом виде, а наши мыслители и писатели предельно психологизировали. Проблему власти. Не власти как предмета политического обладания, а власти как сгустка исторических полномочий, имеющей свой источник за пределами себя самой. Не в абстрактном «народе», а в деятельном гражданском сознании. Не в бесстрастных законах, а в живом правосознании. Не в произволе элит, а в общественном договоре. Не в желании вождя быть добрым или злым, а в деятельных институтах.

Зайти на русский двор с европейского хода. Войти в европейские интеллектуальные пределы со своим неповторимым словом и своим незаменимым лицом... Юрий Сенокосов пытается осуществить, казалось бы, неосуществимую, «обоюдоострую» цель. С одной стороны, он использует наработанные «западные» философские средства, чтобы разобраться в конкретной природе власти. С другой — описывает аристотелевскую проблему власти на языке отечественной мысли, укореня (именно укореня) эту проблему в родной языковой стихии. Ради этого он раслаивает идеологему власти на множество составляющих; парадоксально противопоставляет и сталкивает полюса «права» и «закона», которые

в сознании многих, слишком многих российских политиков являются абсолютными синонимами; разбирает, расслаивает до атомарного уровня ту самую идею «суверенитета», которая стала масонским паролем для нынешних политтехнологов, угрожающим заклинанием для их политических клиентов... Недаром Сенокосов так внимателен к этимологии и так бескомпромиссно восстает против стершихся клише («политика есть искусство возможного» и проч.). Он видит главную опасность нашего сознания (до сих пор советского, а не русского!) в привычке проглатывать навязанные формулы, не вдумываясь в их содержание. Неважно, какова окраска этих формул: консервативная, государственническая или либеральная, диссидентская. Неважно, идет ли речь о бремени величия или о правах человека...

Результат же более чем важен и более чем актуален. В небольшой и достаточно легко (для философского труда) написанной книге Юрия Сенокосова конкретная историческая реальность современной России выведена на «космический» уровень

обобщения, поставлена в контекст ключевых европейских дискуссий. (Чего стоит хотя бы остроумно реконструированный автором философский диалог Эразма Роттердамского и Мартина Лютера!) И наоборот, классические работы Шарля Луи Монтескьё, Никколо Макиавелли, принципы оппонентов Иоанна Безземельного и сегодняшние рассуждения Ральфа Дарендорфа «спущены» на нашу грешную землю, «обработаны» публицистическим раствором. И в результате получается работа, аналогов которой я на сегодняшний день не могу найти; получается размышление, отдельные пассажи которого хочется перечитывать по нескольку раз. А главное — использовать в практической деятельности по органичному преобразованию России в современное общество и современное государство, отнюдь не похожее на дантовского грешника, идущего вперед с лицом, обращенным назад.

Власть должна стать сложной, многосоставной проблемой, подлежащей постоянному философскому осмыслению. Иначе все будет по-прежнему: где власть, там и проблема.

Вечный вопрос «вечного города»

Григорий Меламедов, Алек Эпштейн

Т.В. Носенко. Иерусалим. Три религии — три мира. М.: Олма-Пресс, 2003. 442 с.

Вопрос о статусе Иерусалима продолжает оставаться камнем преткновения для всех сторон, так или иначе вовлеченных в палестино-израильское противостояние. Ответить на него попыталась и сотрудница Института востоковедения РАН, историк и дипломат Татьяна Носенко. Само название ее книги «Иерусалим. Три религии — три мира» говорит о том, какие подходы выбраны автором при рассмотрении этой неразрешенной пока проблемы. Монография выстроена в хронологическом порядке — от эпохи древнееврейской государственности до настоящего времени, при этом социально-экономические, демографические и культурные процессы в жизни города вплетаются

в канву политических событий: религиозных конфликтов, войн, смены курсов различных правителей и т. д.

Вопрос «У кого больше прав на Иерусалим?» представляется автору заведомо неверным и ведущим в политический тупик. «Миф и реальность так тесно переплелись в его [Иерусалима] судьбе, что порой и не отличишь, где историческая правда, а где навеянный религиозными и историческими мотивами вымысел. Столетиями окутывающие Иерусалим легенды непосредственно отражались на его истории, приобретая значение исторического факта, а сама история священного города трансформировалась в предания и мифы...» — утверждает автор (с. 8–9).

Признавая, что миф, вошедший в национальное самосознание и формирующий его, практически равносителен реальности (с политической точки

Г.А Меламедов — эксперт Компании развития общественных связей, обозреватель журнала «Алеф» и «Вестника Еврейского агентства в России». **Алек Эпштейн** — д. ф. н., преподаватель кафедры социологии и политологии Открытого университета Израиля, Центра Чейза Еврейского университета в Иерусалиме и Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова.

зрения), Носенко отнюдь не отказывается от научно-критического анализа тех или иных традиций. Например, почитание мусульманами Иерусалима как святого места ислама основывается на их вере в то, что отправной точкой вознесения пророка Мухаммеда на небо являлся камень на Храмовой горе, вокруг которого позднее построили златокупольную мечеть Омара. Не ставя перед собой задачу подтвердить или опровергнуть эту легенду, автор указывает, что ее появление было обусловлено не ранними религиозными представлениями, а целенаправленной политикой династии Омейядов (арабские халифы, происходившие из мекканского курейшитского рода Омейя; 661—750 гг. — **Ред.**), соперничавшей с халифами Мекки и пытавшейся превратить Иерусалим в альтернативный центр паломничества. С другой стороны, подчеркивает Носенко, у первых мусульман еще при жизни Мухаммеда существовал обычай молиться обратив лицо к Иерусалиму — в знак глубокого уважения к иудаизму и христианству, как к предтечам ислама (с. 108).

Точно так же не пытаюсь оценивать «правомерность» святости для евреев Стены Плача, автор утверждает, что обычай молиться возле нее возник только на рубеже XV—XVI веков «по не совсем понятным причинам» (с. 229).

Иерусалим, считает Носенко, действительно является важнейшей святыней христианского мира, но такое

отношение к нему сформировалось только в IV столетии благодаря усилиям императора Константина и его последователей. Что же касается ранних христиан, то для них «земной» Иерусалим не имел особого сакрального значения (с. 80).

Таким образом, с одной стороны, миф не возводится в статус непреложной исторической истины, а с другой — рассматривается как объективный фактор, творящий историю священного города и формирующий политическую культуру. Основываясь на таком научно-критическом подходе к возникновению религиозных традиций, Носенко не только не отказывает городу в сакральности, но и, напротив, подчеркивает его святость и говорит о возможности роста его значения как места религиозного поклонения.

И палестинцы, и израильские евреи — молодые нации, находящиеся в определенном смысле на стадии становления. Поэтому утверждение исторической справедливости (как ее понимает каждая из конфликтующих сторон) является одним из важнейших народообразующих факторов. Скорее всего, подлинное движение к миру начнется только после того, как процесс формирования обеих наций завершится и вопрос о том, «кто раньше и сильнее возлюбил Иерусалим», станет менее болезненным.

Особо интересна та часть книги, которая посвящена истории Государства Израиль, и в частности периоду после Шестидневной войны 1967 го-

да. Прежде всего нельзя не отметить несвойственную российскому востоковедению оценку роли в тех событиях сверхдержав. Автор признаёт вину Великобритании, США и СССР за бедствия, постигшие Иерусалим, и заявляет, что «сегодняшнюю деятельность коспонсоров мирного процесса правильнее было бы рассматривать не только как миссию “добрых услуг”, но и как своего рода “возмещение” за ущербную политику прошлых лет» (с. 435). Сегодня в российском, западноевропейском, американском общественном мнении распространена точка зрения, согласно которой великие державы и ООН прилагали и прилагают максимум усилий для урегулирования палестино-израильского конфликта, в том числе и для решения проблемы Иерусалима. Между тем объективный анализ показывает, что международные посредники преследовали собственные национальные интересы и не выполняли своих обязательств ни во время Войны за независимость, ни в период израильско-иорданского перемирия (1949–1967), ни при принятии резолюции № 242 Совета Безопасности ООН, ни в самые последние годы. Они, напротив, лишь усугубили юридическую неразбериху вокруг статуса Иерусалима. Сегодня, когда коспонсоры настаивают на продолжении мирного процесса в духе «Дорожной карты», особенно необходимо понимание того, что международные посредники (включая США и ООН) должны нести, по

крайней мере в глазах мирового общественного мнения, ответственность за свои решения и предложения.

Еще один смелый и важный шаг Татьяны Носенко — опровержение устоявшегося мнения о пассивной роли арабов — граждан Израиля в первой интифаде (1987–1993). Исследовательница приводит свидетельства активного участия иерусалимских арабов не только в мирных, но и в насильственных акциях протеста и пишет о давлении, оказанном радикальными группировками на арабов Восточного Иерусалима.

В последней главе книги под названием «Чей Иерусалим?» автор, помимо прочего, размышляет о возможностях установления мира в Иерусалиме в отдаленной перспективе. Носенко уверена: нежелательно заново делить этот город и тем более суверенитет над святыми местами; учитывая особое религиозное значение города, это было бы кощунственным решением. По ее мнению, никакое мирное соглашение не станет гарантией мира, пока между израильскими евреями и палестинцами сохраняется антагонизм. Преодолеть же этот антагонизм возможно с помощью народной дипломатии, воспитания толерантности и формирования новой психологии у обоих народов. А реальное решение проблемы Иерусалима, скорее всего, будет отличаться от всех тех, что предлагаются сегодня. Только будущие поколения смогут поставить точку в данном вопросе.

Эти абсолютно верные, на наш взгляд, положения подталкивают нас к тому, чтобы продолжить размышления на данную тему. Хотелось бы подчеркнуть, что стремление обладать Иерусалимом, и особенно Старым городом, настолько прочно укоренилось в психологии израильтян и палестинцев, что превратилось в сверхидею. Поэтому невозможность реализовать желаемое может самым пагубным образом сказаться на самосознании нации и ее жизнеспособности. Именно это и происходит сегодня с палестинцами: они не могут сосредоточиться на внутренних проблемах (государственное строительство, экономика, безопасность, благосостояние и пр.), поскольку их глубинные желания не удовлетворены. Основной чертой сегодняшней палестинской нации является чувство униженности, выплескивающееся в месть, агрессивность, склонность к террору. Конечно, нельзя утверждать, что данная психическая особенность обусловлена одной только неопределенностью статуса Иерусалима, но именно эта проблема воспринимается наиболее болезненным образом. Более того, по мере усиления религиозно-исламистской составляющей палестинского национализма значение Иерусалима только усиливается. Религиозная мотивация играет важную роль и в Израиле. Если допустить, что израильтяне потеряют власть над Старым городом, то их паразит та же болезнь — поте-

ря *raison d'être*, от которой сегодня страдают палестинские арабы.

Вместе с тем многие исследователи считают: поскольку Иерусалим «сверхценен», обладание им способствует развитию в израильском обществе, с одной стороны, ощущения превосходства, а с другой — комплекса вины перед палестинцами. Таким образом, основная задача каждой из двух наций заключается уже не столько в поиске формулы межнационального компромисса, сколько в том, чтобы постепенно привести свою нацию к мысли, что она может полноценно существовать и без полного контроля над Старым городом. (Кстати, в 1947 году идея международного контроля над святыми местами, предложенная бывшим премьером Израиля Давидом Бен-Гурионом, вовсе не казалась израильтянам предательством, а в разгар «процесса Осло» нынешнему лидеру Палестинской национальной администрации Махмуду Аббасу не казалось кощунством создание «палестинской столицы» в деревне Абу-Дис в восточном предместье Иерусалима.) При такой постановке вопроса задача смещается из сферы политики, то есть борьбы за ресурсы, в область культуры, национальной философии, социальной психологии.

В монографии Татьяны Носенко эта идея не высказывается прямо. Возможно, она не во всем согласилась бы с нашей трактовкой. Но ведь «вечный город» по-прежнему не дает однозначных ответов...

Украина: от потрясения к потрясению

Евгений Бобров

На фоне «оранжевой революции»: Украина между Востоком и Западом: Вчера, сегодня, завтра / Под ред. К.Ф. Затулина. М.: Институт стран СНГ, 2005. 240 с.

Сборник статей и документов, подготовленный Институтом стран СНГ, предворяется хроникой «борьбы за Украину», охватывающей период с 1999 по 2005 год. Особенно подробно разбирается Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной, который удостоивается таких характеристик, как «мюнхенский сговор номер два» и даже «обман века». «Отдавая сегодня российское добро Украине, мы на деле отдаем его в руки НАТО», — уверены авторы сборника, не сомневающиеся, что конечной целью Киева является вступление в Североатлантический альянс.

Подробно анализируется ход борьбы за президентское кресло в Украине на последних выборах. Победа Виктора Януковича, по выражению Константина Затулина, «была украдена». «Все планы поскользнулись на

Кучме, как на лимонной корке».

Вместе с тем населению восточных областей, поддержавшему своего кандидата, не хватило ни опыта, ни пассионарности, присущих жителям Западной Украины. Согласно приводимым фактам, при переголосовании второго тура явка в западных областях выросла на 3 %, в то время как в восточных она снизилась на 5 %.

Много места в сборнике уделяется влиянию внешних сил на результаты выборов. По мнению Затулина, вмешательство Запада, в частности Америки, было качественнее и результативнее, в подтверждение чего приводятся красноречивые факты и цифры. Так, по данным Министерства юстиции Украины, на 1 января 2004 года в стране зарегистрировано 399 международных объединений и ассоциаций, 421 благотворительная организация с международным статусом, 179 структурных ячеек, представляющих неправительственные общественные организации зарубежных государств. Бюджеты 90 % организаций составляли от 50 тыс. до 300 тыс. долларов, а каждой десятой

— не менее 500 тыс. долларов. Ежегодно в Украину перечислялось около 200 млн долларов.

Читателю предлагается поразмышлять, уместны ли рассуждения о теории заговора в связи с очевидным воплощением в жизнь в Украине концепции «силового европоглощения», формированием новой политической утопии, в то время как сама страна превращается в «детонатор» для России как с точки зрения политической практики, так и в плане возникающих противоречий и способов их решения.

В стенограммах «круглых столов», проводившихся «по горячим следам» и опубликованных в сборнике, — высказывания известных политиков, обозревателей, консультантов. Сергей Кургинян детально раскрывает сценарий «оранжевых революций», а телеобозреватель Михаил Леонтьев убежден, что в ближайшие несколько месяцев Украину как целостное государство разорвет на части. Олег Матвейчев утверждает, что «эта “оранжевая революция” не последняя». По его мнению, «наступил страшный век: нефть кончается, обостряются экологические проблемы... начинается страшная борьба. В этом веке будет не до демократии». Андраник Мигранян говорит о том, что при определенном развитии событий в Украине велика

вероятность вовлечения в них «американцев со всей их мощью».

Андрей Кураев видит основное противостояние не между Западом и Россией, а между Америкой и Западной Европой. В его понимании «речь идет о простой вещи — о контроле над газопроводами, по которым российский газ питает Германию». Виктор Кувалдин считает, что в отношении Украины «мы должны взять на вооружение режим наибольшего благоприятствования». Сергей Дацюк поднимает тему коррупции, которая, как ему представляется, имеет три уровня: малая коррупция — когда инициатива исходит от частного посетителя, локальная — когда в регионе заправляет местный «царек», «берущий на лапу», и «глобальная — когда взятки передаются корпорациями государственным структурам». Россия, по мнению Дацюка, является «провайдером глобальной коррупции».

Константин Затулин считает важнейшим результатом президентских выборов в Украине не столько победу одного из кандидатов, сколько «обнажение раскола Украины на восток и запад». С расколом встает и проблема федерализации — ведь именно последняя может быть одной из главных гарантий сохранения Россией своего влияния на юге и востоке Украины.

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events—turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington—this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO

FOREIGN AFFAIRS

“The most influential periodical in print.” —*TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” —*FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” —*FINANCIAL TIMES*

SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*:
One year only US\$57.00!

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoast.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ШЕФ-РЕДАКТОР

академик Н. П. ШМЕЛЕВ

**ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ,
КАК И ЧЕМ ЖИВУТ СЕГОДНЯ
СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНЕНТА**

Широкий круг российских и зарубежных авторов:
государственных и политических деятелей, видных ученых,
дипломатов, военных экспертов, журналистов

становление новой, интегрированной Европы
•
проблемы экономики, политики, безопасности, науки,
культуры и искусства, религиозной жизни
•
европейский опыт развития гражданского правового общества,
создания социальных и духовных условий жизни,
достойных человека
•
Россия и Европейский Союз
•
научная жизнь – разнообразие мнений, дискуссии
•
документы
•
рецензии

ПОДПИСКА

по каталогу «Роспечать», индекс 79701,
по объединенному каталогу «Пресса России», индекс 14492,
по каталогу для библиотек, индекс Б902 и непосредственно в редакции.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОДПИСКА

каталог ЗАО «МК-Периодика»

телефон редакции (095) 292 2720 • факс (095) 200 4298 • E-mail: sov_europe@mail.ru

Отечественные записки

ЖИВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Пополняется каждые два месяца

Подписной индекс 43785

www.strana-oz.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл** член Наблюдательного совета корпорации *RAND*, премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг.
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич**
(в личном качестве) к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ
- ИНОЗЕМЦЕВ**
Владислав Леонидович д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике», главный редактор журнала «Свободная мысль–XXI»
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., первый вице-президент ЗАО «КРОС»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич член-корреспондент РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики
- ЛАВРОВ Сергей Викторович**
(в личном качестве) министр иностранных дел РФ

ЛИВШИЦ Александр Яковлевич	д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»
ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., депутат Государственной думы РФ
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	д. п. н., профессор, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, сопредседатель «Комитета-2008»
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович (в личном качестве)	к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., завкафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД РФ
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности
ЮРЬЕВ Александр Иванович	д. п. н., профессор, завкафедрой политической психологии СПбГУ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК «Транснефть», академик Академии горных наук
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ВЕКСЕЛЬБЕРГ Виктор Феликсович	президент ОАО «СУАЛ-Холдинг»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	председатель совета директоров Ассоциации по защите прав инвесторов
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор Национальной инновацион- ной компании «Новые энергетические проекты», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих ИАТА, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»
ЦВЕТКОВ Николай Александрович	к. э. н., президент ФК «Уралсиб»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: 46708, 46709, 46710

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: 15577, 11119, 16497.

Подписка на Украине, по каталогу «KSS», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

АБОНЕМЕНТ на газету журнал		<input type="text"/> индекс издания									
Россия в глобальной политике (наименование издания)		Количество комплектов									
на 2005 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда	<input type="text"/>										
	Почтовый индекс (адрес)										
Кому	<input type="text"/>										
	(фамилия, инициалы)										
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА											
ПВ	место	литер	на газету журнал		<input type="text"/> индекс издания						
Россия в глобальной политике (наименование издания)											
Стоимость подписки _____ руб. _____ коп.						Количество комплектов					
_____ руб. _____ коп.											
на 2005 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда	<input type="text"/>										
	Почтовый индекс (адрес)										
Кому	<input type="text"/>										
	(фамилия, инициалы)										

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«БУКБЕРИ»

- **ТРК «МЕГА»** (пав. 9092) Калужское ш., 21-й км (тел.: 789-6502)
- **ТЦ «Глобал Сити»** ул. Кировоградская, 14 (тел.: 956-4239)
- **Никитский б-р, 17** (тел.: 291-8303, 789-9187)
- **ТК «Галерея Аэропорт»** Ленинградский пр-т, 62а (тел.: 771-7261)

«РОССПЭН»

- «**Книжная лавка историка**» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «**Книжная лавка обществоведа**» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «**Книжный киоск РОССПЭН**» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «**Ad Marginem**» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «**Политическая книга**» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «**МН-Пресс**»
- 1-й подъезд **Российской Государственной Библиотеки**
- В киоске «**Деловые люди**» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках **МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА**
- **Клуб «Проект О.Г.И»** Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «**Летний сад**», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «**Русское богатство**» (магазин при РХГИ)
Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «**Книжный магазин**» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»

или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»

Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»

129110, Москва, ул. Гиляровского, 39

Тел.: (095) 681-9137, 681-9763

Факс: (095) 681-3798

E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму East View Publications

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications

3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA

Tel: 1-763-550-0961

Fax: 1-763-559-2931

E-mail: eastview@eastview.com

<http://www.eastview.com>

117638, Москва

ул. Азовская, 6/3

Тел.: (095) 777-6557, (095) 318-0927

Факс: (095) 318-0881

E-mail: mosunova@mosinfo.com

<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № **пд-4**

АНО «Редакционно-издательский дом «Глобус»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ Р/сч. № 40703810400001000317

(номер счета получателя платежа)

ОАО «Вербанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

К/сч. № 30101810000000000124

БИК 044585124

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

АНО «Редакционно-издательский дом «Глобус»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ Р/сч. № 40703810400001000317

(номер счета получателя платежа)

ОАО «Вербанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

К/сч. № 30101810000000000124

БИК 044585124

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки **получение в редакции**
заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)